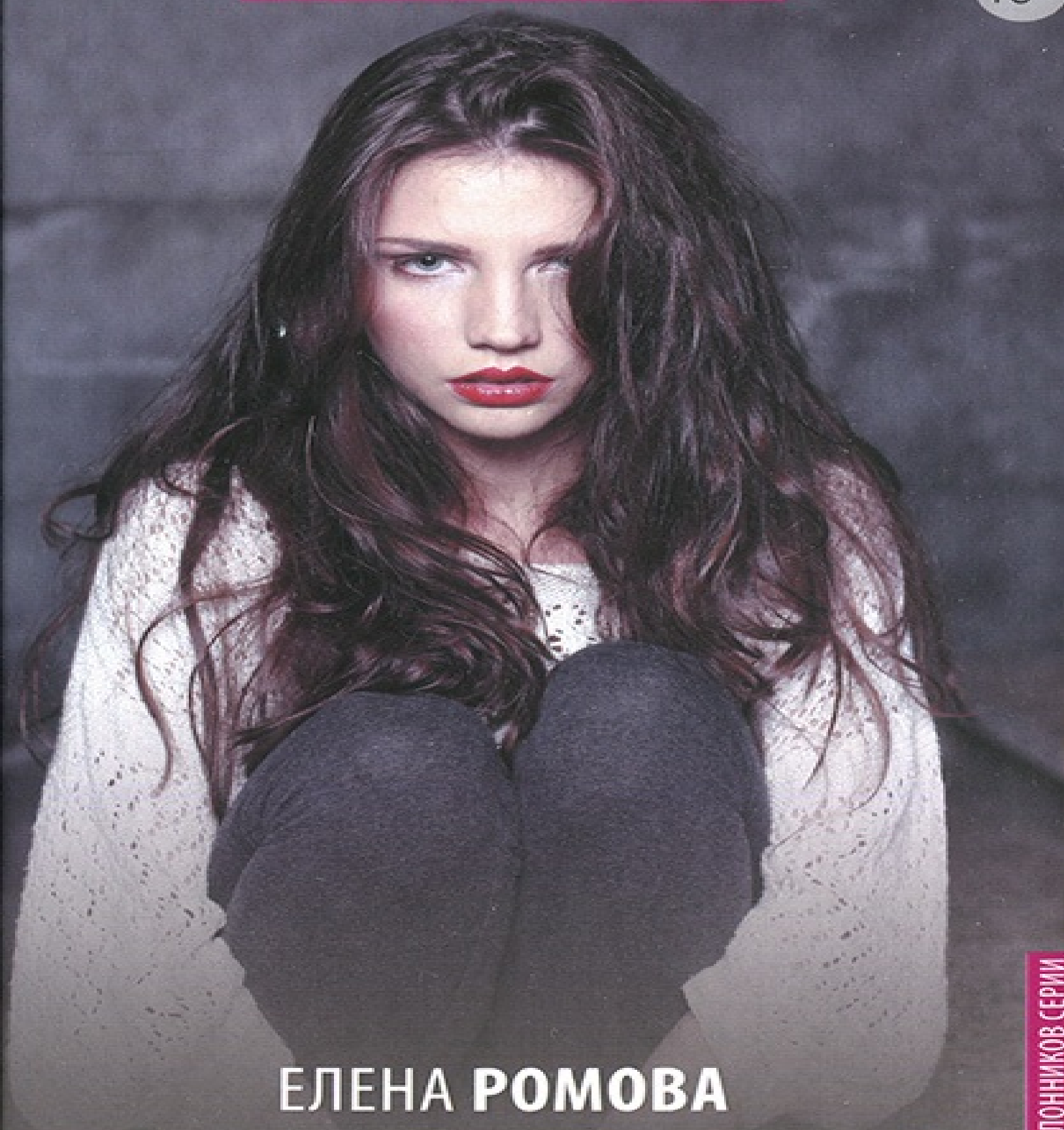

ЗВЕЗДА РУНЕТА #ПРО ЛЮБОВЬ

18+

ЕЛЕНА РОМОВА

СИНДРОМ ОТЛИЧНИЦЫ

500 000 ПОКЛОННИКОВ СЕРИИ

Annotation

Я и подумать не могла, что любовная интрижка с красавчиком из университета принесет одни лишь проблемы и станет отправной точкой для череды событий, изменивших мою жизнь. Мне пришлось не только переехать — и куда?! — на другую планету, смирить гордость и стать стажером настоящего изверга — самого изощренного изверга! — но и избавиться от вечного комплекса — синдрома отличницы.

- [Елена Ромова](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Эпилог](#)
-

Елена Ромова

СИНДРОМ ОТЛИЧНИЦЫ

Пролог

Лимма Лессон. Этакая отличница из университета Катригана.

Ситайка, но только наполовину. Одна из немногих, кто получил приглашение на стажировку в Каптийскую исследовательскую лабораторию.

Лесс Хейвуд отложил анкету, по которой бегло скользнул взглядом, а затем посмотрел на Лимму, миниатюрную смуглую девушку с торчащими из высокого хвоста прядями. Солнечный свет врывается в распахнутое окно его небольшого кабинета, выхватывая из полутьмы ее фигурку и позволяя ректору внимательно рассмотреть гостью. Девушка обладала выраженными чертами ситайки: треугольным маленьким личиком, полными губами, суровым изломом бровей и неоспоримым упрямством во взгляде. Она сидела, хлопая черными глазами, неестественно и напряженно прижав к коленям кулачки. Эта девушка даже не осознавала, какую шумиху подняла в городе — не часто в Каптике объявляются ситайки, тем более, такие хорошенькие.

— Итак, — Хейвуд прочистил горло и, постукивая пальцами по столешнице, откинулся на спинку кожаного кресла, — ваша мать та самая Гарверд Лессон. Вы решили пойти по ее стопам?

Лимма нахмурилась. Говорить о матери, учитывая ее болезнь, было плохой идеей.

— Не совсем, — голосок у девушки был хриплым и неуверенным.

— Как ее здоровье?

— Ей уже лучше. Мы переехали в Каптику, чтобы сменить климат.

Конечно, это интересовало Хейвуда в последнюю очередь, поэтому он поспешил сменить тему:

— Вы закончили университет с дипломом биомедицинского инженера-техника в Элентропе, затем работали на кафедре патофизиологии в Катригане, верно?

— Да.

Впечатляющее резюме. Хейвуд был уверен, что эта юная ситайка способна получить работу в лучших исследовательских центрах Альянса. Если бы не болезнь Гарверд...

— У вас довольно востребованная специальность, — пробубнил мужчина. — Но я понимаю ваше желание не останавливаться на достигнутом. Вы экстерном закончили аспирантуру и теперь хотите

применить знания в сфере инноваций.

— Да.

Хейвуд скрыл удовлетворенную улыбку — из любой ситуации он всегда выжимал по максимуму.

— Сомневаюсь, что вам было бы интересно работать в команде доктора Баргера.

— Но я...

— Мы, к сожалению, больше не набираем стажеров, — подняв взгляд, мужчина с изумлением отметил, что девушка вся подобралась и напряженно застыла, — но я ознакомился с результатами ваших тестов и рекомендацией доктора Морган и могу заявить, что вы довольно перспективный специалист. Мы можем взять вас сверх штата, но это значит, что вы не будете получать стипендию.

Лессон нетерпеливо выдохнула.

— То есть, я могу рассчитывать на это место?

— Да, но с условием, которое я озвучил...

Пожалуй, эту девушку не интересовали условия. Она привыкла всегда и во всем быть лучшей.

— Я согласна, — произнесла она.

Глава 1

У меня все из рук валилось. Особенно под пристальным взглядом Питта Сайверса.

Этот красавчик с модной прической вызывал в моем воспаленном мозгу короткое замыкание. Моя потертая джинсовка, перекинутая через длинную лямку сумки, норовила упасть на пол. И зачем я взяла ее сегодня? Дня, более жаркого — буквально адски жаркого — не было еще за все лето. Юбку цветочного платья, которое казалось мне сейчас самым неудачным из всего гардероба, раздувал горячий южный ветерок.

Взгляд Питта был острее самурайского меча. И опаснее.

Я, конечно, понимала — такие мальчишки не мечтают о ситайках, живущих в домах, которые арендует государство. В жилище, далеко от эталона каптийских домов.

Семья Питта была весьма обеспеченной, и я даже не смела мечтать об участи Золушки и о том, что Сайверс может оказаться благородным принцем. Сверкающая тачка, уйма свободного времени, футбольный гарнизон и одна из самых престижных команд Каптики — это составляющие портфолио Питта. А еще он одно время встречался с действующей «мисс бикини», что вознесло его на Олимп так высоко, что нам смертным не угнаться. Но, несмотря на это, мое сердце едва не выпрыгивало из груди, когда этот парень смотрел на меня. Он был младше на год, но иной раз мне казалось, что до его уровня мне еще расти и расти, невзирая на то, что наше ай-кью разнилось, как Эверест и дюна в какой-нибудь пустыне.

— Уверена, он не читал Галена в оригинале, — раздалось скептическое мнение Ниллы, моей подруги, которая наблюдала, как я запикиваю в сумку книгу.

— Меня это не интересует.

— Не советую обольщаться на его счет. Все знают, что он самовлюбленный кретин.

Внимание Питта, как призрачный мираж. Вроде бы меня это беспокоит, а вроде и беспокоиться не о чем — мало ли на кого он может смотреть.

— Может, у него проблемы со зрением? — бурчала я, завязывая рукава джинсовки вокруг лямки. — Такие, как Питт Сайверс, не смотрят на таких, как Лимма Лессон.

Нилла, пожалуй, единственная, кто не считал меня чокнутой. Она занималась изготовлением кукол из папье-маше, которыми был забит гараж в ее доме. Честно признаться, даже я — а меня считали «не от мира сего» — боялась лишний раз спуститься туда в одиночестве. Впрочем, Нилла и сама напоминала одну из своих кукол. Она любила черный цвет, поэтому он преобладал во всем: в ее гардеробе и в макияже.

Перекинув лямку через плечо, я пошла к автобусу. Ниллу забирал старший брат, который работал лаборантом, а мне оставалось провожать их взглядом, а затем трястись полчаса до нашего дома в восточном районе Каптики.

Наш двухэтажный дом был редко наполнен суетой или каким-либо воодушевлением. Ба часто читала маме, сидя на заднем дворе, попивая крепкий бренди или не менее крепкий чай с бергамотом и льдом. Она покачивалась в кресле, спустив очки в прозрачной оправе на кончик носа, и медленно читала какой-нибудь бульварный роман. И маме всегда нравились эти мгновения спокойного уединения.

Перед ужином мы читали молитву. Эта традиция повелась еще с тех времен, когда только случилась мамина болезнь. Ба верила, что взывание к небесам могло помочь матери исцелиться. А мама, будучи медиком, позволяла нам в это верить и со снисхождением наблюдала, как бабушка возносит молитвы.

Дейне Морис было уже семьдесят восемь лет. Моя мать была у нее поздним ребенком, ожидаемым и любимым. Через год после ее рождения не стало деда. К слову, у нас уже не одно поколение женщин оставалось без мужчин. Мама никогда не говорила о моем отце. Она родила в шестнадцать, еще учась в старших классах, так что моим отцом мог быть какой-нибудь прыщавый школьник, забывший об элементарных средствах контрацепции. Однако наличие ребенка не помешало ей окончить школу, поступить в университет и стать одним из самых успешных медиков Альянса.

После переезда в Каптику я почти сразу получила место в исследовательской лаборатории. Группы из двенадцати человек были сформированы еще в начале года, и руководителю одной из них, доктору Баргеру, присутствие меня в зоне его комфортного пребывания только портило настроение. Будучи человеком практичным, он долго и скрупулезно приглядывался ко мне, прежде чем допустить до исследований, которые были назначены его стажерам. Мы занимались тем, что выращивали какой-нибудь трансгенный сорт кукурузы, что само по себе было делом скучным до колик. Однако это был шаг вперед. Для меня

— весьма ощутимый.

Я обычно заканчивала около шести. Мы уходили вместе с Баргером, потому что он всегда дожидался, когда его стажеры покинут святая святых, и запирали лабораторию на ключ. Он никогда не предлагал подвезти меня, хотя жил в восточном районе. Впрочем, он относился к тем людям, которые старались держаться особняком. Ему вполне хватало моего ежедневного десятичасового присутствия, чтобы продлить его на лишние полчаса.

Автобус обычно приходил в шесть пятнадцать, и я заходила в мини-маркет за пакетиком фруктовых леденцов, которые имела привычку грызть в дороге. Мой путь до остановки никогда не отличался чем-то примечательным. Доходя до лавочек, я обычно вскрывала пакет, разворачивала одну из конфет и закидывала в рот. Но на сей раз мне было не суждено насладиться вкусом любимых леденцов.

С ходу я столкнулась с кем-то, выронила лакомство со стоном: «Проклятье...», а затем вскинула полные негодования глаза.

У вас в руках когда-нибудь взрывалась петарда? Да так, что глаза заволакивало на пару мгновений, сердце замирало от страха, а вы сами бледнели, представляя, что лишились половины пальцев?

Так вот: эта встреча была подобна взрыву петарды.

— Прости, — приятная улыбка скользнула по карамельным губам Питта.

Какого черта он делает здесь? В опасной близости от такой, как я?

— Ты ведь Лимма, так?

— Да, — я могу говорить только тогда, когда не смотрю в голубые глаза этого парня.

Мы молчим некоторое время, испытывая неловкость. Для Питта это в новинку, мне не привыкать. Я делаю неуверенное движение вбок, чтобы обогнуть парня, глупо улыбаюсь на прощание. Когда осторожно обхожу его, как робот-краб, твержу про себя, какая я идиотка.

— Ты ведь работаешь здесь? — этот вопрос летит мне в спину, как брошенный вдогонку булыжник. Он вышибает из меня дух.

Я обернулась, цепляясь за лямку сумки обеими руками, как за спасательный круг. Губы у меня дрожали от острого приступа паники.

— Да.

— Новенькая? Давно приехала?

Питт поправил челку, которая спадала ему на левый глаз. Очки с зеркальными стеклами были подняты вверх и пускали солнечные зайчики. Одна его ладонь скрывалась в кармане синих джинсов. Белая футболка выгодно подчеркивала загар и рельеф развитых мышц.

— Пару месяцев назад, — произнесла я.

В этот момент к остановке подъехал автобус, и я нетерпеливо перемялась с ноги на ногу.

— Мне пора.

Питт взглянул на распахнутые дверцы автобуса, затем на меня и спросил, не колеблясь ни секунды:

— Хочешь, подвезу?

Реакции у меня были медленные, как у кита, но сейчас я среагировала молниеносно:

— Меня?!

— Ну вроде как, — усмехнулся Питт, — поехали?

На его тачке? В той самой, на заднем сиденье которой университетская «мисс бикини» лишилась девственности?

— Я не буду лихачить, обещаю, — поспешил добавить парень.

В его руках звякнули ключи. Я бросила взгляд на автобус и пожала плечами:

— Поехали.

Почему-то мне казалось, что куш в казино срывают реже, чем подобные Питту Сайверсу приглашают подобных мне прокатиться на его тачке. В любом случае, я не тешила себя мыслью, что случившееся акция многоразовая. Мы с Питтом были слишком разные, чтобы нас что-то заинтересовало друг в друге.

Первые пять минут мы просто слушали радио, пребывая в каком-то оцепенении. Я могла бы сказать что-то типа: «классная у тебя тачка» или «о, люблю эту песню», но все, что приходило на ум, казалось невероятным идиотизмом.

— Мне, — решился Питт, глядя на дорогу и сжимая и разжимая пальцы на руле, — мне сложно придумать тему для разговора, хотя обычно со мной такого не случается.

Наверно, в этом виновата я. О чем можно разговаривать с зубрилкой, которая большую часть времени убивает в лаборатории и грезит карьерой ученого?

— Можем поговорить о Галене и его трактатах, — пошутила я и сразу почувствовала, как напрягся Сайверс.

— Понятия не имею, кто это.

Это моя вина. Я совершенно лишена чувства юмора.

— Один древний медик, не бери в голову, — прозвучало, как чертово оправдание.

— Я жуткий идиот, если честно. Вся моя жизнь строится вокруг

футбола.

Не знаю, испытывал ли он дискомфорт, произнося это, но я точно испытывала, слушая.

— А вот я не знаю ни одного игрока национальной лиги. Я и футбол — это на разных полюсах, — снова оправдание.

И почему я всеми силами не хочу выглядеть слишком умной?

— Ты работаешь в лаборатории, — произнес Питт, — это, наверное, сложно. Чем вы там занимаетесь?

— Трансформируем растительные ткани... эм... в общем, занимаемся разной ерундой.

И с каких это пор генная инженерия стала для меня ерундой?

— Интересно, — произнес парень. — Тебе это нравится?

— Да.

— Хочешь связать с этим свою жизнь?

Парой вопросов он докопался до истины. Наверняка он не такой придурок, каким его представляет Нилла.

— Скорее с биомедициной...

— Хочешь быть врачом? Вроде бы твоя мать...

— Она выдающийся хирург, — перебила я Питта, — а биомедицина — это нечто иное. Скажем так: эта сфера регенеративной медицины и поле для создания искусственных органов и тканей. В общих чертах, это то, что позволит человеку быть неуязвимым и жить вечно.

Сайверс улыбнулся, оторвался от созерцания дороги и взглянул на меня.

— Круто. Люблю людей, у которых есть цель в жизни.

— А ты? — смутилась я. — Будешь продолжать заниматься футболом? Питт рассмеялся.

— Нееет, — протянул он, — футбол это только в университете, через год я возглавлю отдел в фирме отца. Моя жизнь была распланирована, как только я появился на свет. Родители вкладывали в меня деньги, как в особый долгосрочный проект, и теперь надеются, что я отобью все их траты.

— А ты этого не хочешь?

— У меня нет выбора, — его улыбка померкла, он перехватил руками руль, поворачивая к моему дому. — Ты ведь здесь живешь, не ошибся?

— Да, верно. Что ж, спасибо, что подвез, — я открыла дверцу, замечая, что Питт чуть поддался вперед, не спуская с меня глаз.

— Послушай, Лимма, — сказал он, когда я благополучно высадилась из его машины и уже посчитала, что все волнения закончены, — может,

мы... мы с тобой...

Я взглянула на него, видя, что он нервничает.

Питт Сайверс нервничает!

— ...мы с тобой сходим куда-нибудь вечером... вдвоем, а?

В моем сознании будто переключился тумблер. Наверняка был запущен режим «розовые очки».

— Я и ты? — переспросила, заставив его слегка покраснеть.

— Вроде того. Так ты не против? — приподнял бровь. — Может, завтра? В семь? Я заберу тебя из университета, хочешь?

— Как скажешь.

Мы оба жутко волновались. Со мной это на каждом шагу случается, но Питт! Не иначе, магнитные бури или взрыв где-нибудь на Солнце.

— До завтра, Лимма, — опустив локоть на сдвинутое вниз стекло, Питт притягательно улыбнулся.

Глава 2

Еще до вступления в Альянс, моя планета — а вернее планета моих предков, — Айртона спокойно сосуществовала с набирающим обороты международным сообществом. До тех пор, пока к нам не пришли люди. С виду такие же, как и мы. Но, откровенно говоря, разница между человеком и ситайцем была велика так же, как и Равнина Эллада на Марсе. Во-первых, люди изначально воспринимали нас, как отстающий вид. Они вторглись в Айртона, обширно внедряя технологии, заряжая поспешностью и резкостью жизни. У них было право селиться, где им заблагорассудится. И они присвоили Айртона, единственную из Альянса, где уже существовала «разумная жизнь». Во-вторых, все вышесказанное не отменяло и другого различия между нами. Различия, о котором приличная ситайская женщина предпочла бы умолчать.

Об этом я думала, выбирая платье, подходящее для первого свидания. Я примеряла одно за другим, ловя себя на мысли, что веду себя не так, как Лимма Лессон, совершенно не так. Да и быть Лиммой Лессон мне не хотелось. Кем угодно, только не запуганной девчонкой, опасющейся лишний раз взглянуть на такого, как Питт.

Мое лицо было аккуратно поддурмянено, губы подкрашены блеском. Волосы я не стала собирать в хвост. Темные, почти черные пряди легли изящными волнами по плечам. Вишневое платье с коротким рукавом и белым тонким пояском из кожи, светлые туфли на низком каблуке кричали о том, что сегодня необычный день. Я чувствовала себя такой уязвимой, что пропустила завтрак и даже не зашла к маме, чтобы поцеловать перед уходом, как делала обычно. Ба проводила меня понимающим взглядом, выйдя из кухни и вытирая руки полотенцем. Хвала всем святым, она не произнесла ни слова, иначе бы я провалилась сквозь землю.

Автобус причалил к университетской остановке вовремя, и меня подхлестнуло волной студентов, спешащих на пары. Затерявшись среди них, я прошла до лаборатории, прошмыгнула внутрь.

— Лимма, сегодня ты в паре с Териной... — доктор Баргер развернулся от кофемашины, помешивая ложкой в бумажном стаканчике, и удивленно скользнул взглядом по моему платью.

— Да, конечно, — проговорила я, отчаянно хватаясь за дверную ручку раздевалки, желая поскорее исчезнуть в дверном проеме или же попросту распасться на атомы.

Вбежав внутрь, я захлопнула дверь и метнулась к своему шкафчику. Меня терзала мысль, что кто-то из девочек может прийти так же рано и увидеть меня... и все понять!

Накинув халат, переобувшись и спрятав волосы под шапочку, я облегченно выдохнула. Убрав в карман перчатки и закрепив бейдж, я некоторое время собиралась с духом, чтобы выйти из раздевалки.

Бартер уже готовил инструментарий. Обычно он редко заговаривал со мной на отстраненные темы. Но сегодня, видимо, был тот самый редкий случай.

— У тебя свидание, Лессон?

Я подошла к столу, тщетно пытаясь придумать какой-нибудь дурацкий ответ или отшутиться.

Доктор все же был не настолько жестоким человеком, чтобы потешаться надо мной и дальше.

— Приступай уже к работе, раз пришла на двадцать минут раньше, — вымолвил он, ставя передо мной лоток с пробирками.

Время летело неумолимо.

Я обычно не бываю рассеянной, особенно на работе. Но сейчас мои мысли витали где-то далеко. Но доктор Баргер был само снисхождение. Он ни разу не прикрикнул на меня: «Эй, очнись!», как обычно кричал на других стажеров, если они засыпали на ходу. А поводов я сегодня давала много. Наш куратор вообще вел себя на удивление спокойно. Он был человеком очень терпеливым и замкнутым, мало говорил, но надзиратель из него был отменный. Мы все, как один, боялись, когда он зависал за нашими спинами, следя за ходом эксперимента, и цедил скупое: «Ну, ведь не так же, не так...» За ним стояла вещь более серьезная, чем мы могли представить, — это наша будущность. Именно Баргер мог дать мне или соседу или даже вечно путающемуся под ногами Тиму Эвертону счастливый билетик в любую крупную лабораторию, где требовались сотрудники.

Ход нашей слаженной работы разбил звонок телефона. Баргеру единственному разрешалось пользоваться телефоном в стенах храма науки, и он, сев на стул в углу комнаты и спокойно наблюдая за нами, воткнул в ухо наушник.

— На каком? — взволнованно произнес он. — Прямо сейчас?

Рывком он поднялся со стула и почти бегом кинулся в общий коридор.

— Где пульт? Где пульт от этого телевизора? — донесся оттуда его голос.

Никогда не видела Баргера таким!

Мы все выглянули из лаборатории, неуверенно высыпали в коридор, с изумлением наблюдая, как доктор шарит по полкам в поисках пульта, затем судорожно жмет кнопки.

Телевизор, который не включался черт знает сколько лет, замигал и зажегся. Баргер замер, покусывая нижнюю губу. Мы все тоже замерли, глядя в экран.

— Да, да, я уже включил, — произнес доктор, все еще находясь с кем-то на связи. — Они что, действительно одобрили это...

Голос диктора заставил всех с шумом втянуть носом воздух и остолбенеть. Я будто провалилась в параллельную вселенную, плывя по звуковым волнам этого голоса, который вещал, что был отменен международный протокол, запрещающий терапевтическое и репродуктивное клонирование человека.

— Да, я это слышу, — произнес Баргер. — Это случилось, черт побери...

Это действительно случилось.

Стажеры заголосили, а доктор снова сел, напряженно слушая собеседника и почесывая лоб.

— Ты не зря принарядилась сегодня, Лессон, — сказал он мне с улыбкой, когда мы все вернулись в лабораторию.

Новость, обрушившаяся на нас этим утром, вытеснила мысли о Питте. Хотя, чем ближе стрелка настенных часов подходила к шести, тем больше я думала о нем.

Нилла, увидев меня после работы, удивленно присвистнула. Мы сели на лавочку, дожидаясь ее брата, покуда перед нами сновали студенты дневной смены.

— У меня сегодня... — откашлявшись, произнесла я, — встреча с Питтом Сайверсом. В семь.

Нилла даже головы не повернула, продолжая жевать соленый арахис.

— Что ж, желаю удачи, — вымолвила она после минутной паузы.

Она умела показывать неодобрение и недовольство, не говоря ни слова. И она явственно видела, как далеки друг от друга сын богатого папочки и дочка ученого, живущая на пособие.

Когда она уехала, я с тоской взглянула на электронные часы, показывающие время с башни Каптийского университета. Площадь медленно пустела, солнце садилось в розоватый туман над парком. Я проводила взглядом очередной автобус, и в какой-то момент поняла, что Сайверс не придет.

Семь тридцать.

Какая же я дура, раз подумала, что могу понравиться ему!

Вероятно, он проехал мимо с какой-нибудь из своих подружек, с довольным превосходством отмечая, что я сижу и жду его, нацепив лучшее свое платье. Это, конечно, польстит его самолюбию. Подумать только, он ведь может понравиться любой девушке, включая глупую зубрилку Лессон, которая ждет, словно преданный Хатико.

Швырнув сумку на лавку, я принялась рыться в ней. У меня должно хватить на такси, где-то завалялась двадцатка... если найти еще пятьдесят...

— Эй, Лессон, тебя подвезти?

Подняв покрасневшие глаза, я обнаружила, что у обочины притормозил доктор Баргер.

— Нет, спасибо, я... — сжимая в кулаке деньги, я думала лишь о том, что он обо всем догадался. Понял наверняка, что Лимму Лессон прокатили со свиданием и теперь она сидит, едва сдерживая рвущееся наружу негодование.

— Садись уже, — бросил мужчина, — нам ведь по пути.

Подхватив сумку, я села на пассажирское сиденье и отвернулась к окну, надеясь, что Баргер не станет со мной разговаривать, в частности, намекать на то, что мое первое свидание оказалось плодом моего воображения.

— Ты писала диплом по клеточным технологиям в регенеративной медицине, — выдал он с ходу. — Как далеко вы продвинулись с доктором Морган?

Я была удивлена, но уж лучше треп о работе, чем о моих любовных неудачах.

— Не особенно.

— Хейвуд передал мне результаты твоих тестов. Я впечатлен.

— Спасибо.

— Ты уверена, что хочешь остаться на стажировке именно в нашей лаборатории? Каптика никогда не даст разрешения на исследования в области человеческого тела. Хейвуд слишком боится осуждения, чтобы пытаться получить грант на такие разработки. Но я знаю человека, который не боится ничего. Он получил место руководителя проекта в одном из исследовательских центров крупного технопарка, и пределов у этого человека нет. Я могу поговорить с ним о тебе.

Я удивленно повернула голову, сглотнув ком в горле.

— Мне все кажется, — продолжил Баргер, — что ты не на своем месте. У меня нет к тебе никаких претензий, Лессон, кроме одной: ты

способна на большее и тратишь себя здесь напрасно.

Мое сердце стучало, разрывая аорту ко всем чертям.

— Я говорю о научно-исследовательском центре биомедицины в Вейсмунде. Слышала об этом месте?

— Вейсмунд... — повторила желанное слово, пробуя на языке, — это так далеко...

Чертовски далеко. Почти в другой галактике без преувеличения.

— Я не могу уехать из-за матери. Она очень больна, а бабушке семьдесят восемь.

Мне всего двадцать, у меня еще уйма времени на карьеру... но почему так рвет сердце?

— Понимаю, — немного разочарованно протянул Баргер, — тогда продолжим трудиться в одной команде?

— Да, думаю, несколько лет я проведу в Каптике.

Разговор иссяк, а меня еще долго терзало чувство, будто я упускаю единственную и такую желанную возможность добиться успеха на поприще науки.

Глава 3

Два дня я искренне верила в то, что кошмар по имени Питт Сайверс, наконец, покинул пределы моего сознания и улетучился, как предрассветный туман. Однако ж, как я ошибалась!

Этот парень, внешний вид которого кричал о внушительном состоянии, самоуверенности и черт знает о чем еще, ждал меня после стажировки, примостив свой зад на лавочку. Он поднялся навстречу, лепеча какую-то чепуху, вроде горя из-за того, что наше свидание — о, да, он назвал его именно так — сорвалось не по его вине. Какая жалость, ей-богу!

Я охотнее поверила бы в то, что он просто забыл, что вообще договаривался со мной о чем-то.

— Давай сходим куда-нибудь, ну, скажем, сегодня? — пожал он плечами, — прямо сейчас?

Я вошла в мини — маркет, схватила пакетик леденцов и подошла к кассе, продолжая равнодушно слушать:

— Прости, что так получилось... Дай мне еще один шанс, ладно?

Расплатившись, я направилась к выходу, надеясь, что проблема под названием Питт Сайверс рассосется сама собой.

— Брось, Лимма, — почти взмолился парень, не отставая от меня ни на шаг, — мне бы очень хотелось, чтобы наше свидание все же состоялось...

— Зачем? — я обернулась, скрестив на груди руки.

— Зачем? — переспросил он удивленно, — выпьем кофе, прогуляемся, поговорим...

— Ты не понял, Питт, — вымолвила я, — зачем тебе все это? Зачем тебе я?

На его лице обозначилась глубокая озадаченность.

— Ты что, с кем-то поспорил?

Его голубые глаза округлились. Пожалуй, Питт не ожидал, что я спрошу «в лоб». Его темные брови сошлись над переносицей.

— Лимма, послушай, — усталость засочилась в голосе, — я похож на подонка?

— Ты похож на человека, которому должно быть плевать на такую, как я?

— Потому что я подтираю зад купюрами и трахаю по полдесятка мисс «пятый размер бюста»? — Питт ожег меня хмурым взглядом. — Как же я

устал от этого дерьма, ты бы знала. Думал, ты единственная, кто не выльет на меня помой из-за того, кто мой отец.

Он развернулся как-то слишком быстро. И слишком неожиданно, чтобы я смогла остановить его, почувствовав острый укол стыда и угрызения совести.

Еще один упущенный шанс в мою копилку.

Впрочем, всю дорогу до дома я успокаивала себя тем, что мы с Сайверсом далеки друг от друга, как Каптика от Вейсмунда, и у нас ни за что ничего бы не получилось, даже если бы я, пылая страстью, пала к его ногам. Впрочем, нельзя отрицать тот факт, что Питт был до безумия обаятельным. Я в жизни своей не видела столь привлекательных людей.

Причина моей симпатии к нему не поддавалась логике. Пару месяцев назад я впервые увидела его на футбольном поле, когда, сняв футболку с загорелого тела и перекинув ее через плечо, он вылил питьевую воду из бутылки себе на голову и грудь. В тот день выдалась относительно теплая погода, хотя для того времени года еще довольно прохладная. Солнце сияло на абсолютно безоблачном небе и в каждой капельке воды на безупречном подтянутом теле Питта Сайверса. И в тот момент, когда он опустил руку и вскинул глаза, наши взгляды соприкоснулись. Книжки, едва не вывалились из моей хватки, потому что земля уплыла из-под ног, как зыбучий песок. Питт отвел взгляд, а я все еще глядела на него, чувствуя тугое напряжение в животе. И это было волнующе, пугающе... незабываемо.

Эта странная первая и острая необходимость в мужчине повергла меня в шок. Я никогда ни в кого не влюблялась, и мне казалось, что я попросту лишена «гена влюбленности». Однако с первой встречи с Питтом он стал предметом моих грез. Он мне даже снился. И эти сны заставляли вздрагивать наяву, случись мне увидеть Сайверса где-нибудь в университете, ибо ночью моя фантазия позволяла себе слишком многое. Но до поры до времени фантазии оставались фантазиями, и я даже не смела мечтать, что в один из дней этот человек запросто подойдет ко мне и позовет на свидание.

Зато теперь я понимала, что все мои мысли будут отданы ему.

Пару дней после нашего последнего разговора я досаждала Баргеру своей невнимательностью, из-за чего он, в конце концов, вывел меня в общий коридор, усадил на диванчик и взглянул уничижительно.

— Что не так, Лессон?

— Я плохо сплю.

Отчасти это было правдой. Слишком часто в своих грезах я занималась любовью с Питтом, просыпаясь в ужасе оттого, что мое тело

обмякло, а мышцы в паху продолжают сокращаться.

— У тебя бессонница?

— Вроде того.

— Тогда иди домой и не приходи, пока не станешь прежней Лиммой Лессон.

— Но...

— Я сказал, — рука доктора Баргера опустилась мне на плечо, легонько направляя в сторону раздевалки, — иначе я возьму обратно свои слова о Вейсмунде и твоих рекомендациях.

Целую неделю после внушения Баргера я занималась исключительно наукой. А по вечерам я заменяла ба в чтении книг матери, балуя ее статьями из передовых научных журналов. Мама, конечно, делала вид, что ее ничуть не заботит, каких высот добились ее коллеги. Но я и ба прекрасно знали причину, побудившую ее охладеть ко всему этому — мама нуждалась в медицине, а медицина в ней нет. И эта односторонняя привязанность грозила свести ее с ума.

— Ты же понимаешь, как ей тяжело, — говорила мне Дейна, когда мы спускались из спальни на кухню, — незачем травить ей душу этими статьями, Лимма. Время Гарверд, как медика, прошло, теперь она лишь твоя мать и моя дочь. Эта правда слишком болезненна, но она и является лучшим лекарством.

Дейна была чертовски права во всем, что касалось ее дочери. Мне же было тяжело осознать, что неиссякаемый потенциал моей матери стал лишь частью ее пожизненного проклятия.

Кто знает, может быть, моя жизнь и текла бы в прежнем русле, разрываясь между работой и домом, если бы в один из дней Дейна не заглянула ко мне в комнату со словами:

— Там во дворе какой-то парень, Лимма. Может быть, ты знаешь, кто он?

Карандаш, которым я делала пометки, выпал из моей руки. Я вскинула глаза, полные необъяснимой тревоги. Сердце забилося так сильно и громко, будто мне сообщили о начале войны, как минимум. Отложив книгу, я соскочила с кровати, подошла к окну и отдернула штору, проронив лишь: «Чтоб тебя!»

— Так ты знаешь его, или я звоню в полицию?

Ба терпеливо дождалась моих сбивчивых объяснений по поводу личности этого парня. Залившись краской стыда, я снова юркнула в постель.

— И что с ним делать? — приподняла брови моя бабушка. — Он

потопчет все цветы во дворе.

Пусть катится ко всем чертям. Я ни за что не выйду к нему, потому что боюсь. Смертельно боюсь, ибо умру сразу, как только он взглянет на меня. А еще я всерьез могу расплакаться или упасть в обморок. Нет, это выше моих сил!

— Лимма, мне его прогнать?

— Не знаю. Я его не звала. Я...

Дотянувшись до кувшина с водой, который стоял на прикроватной тумбочке, и чудом не расплескав, я припала к краю.

— Так, может, ты с ним поговоришь?

В ответ я отчаянно замотала головой.

Святое небо, Питт Сайверс ошивается у меня во дворе, как чертов Ромео! И одно это обстоятельство заставляет сходить с ума от паники.

— Уверена, он сейчас уйдет, — совладав с волнением, произнесла я и распахнула книгу, делая вид, что читаю. — Через пять минут его уже и не будет.

— Если пострадает хотя бы одна моя роза... — усмехнулась ба.

Черт побери, а ведь этот парень даже не постучал в нашу дверь и не соизволил намекнуть, что героически торчит во дворе. Ему будто плевать на условности, он же Сайверс, ему положено. Может, ему просто нравится наш сад? Или он заблудился в восточной Каптике? Здесь ведь все труппы на одно лицо.

Я отбросила книгу, взирая на часы и смакуя мысль, что Питт просто очарован мною до сумасшествия, раз в восьмом часу шарахается рядом с моим домом. Хотя кого я обманываю? Очарован? Мной? Этот богатый красавчик? Ему что-то нужно, наверное. Может, у нас донорская совместимость и ему нужна одна из моих почек? Или он забежал занять денег на новую тачку.

А может, ему просто нравится экзотика? Ситайки — это ведь такая редкость в Каптике. Кроме того, ситайские девочки созревают очень поздно. Главная особенность всех ситаек — определенное «женское строение» и чрезмерная наивность. Я наслушалась этого еще от матери, которая родила в шестнадцать, поддавшись чарам моего отца. «Мужчинам — нельзя верить!» Это просто священная истина нашей семьи. Особи противоположного пола, как бы они ни выглядели и что бы ни говорили, — зло. Им нужно только то, что находится у добропорядочных ситаек между ног. И ради этого они будут лгать, как последние грешники.

С другой стороны, Сайверс мог без труда обаять любую девчонку. Зачем ему я? Именно я?

С этим пора покончить.

Я поднялась, натянула кофту и спустилась в холл. Погода за окном испортилась, но дрожь у меня была не из-за этого. Поверить не могу, что паникую из-за Питта. У меня подгибаются колени, но я твердо решила, что пора бы поставить все точки над «и».

На крыльце я остановилась, увидев Сайверса, понуро сидящего на подвесных качелях. В свете надвигающихся сумерек, поднявшегося прохладного ветра и трепещущих из стороны в сторону листьев молодого клена, парень казался несчастным и безумно красивым.

— Привет, Питт.

Сайверс поднял бледное лицо, нашел меня потерянным, совершенно опустошенным взглядом. На его губах возникла знакомая теплая улыбка.

— Прости, Лимма, я сейчас уйду. Не думал, что ты выйдешь, я... просто хотел побыть здесь.

Нельзя доверять Сайверсу, особенно когда он выглядит таким измученным и уставшим.

— С чего бы это? — нахмурилась я, складывая на груди руки. — Тебе понравился сад моей бабули?

Он мог бы и разозлиться. В конце концов, я говорила тоном, который вывел бы любого, но Сайверс лишь понимающе усмехнулся.

— Прекрасные розы.

— Тебе не стоит быть здесь, — категорично выпалила я, — это не имеет никакого смысла. Лучше бы тебе прямо сказать, что тебе от меня надо?

Чем жестче звучал мой голос, тем приятнее и очаровательнее становилась улыбка Питта. Казалось бы, хандра медленно оставляет его, во взгляде появляются прежние озорные искорки.

— Мне нужны твои трусики. Самые откровенные и желательно кружевные.

— Что? — обомлела я, мгновенно вспыхивая от гнева.

— Ты же быстрее согласишься в то, что я поспорил с ребятами, что пересплю с тобой, чем в то, что мне хочется просто поговорить.

— О чем тебе со мной говорить? — еще пылая негодованием, произнесла я.

— О тебе или обо мне, — пожал он плечами, — не важно. Я, как дурак, постоянно о тебе думаю, Лимма. Поэтому я здесь. Я прошу только о разговоре.

У меня пару мгновений не билось сердце. Эйфория нахлынула, и все поплыло перед глазами. Низ живота налился тяжестью, губы вождельно

запылали.

— Уходи, Питт, — смертельно краснея, произнесла я.

— Хотя бы пару минут, — попросил он, поднимаясь с качелей.

Его осторожное приближение вызвало волну жара, прокатившуюся по спине.

— Уходи, Питт, — повторила я, почти умоляя.

Сайверс остановился, но его взгляд блуждал по моему телу.

— Я понимаю, ты слышала обо мне много всего, но... разве ты не хочешь узнать меня получше? Сама?

Я решительно мотнула головой, отступая к дому.

— Нам с тобой не о чем разговаривать.

— Хорошо. Хочешь сказать, что я не заслуживаю даже шанса? — его бровь вопросительно и нахально изогнулась.

— Дело не в этом, — еще два шага к дому.

Я уже чувствовала, что могу спастись, как вдруг Питт усмехнулся:

— Да ты просто боишься.

— При чем здесь...

— Боишься, Лимма, признай это, — оборвал парень, — тебе хочется поверить мне, но ты упорно ставишь барьеры. Проще к черту меня послать?

У меня — зубрилки и отличницы — вдруг кончились все слова. Я глотала ртом разреженный воздух, не зная, что ответить.

— Если так, — произнес Питт, закусывая губу, — у тебя здорово получается. А я стелюсь перед тобой, как идиот. Да я в жизни так не унижался ни перед одной женщиной.

Его взгляд стал требовательным и острым, как бритва.

— Мне пора, — упавшим голосом бросила я, резко разворачиваясь, и этим позорным бегством признавая правоту слов Сайверса.

Всего несколько шагов до крыльца показались мне бескрайним расстоянием по раскаленной пустыне. Я знала, что Питт глядит, как я сбегая, усмехается и наверняка злится. Сто к одному, что он сядет за руль своей сверкающей тачки с твердым намерением никогда не возвращаться в эту глушь и не встречаться со мной.

Громко хлопнув дверью, я прошагала к лестнице, услышав голос Дейны, донесшийся с кухни:

— Не забудь про ужин!

— Я не голодна! — прокричала, хватаясь за перила и направляясь в комнату.

Просто пройти. Мне нужно спрятаться там от всего и подумать.

Как же я ненавижу себя! Почему не могу быть просто двадцатилетней ситайкой с бушующими гормонами, которая занимается сексом с тем, кто ей нравится, безо всяких предрассудков? Почему я не могу сказать Питту, что изнываю от желания ощутить вкус его губ и отдаться ему там, где он прикажет? Пусть даже в машине! Мне, черт побери, двадцать лет! Я уже совершеннолетняя, и я хочу Питта Сайверса! Хочу почувствовать его в себе, хочу испытать первый в своей жизни оргазм!

Я рухнула на койку, обкусывая губы. Стоит только вспомнить сны с участием этого голубоглазого парня, как я постыдно и по-животному начинаю возбуждаться. Если бы он только прикоснулся ко мне или поцеловал, я бы умерла от наслаждения.

И вместо того, чтобы сказать ему об этом или хотя бы молча посидеть рядом, я шарахаюсь от него из-за чертова страха! Этот страх, будто код ДНК, передающийся из поколения в поколение семьи Лессон.

— Лимма, спустись, пожалуйста, к столу, — настойчиво заголосила Дейна, легонько постучавшись в дверь, — мы ждем.

— Я не голодна, правда.

— Мы всегда ужинаем вместе, Лимма.

Очередная традиция, чтоб ее! Будь я при смерти, я все равно пошла бы за стол, потому что традиции Дейны — это закон. Вся Каптика могла испариться, а закон Дейны нет.

Поднявшись, заново собрав растрепавшийся хвост, я спустилась в столовую и застыла на пороге, едва не схлопотав сердечный приступ.

— Я позвала твоего друга, ты же не против? — ставя на стол поднос с лазаньей, спросила ба и взглянула на меня невинно-кротким взглядом. — Там начался дождь. Питт, вы же любите лазанью?

— Да, очень, — улыбнулся парень, всем своим видом показывая мне: «я не сдаюсь без боя».

Промокшие от дождя волосы он небрежно откинул со лба и уселся рядом с моим стулом.

Я стиснула челюсти, сверкнула рассерженным взглядом на Дейну, и притворно осведомилась:

— Ба, ты же еще не познакомила Питта с мамой?

Та вскинула взгляд, качнув головой.

— Я сейчас ее приведу, — произнесла, зная, что Сайверса это зрелище может шокировать, впрочем, я на это и рассчитывала.

Пусть он увидит, что я девушка, отношения с которой могут приносить лишь проблемы.

Когда я вернулась с мамой из гостиной, Питт в самом деле растерялся.

Секунду выражение его лица демонстрировало крайнее замешательство, но затем прояснилось и даже смягчилось.

— Мама, познакомься, это Питт, — сказала я, наклонившись над инвалидным креслом к уху матери, — он мой знакомый из университета, занимается футболом.

Конечно, мама не могла ответить и даже приветливо улыбнуться. Она вообще не могла двигаться.

— Очень приятно, — нашелся Питт, — я многое слышал о вас, о вашей научной деятельности...

— Давайте к столу! — раздался чересчур встревоженный голос Дейны. — Мы не говорим за едой о работе. Питт, садитесь скорее! Лимма!

— У мамы боковой амиотрофический склероз, — шепнула я Питту, когда мы сели за стол, — действующие у нее только указательный и средний пальцы на правой руке. Ба сейчас ее покормит, но прежде мы прочтем молитву.

Пусть думает, что наша семья чокнутая. Быстрее отвяжется.

— Возьмемся за руки? — предложила Дейна. — Вот так, отлично...

Пока ба произносила молитву, я глядела на Питта, который был полностью сосредоточен на происходящем и больше не казался обескураженным или шокированным. Он так неожиданно вписался в наш семейный ужин, что само его присутствие здесь казалось мне сном. Я чувствовала тепло его пальцев, крепких, длинных. Я на секунду представила, как его руки касаются моего тела, талии, напряженной и изнывающей томлением груди. А затем и его рот... Эти губы, наверно, умеют ласкать. Уверена, они такие нежные и горячие, как лучи солнца. Они невесомо запорхают по шее...

— Лимма, передай мне салфетку.

Я вздрогнула.

Ба кормила маму, вытирая ей подбородок.

— Питт, — спросила она любезно, — вы давно знакомы с Лиммой?

— Нет, — отозвался парень, отправляя в свой притягательный рот кусочек лазаньи. — Нам все не представится случая поговорить.

— Значит, вы футболист?

— Да, играю за местную футбольную команду.

— И как же вы познакомились? Лимма не ходит на футбол, — в голосе ба заскользили нотки неприятного подозрения.

— Я просто увидел ее после тренировки.

— Просто увидел, — повторила Дейна и усмехнулась, — все это мне до боли знакомо. Я уже проходила это в случае с Гарвед, — и она

многозначительно взглянула на меня. — Чем же вас так поразила Лимма, Питт?

Он перестал жевать, понимая, что его попросту тестируют.

— Она не такая, как все. Особенная.

Ба была удивлена. Впрочем, я тоже.

— Вы поняли это, просто посмотрев на нее?

Питт улыбнулся, осознав, что недоверие — это у нас семейное.

— Наверно, да.

— Вы, мне кажется, из тех, кто считает, что всегда добивается своего? — улыбка на лице Дейны была неизменным атрибутом, когда она вела подобные беседы.

— Нет, я спортсмен и знаю цену поражений. Я не всегда получаю то, что хочу. Но я стремлюсь к цели, иначе мне нельзя.

Ба сочла ответ исчерпывающим, натянуто улыбнулась и принялась за еду.

Когда ужин был окончен, и Питт сердечно поблагодарил нас за гостеприимство, он коснулся моей руки:

— Проводишь меня до двери, Лимма.

Мы поднялись и вышли в холл.

— Мне было очень приятно познакомиться с твоей семьей...

— Брось, — отмахнулась я, — считаным единицам это может быть приятно. Можешь ничего больше не говорить, все и так ясно.

— Да, — согласно кивнул он, — ясно.

— Что ж, — я распахнула дверь, — дождь закончился...

— Да, верно. — Парень взглянул на улицу, вдохнул свежий вечерний воздух и снова посмотрел на меня: — Увидимся завтра, Лимма.

Я изумленно вскинула брови, решив, что ослышалась. Так, значит, его не отпугнуло даже мое семейство? Он что, ненормальный, в конце концов?

Горячая ладонь легла мне на щеку, а дыхание Питта опалило губы. Первый поцелуй был легким и целомудренным, но выбил почву у меня из-под ног основательно. Я отпрянула, судорожно втягивая носом воздух. Кровь ударила в голову, ладони обьяло огнем.

— До завтра, — едва смогла прошептать я.

Глава 4

Лимму Лессон считали зазнайкой с синдромом отличницы. Потому что она всегда все делала правильно и лучше всех. Но окружающие и подумать не могли, что все ее идеалы могли вмиг разбиться о неистовое, жгучее и неутомонное чувство.

Я очень редко размышляла об интимной близости между людьми. Зачастую эта тема пугала меня до нервных судорог. В полночных снах я уже не раз испытывала наслаждение от мужских прикосновений. Я даже научилась думать об этом, как о чем-то совершенно естественном, но я не могла осознать, что в один прекрасный день это произойдет между мной и Питтом.

Комплексов у меня хоть отбавляй. И один из них — недовольство собственным телом: небольшой грудью, худыми ногами и угловатыми мальчишескими плечами. Я казалась себе лягушонком, который неглиже вряд ли бы понравился местному красавцу. Кроме того, я не умела целоваться и не знала, как доставить удовольствие мужчине. Я даже член видела только на анатомических картинках, и вряд ли бы смогла сохранить спокойствие, если бы он ненароком мелькнул перед глазами.

— Привет!

От неожиданного появления Ниллы по моему лицу растекся румянец.

— Ты меня напугала, — произнесла я смущенно, будто бы подруга могла заглянуть в мои мысли.

— Двигайся, — она села на лавочку рядом.

Мы сидели на автобусной остановке, провожая взглядом студентов. Кто-то из них ждал автобуса, а кто-то шел на парковку и уезжал оттуда на дорогой машине, из которой басыла музыка. Ежедневная рутина, но, странное дело, сегодня все казалось мне каким-то особенным.

— Как прошел день? — спросила Нилла.

Я усмехнулась. Мой день прошел где-то на задворках неба, ибо я витала в облаках с самого утра. Я, пожалуй, впервые и по-настоящему рассердила доктора Баргера. Он даже отправил меня на часок в раздевалку, чтобы я, наконец, «проснулась». Подобное он делал крайне редко, но мне было все равно. Вечером он не удосужил меня даже привычного: «Всего доброго, Лессон».

К обочине подкатил автомобиль, и слова застряли у меня в горле. Сердце резко увеличилось в размерах, мешая дышать.

Стекло опустилось, и я увидела Питта, который приветливо подмигнул, молча указывая на пассажирское сиденье. Подхватив сумку, я пошла к машине, бросив через плечо Нилле:

— Увидимся позже!

— Ага, конечно, — без энтузиазма отозвалась она.

Прохладная обшивка сиденья обожгла кожу. Платье задралось, обнажая бедра. Взгляд Питта скользнул вниз, затем вспорхнул к моему зардевшемуся лицу.

— Так, значит, ты дашь мне шанс? — на его губах мелькнула самоуверенная улыбка.

Его приторное обаяние слегка отрезвило меня, заставив пробудиться прежнюю недоверчивую Лимму.

— Куда поедет? — поинтересовалась я. — Если честно, не знаю ни одного кафе поблизости.

— Доверишься моему вкусу? — он смотрел мне в глаза, окутывая флером спокойствия, поэтому я ответила без раздумий:

— Договорились.

Местом, которое он выбрал для нашего первого свидания, стал «Феникс», пижонское и жутко дорогое кафе, куда бы я не вошла под страхом смерти. Для таких заведений я была чересчур домашней.

— Ты не хочешь сюда, так? — со вздохом безысходности проговорил Питт, останавливая машину на стоянке.

Парень закусил губу, раздумывая, а затем вдруг произнес:

— Может, в парк?

— Отлично. Самое то, правда.

Мы переглянулись. Питт тихо рассмеялся и вышел из машины, спеша к моей дверце. Галантно распахнув и подав руку, он позволил мне на секунду поверить в сказку. Наши руки приникли друг к другу, ладонь к ладони. Электрический ток прошиб меня от пяток до макушки, заставив думать о самом желанном и страшном одновременно — о сексе.

Каптийский парк был местом довольно тихим. Высокие кованые ворота были всегда открыты. За ними виднелись асфальтовые дорожки с белыми бордюрами и длинные деревянные лавочки. Этому парку, кажется, больше полувека. Здесь росла секвойя, привезенная еще с Земли, и ее вид потрясал: почти сто метров в длину и пять в обхвате. Кроме того, здесь были вольеры с животными, а в пруду плавали рыбы. Вот сколько полезного можно узнать об этом парке, заглянув как-то на досуге в брошюрку, что местные защитники природы раздают на остановках.

Парк посещало много народа, но он был так велик, что казался почти

безлюдным. Это натолкнуло меня на мысль об интимности и романтичности, и о собственной глупости, ведь парк предполагал полное уединение.

Купив несколько гамбургеров и содовой, мы нашли лавочку под одним из фонарей.

— Не поверишь, но я не бывал здесь с самого детства, — вымолвил Питт, разворачивая еду, — и уж тем более не ел гамбургеров лет сто.

— Это чертовски вкусно на самом деле, — одобрила я, — но я тоже ем их редко. У меня немного чокнутое семейство, если ты не заметил. Ба уверена, что фастфуд — это от дьявола.

Питт рассмеялся, и я поддержала его.

— Действительно вкусно, — проговорил он, набивая рот. — Так, значит, ты из Катригана?

— Да, а еще я ситайка.

— И как тебя угораздило...

— Здесь все обращают на это внимание. Ситайки редкость в Каптике, я уже поняла.

— У вас своеобразная внешность... ситайки очень красивы.

— У нашей расы нет преимуществ перед людьми, скорее наоборот. Лиртона развивалась слишком медленно, и когда человек пришел на нашу планету, он посчитал, что ситайцы примитивны, — говорить о подобном в присутствии парня, который нравился, было довольно сложно, — просто ситайцы развиваются позже, чем люди. Эта особенность сглаживается с годами, но в детстве она изрядно портит жизнь. Мама отдала меня в школу в семь, потому что полагала, что ее дочь способна на большее, чем любая ситайская девочка. На Айртоне детей отдают в школу не раньше двенадцати, вот так-то. Это в порядке вещей, но моя мама считает по-другому.

— И, наверно, она права.

Я поджала губы.

— И все-таки многим ситайцам тяжело пробиться, потому что их считают недостаточно... умными. И наивными.

Питт поймал мой взгляд, вымолвил серьезно:

— Ну, тебя я точно не могу назвать наивной, Лимма.

Я промолчала, но только потому, что я как раз и была наивной. Это можно было скрыть от окружающих, но только не от самой себя. И я всегда боялась повторить судьбу матери, влюбившись и доверившись тому, кто разобьет сердце.

— Между нами есть и другое отличие, — сказала я тише, чувствуя

жар, бросившийся к щекам, — в физиологии...

— О, я слышал об этом, — произнес Питт, тоже краснея, — эта особенность касается только женщин?

— Угу.

— И это правда? Ну... то, что говорят?

— Что в постели с ситайкой может получить удовольствие даже импотент? — хмыкнула я. — Ну, вроде того.

Мы оба замолчали. И зачем я только подняла эту тему?

— Мне нужно быть в девять дома, — сказала, рассеянно глядя на зажигающиеся фонари, — нужно позаботиться о маме.

— Я отвезу, не волнуйся, не опоздаешь.

Мы выкинули мусор в урну, и Питт поинтересовался, подвигаясь ко мне на лавочке:

— Не замерзла?

— Нет, все нормально.

Представить страшно, что он дотронется до меня. Наверно, потому что мне очень этого хочется... И, наверно, Сайверс понимает меня без слов. Его горячая ладонь скользит по спине, обхватывает за плечо, притягивает к себе. Через секунду я уже в мужских объятиях, трясусь от переполняющих меня эмоций. Во рту сухо, сердце безудержно колотится.

— Я не сделаю ничего противозаконного, Лимма, — шепчет Питт в висок, чувствуя мою дрожь.

Я ощущаю себя полнейшей дурой. Больше всего меня страшит мысль, что он догадается, насколько я неопытна. О, лучше провалиться сквозь землю!

— У тебя мягкие волосы, — Сайверс утыкается лицом куда-то за ухо, жарко дышит, вдыхает аромат моих волос. — Ты так приятно пахнешь...

От его шепота волна мурашек прокатывает по всему телу, а низ живота обволакивает тепло.

Это даже лучше, чем сон. Со мной происходит нечто — веки тяжелеют, дыхание учащается, мне хочется ощутить Питта, его вкус, запах, тяжесть его тела.

— Лимма... — его губы жадно находят мои.

Я просто открываю рот, ощущая, как Питт обхватывает мою нижнюю губу, затем верхнюю, а затем его язык проникает в меня. Ощущения настолько сильные, что между ног появляется влага. Я стыдливо всхлипываю и отстраняюсь.

Питт не сделал ничего плохого, но вид у него взволнованный, возбужденный.

— Прости, — хрипло выдыхает он, — слишком рано, да? Я не должен был... только не уходи.

Господи, его реакция настолько искренна и импульсивна, что я готова в ту же секунду ему отдаться. Знал бы он, что творится со мной, когда он рядом, когда касается, наконец, когда просто смотрит вот так.

— Все нормально, я просто...

— Ты никогда этого не делала?

Отведя взгляд, я старалась придумать что-то стоящее в ответ или тактично сменить тему.

— В этом нет ничего плохого, Лимма.

Мне не удалось скрыть горький смешок.

— В двадцать лет странно не уметь целоваться, — проговорила, не поднимая взгляда.

— Нет, это потрясающе, — он помедлил, прежде чем сказать то, что собирался: — Я еще ни разу не встречался с девственницей.

О, черт...

— Лучше не заостряй на этом...

— Прости... — вымолвил он.

Мы замолчали, испытывая неловкость.

— Рядом с тобой я чувствую себя неполноценным, — вдруг усмехнулся Питт, — ты идеальная, а я... у меня много недостатков.

— Шутишь? Ты лучший футболист университета, богатый и красивый. С таким набором любые недостатки не имеют никакого значения.

— А ты циничная, — хмыкнул он и рассмеялся.

Было около девяти, когда Питт привез меня домой. Как и обещал. Впрочем, он, к удивлению, не позволял себе ничего лишнего. Вернее, ничего того, чего я сама бы не хотела.

— Спасибо, — произнесла я прежде, чем выйти из машины.

— Увидимся завтра?

— Если хочешь.

— Хочу, — поспешно выдохнул он, — очень хочу, Лимма.

Он медленно наклонился ко мне, давая понять, что намеревается сделать. Кончики его пальцев коснулись моей скулы, легко провели до уголка губ. Я не отстранилась, послушно принимая прощальный поцелуй — глубокий, раскованный и зажигательный.

За все приходится платить, даже за собственную рассеянность.

Доктор Баргер редко посещал собственный кабинет, находя себе

применение в лаборатории. Но ради меня он изменил привычкам. Он убрал со стула ворох бумаги, поставил этот стул перед столом, на который имел обыкновение присаживаться во время беседы.

— Садись, Лимма, — довольно мягко произнес он, — нам нужно серьезно поговорить. — Итак... — начал, убедившись, что я действительно сижу и внимательно слушаю. — Я разочарован. За несколько дней тебе удалось кардинально изменить мое мнение о себе. Лимма, в чем дело?

У меня было сотни ответов, но ни один не звучал так правдиво, как прозвучало бы: «Я, кажется, влюбилась в Питта Сайверса».

— Лимма, ты понимаешь, о чем я говорю? — сердито вымолвил Баргер, скрещая на груди руки. — В Каптике за место в этой лаборатории сотни студентов готовы продать душу.

— Я исправлюсь.

Мужчина громко и устало вздохнул.

— Исправишься? Не вижу к этому никаких подвижек. Если так продолжится, я буду вынужден сообщить Хейвуду.

Он был вправе сделать это уже сегодня.

— Я не уверен, что ты настолько одержима наукой, как должно ученому. Может, ты выбрала не ту стезю, Лессон? Может, твое призвание стать женой и матерью и печь пироги мужу? Если так, то незачем терять время и занимать чье-то место. Подумай об этом.

Мои щеки пылали от стыда. Наверно, за всю жизнь я не слышала ничего более унижительного.

— Меня интересует исключительно наука, доктор Баргер.

— А может, тебя интересует что-то другое? Вчера биоинженерия, сегодня мальчишка из местной команды, а завтра еще что-то?

Я едва не вскочила со стула, но вовремя опомнилась.

— Моя личная жизнь... — начала я, но мужчина бестактно перебил:

— Твоя личная жизнь никого не волнует, пока не ставит под удар работу, за которую здесь отвечаю я.

Доктор Баргер отлично умел читать нотации, особенно если был безоговорочно прав. Я слишком сильно увлеклась Питтом, что не могло остаться незамеченным.

— Я даю тебе последний шанс, — произнес мужчина, отталкиваясь от стола, — ты должна понять, к чему стремишься и чего хочешь от этой жизни. Расставь приоритеты.

После ухода Баргера я еще несколько минут сидела в полной тишине, сжав кулаки. Не думала, что когда-либо настанет день для подобного разговора. Это словно кошмар, в который я попала после грез о Сайверсе.

Я совершенно не злилась на Баргера. В некотором роде вся его жизнь крутилась вокруг науки, и он прекрасно знал, что значило посвятить себя ей полностью. Он был женат, и его жене, убеждена, впору возводить памятник. Баргер никогда бы не смог ценить ее больше, чем то, над чем он ежедневно трудился в лаборатории.

Глава 5

Лучшим примером самоотверженности была моя мать.

Гарверд любила работу больше, чем кого-либо: Дейну, меня, собственную жизнь. Не будучи прикованной к креслу, она выпадала из жизни на долгие месяцы, пока работала над каким-либо проектом. Ее не было со мной в детстве, и меня воспитывала Дейна, которая ревниво относилась к любым отсутствиям моей матери. Я помню их скандалы, вечное непонимание и упреки, которые они сыпали друг на друга.

Теперь же моя мать терпеливо выполняла все, что говорила ба.

После беседы с Баргером я чувствовала себя раз — битой чашкой. Мысли о Питте стали казаться преступлением. В одной плоскости не могла существовать ответственная Лимма-стажер и рассеянная Лимма-влюбленная-дурочка. Кому-то из них придется уступить место.

Сайверс заехал за мной ровно в семь. К тому времени я была полна решимости поставить точку и уничтожить какую-либо из моих ипостасей.

Питт, как всегда неотразимый, встречал меня, стоя у машины. Увидев его, я испытала легкую слабость и прилив крови к щекам. Платье, в которое я вырядилась, стало жутко неудобным.

— Привет, — парень нерешительно приблизился, обхватывая ладонью мои пальцы.

Поразительно, каким он мог быть неловким и взволнованным. На футбольном поле он был подобен богу, а здесь, со мной, нервничал, как мальчишка!

Рядом с ним я все время думала о сексе. Грязно и постыдно, как самая последняя дрянь! Это было большой проблемой, потому как воплотить все то, о чем мечтала, я боялась до смерти. Даже прикосновения вызывали в моем организме настоящий шок, свойственный разве что слабоумным.

— У тебя такая нежная кожа, Лимма...

Питт наклонился ко мне, скользнул сухими губами по виску к уху и зашептал:

— Хочешь чего-нибудь необычного сегодня?

В голове не осталось ни одной мысли, только вспышки острых ощущений, заставляющих сердце биться втрое чаще. И это было так приятно, что я не смела дышать.

Мужские губы прижались к моему уху и открылись, влажный горячий язык коснулся мочки. Такая откровенно идиотская ласка заставила меня

трепетать от возбуждения.

— Лимма... Лимма... — зашептал Питт гортанно, тихо и жадно.

Он отстранился, чтобы взглянуть на меня. Взглянуть прямо в глаза, на дне которых искрились запретные желания. В выражении его лица не было и намека на пошлость, напротив, Питт был серьезен как никогда. Он вновь приблизился, медленно и вожаденно. Его глаза горели, как два уголька.

Он заставил меня широко раскрыть рот, как если бы я хотела откусить гамбургер, а затем вторгся языком, разрушая в моем сознании все рамки приличного. При этом его руки, ставшие вдруг грубыми, стиснули меня, прижали к себе. Все происходящее вышло из-под моего контроля, словно попавшая в паутину бабочка еще могла что-то контролировать. Поясницей я почувствовала обжигающую сталь автомобиля, к которому мы прислонились, а затем Питт ткнулся в меня... прижался бедрами так сильно, что я почувствовала его эрекцию.

— Вот черт, — вспыхнув, я отпрянула. Довольно резко, надо сказать.

Я все еще чувствовала его вкус, тонкий мускусный запах лосьона для бритья, ощущала, как горят и пульсируют губы.

Секунда растерянности. Мы оба думали, как сгладить момент.

— Прости, я слишком увлекся, — виновато проговорил Питт, распахивая дверцу машины, — поедem куда-нибудь?

Меня колотила дрожь. Казалось, я только что спрыгнула с парашюта, а не целовалась с парнем. И не просто целовалась! Питт Сайверс возбудился, черт возьми!

— Да... — смущенно пролепетала в ответ, — как хочешь.

Мой взгляд метнулся в район его ширинки. Вот проклятье!

— Тебе надо быть дома в девять?

Ровно в девять, как чертовой школьнице.

— Да.

— Тогда я знаю, где тебе понравится, Лимма, — лукаво усмехнулся парень. — Запрыгивай в машину.

Питт водил уверенно и непринужденно и был безумно притягателен за рулем. Он спокойно болтал ни о чем, перестраиваясь из ряда в ряд, а я наблюдала за его руками, представляя, как они блуждают по моему телу.

— И куда мы едем? — спросила, переводя взгляд на его идеальный профиль.

— Увидишь.

Ему хотелось порадовать меня. Господи, если бы я знала, что Питт Сайверс может быть таким романтиком!

Пирс «Южный пик». Морские волны разбивались о скалы,

надвигающиеся сумерки сходились над горизонтом, а пылающие лучи заходящего солнца устилали трепещущую дорожку на морских гребнях. Рай для влюбленных. А вместе с тем здесь была довольно уединенная бухта с закрытым каменистым пляжем.

— С ума сойти, — прошептала я, осознав для чего Питт привез меня сюда, — ты хочешь нарушить закон?

— Только не говори, что ты никогда не была на этом пляже.

— Вообще-то никогда.

— Так, может, стоит попробовать? — хитро прищурился Питт, испытующе на меня взирая. — Хочешь, мы туда проберемся? Тайно, а?

Мне оставалось только гадать, почему столь нелепое предложение вызывает у меня столько немого восторга?

Конечно, я хочу проникнуть на этот пляж, ведь там полно охраны и если нас поймают, то сообщат моей матери и в университет. И если об этом узнает Баргер, и еще хуже Хейвуд, меня выставят вон без возможности восстановиться.

— Идем, — Сайверс потянул меня к ограде.

— Там есть охрана...

— Ага, и это очень круто!

Он, пожалуй, бывал здесь часто, ибо знал, где находился тайный вход. Металлическая сетка была искусно отогнута, будто бы ожидая нас.

— Это ты сделал? — прошипела я изумленно, когда он ловко юркнул в получившийся проход.

Вместо ответа Питт схватил меня за руку, втаскивая следом.

— Бежим!

На полусогнутых мы пробежали до лодочного домика, мимо поста охраны, избегая света прожектора.

— Ты рехнулся! — пискнула я, едва сдерживаясь от смеха.

Легкий морской бриз кружил над нами. Я жадно вдохнула свежий аромат, поймав на себе взгляд Сайверса.

— А ты, оказывается, плохая девочка, Лимма, — усмехнулся он, неожиданно притягивая меня к себе и быстро целуя в губы. — А теперь побежали!

Не успела я опомниться, как Питт снова потянул меня, и мы быстрыми перебежками добрались до скал и скрылись за ними.

Море бушевало, обдавая нас соленой прохладой. Парень вел меня вдоль берега к одиноко стоящему выгнутому камню.

— Это парус, — бросил Сайверс, — здесь самое лучшее место из всех, что есть на этом пляже.

Оно и вправду завораживало, а каменный парус неплохо скрывал от смотрящих с вышки.

Питт вдруг откинул булыжники у основания паруса, извлек сумку.

— А ты неслабо подготовился, — усмехнулась я, когда он потянулся к замку.

— Еще бы, — он извлек тростниковый коврик, небольшую круглую свечу, два пластиковых стаканчика и бутылку.

— Это что? Вино? — хохотнула я. — Да брось?

— Только не говори, что ты не пьешь, — отозвался Питт, — оно коллекционное и стоит кучу денег.

— Но это не значит, — усмехнулась я, — что оно окажется вкусным.

— Маленькая зануда, — одарил меня улыбкой Питт, вынимая из кармана зажигалку и поджигая фитиль свечи. — Только не смотри на меня вот так. Я ни хрена не смыслю во всей этой романтической фигне, просто мне показалось, что это тебе понравится.

— Особенно отсутствие штопора.

— Твою мать! — сокрушенно вздохнул Сайверс.

— Может, сходить, спросить у охраны? — подтрунивала я.

Питт снова вскинул глаза. Пламя свечи вспыхнуло, освещая его лицо. Чертовски красивое лицо и взгляд, в котором пробуждался животный интерес.

— Да ты издеваешься надо мной, — лукавая улыбка возникла на его губах, — это нечестно, Лимма. Я ведь хочу сделать тебе приятно.

— Мне приятно.

Он покачал головой.

— Пока еще нет, но обещаю, что будет.

Он отставил бутылку, взял меня за руку и заставил опуститься на коврик.

— Ты, наверное, думаешь, что я настоящий кретин, раз забыл штопор, да? — прошептал парень.

Я не успела сказать ни слова. Он обхватил ладонями мое лицо и припал к губам.

Нас окутывал густой вечерний воздух и грохот морских волн. Его и меня, как одно целое.

— Какая же ты сладкая, Лимма... — зашептал Питт, прерывая поцелуй, чтобы отдышаться.

Его пальцы очертили контур моих губ, спустились по подбородку к шее, скользнули по трепещущей жилке, по ключице и ниже, к груди, а горячий рот Сайверса приник к нежной коже за ухом, покрывая поцелуями.

Я закрыла глаза, погружаясь в негу. Я падала, падала и падала в самую бездну адски жаркого холода. Противоречивая дрожь охватила тело. Жажда, возбуждение, паника — вот что я чувствовала.

Первая пуговичка на лифе платья расстегнулась буквально сама собой — так невесомо и неощутимо порхали руки Питта. Я даже не поняла, как оказалась в лифчике. Платье было спущено до талии. Жадные ладони коснулись груди, легонько сжали, сминая белое кружево, открывая взору ореолы сосков.

Сайверс задышал чаще, утыкаясь лицом мне в висок, не отрывая взгляд от представившегося зрелища. А мне стало безумно стыдно, правда не настолько, чтобы я остановила Питта от следующего: его большой палец прошелся по горошине соска, заставляя его затвердеть и сладко заныть.

Я закусила дрожащие губы, едва не задохнувшись от удовольствия. Однако Сайверс намеревался владеть и ими. Жарко шепча что-то, он облизал мой рот, буквально пожирая его. Чтобы проникнуть глубже, парень обхватил мой затылок, притянул.

Питт дышал так, будто только что пробежал пару кругов по полю.

Его тело напрягалось, становясь каменным. И со мной что-то происходило: внутри, внизу живота, наливалась пульсирующая тяжесть.

— Лимма... — твердил Питт снова и снова мне прямо в губы, а затем с упоением терзал их.

Гормоны бушуют, как ненормальные. Я сжимаю колени и вдруг чувствую, что рука Сайверса, его пальцы, скользят под юбку, по бедру. Так сладко, мучительно медленно и пугающе. С моих губ срывается хриплый вдох, и я задерживаю дыхание, сосредоточившись лишь на этом, последнем, прикосновении — на дьявольски приятном скольжении к самому сокровенному.

Питт касается краешка моих трусиков, невесомо ведет рукой к лону, наваливаясь на меня, принуждая лечь. Его губы настойчивы и неугомонны. И я отчетливо понимаю, что он заведен до предела, даже больше, в голове мелькает до ужаса откровенная мысль: «Сейчас все произойдет, Лимма. Ты хочешь этого? Действительно хочешь?»

Не успеваю осознать, что лежу под ним. Мое платье болтается где-то на талии, а Сайверс запускает руку мне между ног. Прекрасно понимаю, что сейчас он почувствует, как я промокла.

— Питт... — попытка свести бедра не привела ни к чему.

Мало того, уверена, Сайверс уже неспособен остановиться. Для него все еще горит «зеленый».

Пламя свечи трепещет, но вдруг яркий свет врезается в нас, слепит.

— Посмотри-ка на эту парочку! — слышится где-то.
Стоит отдать охране должное — они иногда появляются вовремя.

Глава 6

Питт каким-то чудом успевает схватить бутылку. Будто она — самое важное сейчас.

У меня сердце колотится от резкого всплеска адреналина, а еще оттого, что я толком не успела натянуть верх от платья.

И мы оба почему-то ржем, как придурки.

Лучи фонарей врезались в наши спины, пересекали путь, выхватывая из мрака отгиб в сетке, к которому мы неслись со всех ног.

Я слышала хриплое дыхание догонявших так близко, что моя душа уходила в пятки. Но, черт возьми, я никогда так не веселилась!

Правда, смеяться мне расхотелось сразу же, как только чья-то рука дотянулась до моих волос, рванула назад, заставляя меня упасть с резким вскриком боли. Питт сразу остановился.

— Проклятье! — свет фонаря замигал, затем поскакал по камням.

Два мужских силуэта несколько секунд боролись, а затем один из них схватил меня за руку.

И мы снова побежали.

Я слегка оцарапала плечо о сетку, когда мы выбирались. И плевать! Это было просто крышесносно!

— В машину! — закричал Сайверс.

Однако ни он, ни я так и не успели в нее заскочить и унести прочь.

Питта повалили двое, а я замерла сама, стоило лишь услышать команду: «На землю! Живо!»

И каково же было наше удивление, когда милое приключение закончилось в полицейском участке. Конечно, мы не предполагали, что все может зайти так далеко. Проникновение на охраняемую территорию — это же сущий пустяк, думали мы. Ох, как мы ошибались.

— Я позвоню матери, она заплатит штраф, — убежденно сказал мне Питт, прежде чем его увели в кабинет со стеклянной дверью, через которую я могла наблюдать, как его допрашивают.

Времени тогда было около одиннадцати вечера, и я прекрасно знала, что Дейна сходит с ума от волнения.

Я сидела в коридоре под пристальным наблюдением одного из полицейских, который не спускал с меня глаз и похабной улыбочки со своего лица. На противоположной стене красноречиво тикали круглые часы с белым циферблатом. А в участке текла размеренная рутинная жизнь.

Питт все еще сидел за стеклянной дверью, когда в коридоре раздались торопливые шаги. Женщина, которой, казалось, не было еще и сорока, ухоженная, строгая и холодная, будто изображение на картинке, стремительно приближалась. У нее были светлые блестящие волосы и идеальный макияж. Строгий деловой костюм и маленькая сумочка с золотым ремешком, которую она держала в одной руке, добавляли ей солидности. За ней шагал мужчина в сером костюме с папкой, который не переставая бубнил, что «это всего лишь досадное недоразумение, и вскоре все прояснится».

Проходя мимо меня, незнакомка чуть напряглась, скосила глаза, и наши взгляды столкнулись. При этом я не испытала ничего приятного — меня будто окатили помоями.

Женщина и ее сопровождающий вошли в кабинет, и мне пришлось ждать еще полчаса.

Я наблюдала за происходящим, видела, как Питт устало ерошит волосы, затем трет переносицу, пока женщина, которая, судя по всему, была его матерью, ведет спокойную беседу с сидящим за отполированным столом мужчиной. Наконец, они договариваются о чем-то, и все вместе поднимаются. Щелкает дверной замок.

— ...Я бы не хотела, чтобы этот инцидент стал достоянием общественности, — выдержанно говорит женщина, — все-таки наша семья весьма известна в Каптике, и мне бы не хотелось, чтобы о личной жизни моего сына трепались на каждом углу.

— Это не попадет в прессу, я вас уверяю, — доносится голос мужчины.

Питт, который идет рядом с матерью, находит меня взглядом — уставшим, несколько смущенным взглядом.

— Лимма Лессон, я полагаю, — его мать останавливается напротив меня, — я уладила твою проблему, — в голосе никаких эмоций, кроме легкого пренебрежения, — надеюсь, ты доберешься до дома самостоятельно?

— Мама, я... — вклинивается Питт, но та не слушает.

— Может, позвонить твоей матери? — спрашивает у меня, а сыну бросает: — Ты не сядешь за руль! Я тебе не позволю, ясно, Питт? — затем снова ко мне: — Так что? Мне позвонить?

— Моя мама прикована к инвалидному креслу, бабушка не умеет водить, а отца у меня нет.

— Весьма сожалею. Кто может тебя забрать?

— Боюсь, никто, я вызову такси...

Ее глаза неприязненно сощуриваются.

— Нет, так не пойдет. У тебя разве нет друзей?

— Я бы не хотела...

— Ты ведь учишься вместе с моим сыном? — перебивает женщина.

— Я стажер у доктора Баргера.

— Отлично. Я его знаю. Сейчас позвоню ему, и он приедет.

У меня внутри все похолодело. Я, пожалуй, перестала дышать и побледнела так, что Питт проговорил раздраженно:

— Мама, мы можем ее довезти.

Его мать, медленно перевела взгляд на сына и молча достала телефон, явно демонстрируя и ему и мне, что этого никогда не будет. Она приложила телефон к уху, а я взглянула на часы, с ужасом отмечая, что уже за полночь.

— Доктор Баргер, простите, что побеспокоила вас так поздно, — еле слышно произнесла женщина в трубку, — ах, вы еще не спите. Отлично... Нет, все в порядке. Дело касается, одной вашей стажерки. Ее зовут Лимма Лессон. О, вы знаете, о ком идет речь. Замечательно. Так вот, она попала в участок и ее никто не может отвезти домой. Мне бы не хотелось сажать девушку на такси. Я хочу быть уверена, что она доберется до дома. Так вы приедете? Это просто восхитительно. Всего вам доброго, доктор Баргер. И еще кое-что... — она вдруг развернулась и пошла по коридору прочь, — мой муж обязательно продолжит финансирование ваших экспериментов, но мне бы хотелось, чтобы в вашей лаборатории трудились ответственные специалисты. Вы понимаете, о чем я? Вот и хорошо. А теперь доброй ночи, доктор.

Я откинулась на спинку стула, полностью обессилив. Вся моя жизнь рухнула в одну секунду.

— Все обойдется, — Питт присел напротив меня на корточки, положив ладони поверх моих рук, — я что-нибудь придумаю, вот увидишь. Не вешай нос, договорились?

Мне хватило уверенности лишь на краткий кивок.

— До завтра, Лимма, — Сайверс чмокнул меня в висок и направился вслед за матерью, а мне оставалось считать секунды до апокалипсиса.

Не думаю, что Баргер не спал этой ночью. Вид у него был помятый: волосы растрепаны, под глазами тени от усталости, ворот его ветровки смешно завернулся внутрь.

Когда мы сели в машину, после холодной молчаливой встречи и слов: «За мной, Лимма», я не выдержала первой:

— Простите, этого никогда не повторится больше...

— Ты пила?

— Что?

Он повернул голову, повторив медленнее:

— Пила что-нибудь?

— Нет.

— Может, под кайфом?

Я энергично замотала головой.

— Тогда не пойму, что у тебя вместо мозгов, Лимма?

Я залилась румянцем, чувствуя себя самой последней идиоткой. Баргер умел возвращать рассудительность даже Лимме-влюбленной-дурочке.

— Я просто...

— Ты влюбилась в него, что ли?

Господи Всевышний! Я прикрыла веки, желая, чтобы этого момента просто не было, чтобы я просто умерла, сейчас же в этот гребаный миг!

— Мне не хочется говорить с вами об этом, — тихо, почти беззвучно произнесла я.

— Да ну? Вас застали голыми на пляже, а ты не хочешь говорить мне об этом. Какая досада. Ты хоть понимаешь, кто такой Питт Сайверс?

— Игрок местной команды, — мой голос похож на писк.

— Да ладно? Пряма глаза мне открыла. А я всего лишь считал, что он сын Эттона Сайверса, от которого Каптийский университет и моя лаборатория получают неплохие инвестиции. Хейвуд молится на него днями и ночами, и будет делать все, что тот попросит, даже если его сыночек начнет мочиться Хейвуду в кофе.

— При чем здесь я?

— Ты начинаешь задавать правильные вопросы, и меня это радует, несмотря на то, что я примчался сюда в час ночи. У тебя голова начинает работать слишком поздно, Лимма. Но, если ты хочешь знать, при чем здесь ты, послушай, пожалуйста, внимательно. В моей лаборатории не будет места подружке Питта Сайверса, у которой при виде этого соплёка мокнут трусы. Ты понимаешь?

Баргер никогда не позволял себе таких фраз. Он вообще был предельно тактичен, но, видимо, не этой ночью. И вместо того, чтобы молча проглотить сказанное, я вдруг возмутилась:

— Вам должно быть плевать на мои трусы...

Мужчина изогнул бровь, несколько секунд молча рассматривая мое негодующее лицо, а затем усмехнулся:

— Я, кажется, очень плохо тебя знаю. Если бы ты с таким пылом

работала в лаборатории...

— Я всю себя посвятила лаборатории, — злость вдруг вытеснила последние крохи стыда, — я с тринадцати занимаюсь наукой двадцать четыре часа в сутки. Но я ведь живой человек! Притом мне уже давно есть восемнадцать! Почему я должна отчитываться перед вами? Какое вы имеете право...

— Тише-тише, Лимма, — вдруг совсем мягко произнес мужчина, — чего завелась с полоборота? Мне, знаешь ли, плевать с кем ты спишь. Я просто не хочу, чтобы это затрагивало меня и мою работу, в которую я вкладываю столько сил. В тебе же должна быть хоть капля совести, чтобы уважать чужой труд? Так? Тогда ты должна понимать, что мне проще попрощаться с тобой, чем терять инвестора, вроде Эттона Сайверса. На кону стоят исследования, которым я посвятил немало времени. И я не буду рисковать всем из-за ситайки, у которой бушуют гормоны.

Я молчала, вновь осознавая, насколько прав Баргер.

— Что я должна сделать? — прошептала подавленно.

— О, Лессон, с этим не ко мне. Ты же сама можешь определиться, верно? Я в таких делах плохой советчик.

— У меня есть шанс остаться в вашей команде?

— При условии...

— Что я больше не стану встречаться с Питтом?

— Какая умница. Эти встречи не приносят удовольствия его родителям.

Я долго молчала, силясь не разреветься.

— А если я его люблю?

Баргер вздохнул, откинулся на сиденье, глядя на залитый светом фонарей асфальт стоянки.

— А ты в этом уверена?

— Наверно.

— Но раз наверно, то, конечно, дерзай. Жени его на себе, роди детишек и будь счастлива. Что мы обсуждаем здесь вообще?

— Не знаю.

— Ты действительно веришь, что у тебя с ним есть будущее? Ты талантлива, Лимма. Намного талантливее всех, кого я знаю. И ты хочешь похоронить все это ради парня, который не пропускает ни одной юбки? Seriously?

— Я не знаю... нет... я...

— Не знаю... я... — передразнил мужчина. — У тебя полно времени, Лимма, чтобы принять решение. До твоего дома больше получаса, и ты

скажешь мне, что решила, когда мы доедем.

— Хорошо, — просипела я, чувствуя себя полностью раздавленной.

— А завтра я даю тебе выходной, потому что ты мне уже осточертела. И потому что мне пришлось двадцать минут объяснять жене, почему мне среди ночи звонят женщины.

— Что?

— Помимо Сайверс, мне оборвала трубку твоя бабуля. Кто только дал ей мой номер?

Я прижала ладони к лицу, тихо чертыхаясь.

— Ну все, успокойся уже. Я сказал ей, что найду тебя даже в преисподней и привезу домой.

— Спасибо...

Баргер хмыкнул и повернул ключ в замке зажигания.

Глава 7

Выходной день среди недели — настоящее испытание.

Я сидела на заднем дворе с мамой. Солнечный свет заливал наш сад, заставлял жмуриться. Из тени крытой террасы я наблюдала за бабушкиными розами, расцветшими красивыми нежными бутонами, и шмелем, кружащим над ними. Он был опьянен их запахом, их цветом и жаждал напитаться нектара. И ему было плевать, розы перед ним или другие цветы, он просто следовал извечному закону природы. Странно, почему эта мысль не дает мне покоя?

Я взглянула на маму. Сегодня она сама выбрала для себя платье — светло-зеленое, до самых пят. Последнее время ее такие мелочи мало интересовали, но не сегодня. Это радовало. Кроме того, впервые за несколько месяцев она позволила подключить синтезатор речи. И теперь я наблюдала, как медленно и слабо ее палец касается экрана.

Иногда Дейна забывала, что ее дочь, хоть и парализована, но так же умна, как и прежде. Устраивая мне ночью скандал, она не могла и подумать, что мама проснется и услышит все от первого до последнего слова.

«Ты влюблена? — произнес компьютерный голос. — Вчера я слышала ваш разговор. Ты влюблена в Питта Сайверса?»

Я отложила книгу, облокотилась о плетеную спинку лавки, щурясь на солнце.

— Это не имеет никакого значения. Из-за этого я чуть было не вылетела из лаборатории.

«Нет. Это имеет значение».

Мама была человеком амбициозным, про таких говорят: «с характером». Она всегда говорила напрямую, правда, уже несколько месяцев она пребывала в состоянии жуткой депрессии, со дня на день ожидая смерти. Она уже давно смирилась с тем, что ее болезнь не поддается лечению и что весь научный мир от нее отвернулся, но самым страшным ударом для нее стала атрофия лицевых мышц и неспособность говорить. Каждый глоток воды или прием пищи превращался для нее в испытание. Наверное, поэтому она отказалась от синтезатора речи и всеми силами старалась умереть как можно раньше.

Как же я была благодарна ей за желание просто поговорить. Мне так не хватало разговоров с мамой, что я едва смогла скрыть дрожащую

улыбку.

— Сейчас я считаю, что должна заниматься наукой. Это ведь правильно?

«Чего ты хочешь?»

Этот вопрос я задавала себе тысячу раз за эту ночь.

— Хочу, чтобы мои исследования помогали людям.

«Сможешь посвятить себя науке без остатка, понимая, что твой вклад все равно останется лишь каплей в море и тебя забудут, когда ты придешь в негодность?»

— Я не знаю. Я не могу довольствоваться каплей в море. Я рассчитываю на большее.

«Чтобы достичь чего-то большего, чем ты есть, надо чем-то жертвовать, Лимма. Семей, спокойствием, собственным здоровьем. Посмотри на меня. Это стоит того?»

— Я не представляю себя вне науки.

«Тогда не дай никому сбить себя с толку. Ты не должна быть привязанной к чему-либо и кому-либо, когда перед тобой откроются новые перспективы. Я говорю не только о мужчинах, но и о себе. Я не хочу стать обузой собственной дочери, когда она стоит на пороге своей мечты. Я буду очень горда тобой, Лимма, если ты добьешься того, чего не смогла я, — палец моей матери последний раз ткнулся в экран и опустился».

И вместе с этими словами, звучащими в моей голове, в сознании крепко засела мысль: «Я способна на большее. Я, черт возьми, способна на все».

И хотя я уже дала слово Баргеру, что порву с Питтом, я не могла не утвердиться в правильности этого решения.

В мой выходной день случилась еще одна беседа, с Ниллой. Она позвонила вечером, сообщив, что женская половина Каптики рвет и мечет, узнав, что Питт Сайверс связался с заучкой и занимался с ней сексом на закрытом пляже.

— И это правда? — спросила подруга. — Ты можешь и не говорить, конечно, это не мое дело. Просто интересно, Сайверс действительно так хорош, как о нем болтают?

— Между нами ничего не было.

— Я и не настаиваю.

У Ниллы всегда было свое мнение на все.

— Может, погуляем сегодня, раз уж у тебя вынужденный выходной? — предложила она. — В парке? Помнишь тот заброшенный парк у озера, где стоит чертово колесо? Увидимся там через час.

Наша прогулка обещала быть запоминающейся. Чего только стоила открывшаяся панорама, которую нам довелось лицезреть, войдя на территорию бывшего парка: старая билетная касса с покосившейся вывеской и облупившейся краской, заросшие травой детские лошадки, разрушенные асфальтные дорожки и, конечно же, гиганты-аттракционы.

Парк был не совсем диким, время от времени сюда навевались влюбленные парочки.

— Ты действительно отказалась от работы в Вейсмунде? — спросила Нилла и, заметив недоумение и даже раздражение на моем лице, добавила: — Брат сказал, что Баргер искал перспективного студента для работы с доктором Такером.

Я остановилась, как и мое сердце.

— С кем? — нет, я прекрасно расслышала это имя, мне просто было нужно пару секунд перерыва.

«Кей Такер». Этим именем расшиты все мои самые смелые иллюзии и желания. Он был богом современной биотехнологии. Ему предлагали место директора института генетики в Баролле, но он ударился в область клинической иммунологии. Из-за сомнительности экспериментов, которые он проводил, он потерял работу, но приобрел бешеную популярность, изложив суть экспериментов в своих книгах. Несколько лет назад он стал первым человеком, сумевшим вырастить искусственные легкие и пересадить примату.

— Он сейчас работает в Вейсмунде? — лишь пролепетала я.

— Вроде бы, — отозвалась Нилла, — и я слышала, что в связи с отменой запрета клонирования его лаборатория может получить солидный грант на исследования и Такер набирает стажеров. Мой брат уже подал заявку на перевод, но, ты же понимаешь, что попасть в эту команду — один шанс на миллион.

Я некоторое время молчала, погрузившись в тягостные раздумья, и в них было все: горькое разочарование, сожаление, паника.

Мой мир медленно рушился. Я мечтала о работе с Такером, а лучше сказать — грезил. Нилла совершенно права — один шанс на миллион. И кажется, я упустила его. Человек, на которого я хотела равняться, к которому хотела приблизиться, поговорить, даже просто побыть рядом, чтобы насладиться его присутствием, теперь недостижим. И только я виновата в этом. Да, мой мир рушился.

Но рухнул окончательно лишь вечером, когда я вернулась домой.

Спокойный глухой вечер. В холле тихо. Я кладу ключи на тумбочку, вешаю на крючок сумку и зову Дейну. Дом по-прежнему безмолвен. Я и

подумать не могу, что моя хреновая жизнь изменится в следующую секунду:

— Лимма! Ингалятор! Быстрее!

Я уже знаю, что означает этот крик. Кидаюсь на второй этаж в комнату ба, чтобы судорожно распахнуть верхний ящик ее комода. Слишком сильно дергаю за ручку — ящик выпадает на пол. Рыскаю на коленях, пока не нащупываю в ворохе бумаг баллончик.

В маминой комнате горит лишь маленький прикроватный ночник. Тихие сдавленные хрипы матери всегда так истерично страшны, что я прихожу в ступор. Ее голова зажата в ладошках ба, глаза приоткрыты, изо рта течет вязкая слюна.

— Быстрее, Лимма! — торопит Дейна, и ее голос дрожит от напряжения и страха.

Наши движения доведены до автоматизма. Я сажусь на кровати, мы приподнимаем маму, я крепко держу ее голову, а ба втискивает у нее между зубами ингалятор и делает несколько впрысков.

— Вот сейчас... — тихо шепчет при этом Дейна, — сейчас уже станет легче, дорогая... ты дыши... спокойно... дыши...

А потом мы сидим в безмолвии и ждем, когда рваное дыхание больной восстановится, исчезнут хрипы. Я глажу маму по волосам, убаюкиваю и не могу сдержать слез.

— Ну все, Лимма, — укоризненно и тихо говорит ба, — я с ней побуду. Иди, поешь чего-нибудь...

Никогда в моей жизни не было и не будет ничего страшнее этих моментов. Я знала, что болезнь матери медленно прогрессирует и когда-нибудь Гарверд просто перестанет дышать. Самое отвратительное, что понимание этого давно стало нормой, как для меня, так и для Дейны.

В ее комнате, мимо которой я проходила, царил сотворенный мною хаос. Я толкнула дверь, спокойно вошла и села на пол, рядом с опрокинутым ящиком комода. Дейна негативно относится к попыткам вторгнуться в ее комнату, но разве станет она сердиться, если я приберусь? Мысли продолжали биться в висках, не давая мне сосредоточиться, а между тем я ловко сложила содержимое в ящик, подняла, чтобы вставить в отсек комода. Механически, отрешенно. И не сразу сообразила, что что-то отлепилось от нижней стенки и рассыпалось по полу.

— Черт... — поборовшись с ящиком, чтобы уместить его в полагающийся отсек, я глянула вниз.

Бывает, что жизнь преподносит сюрпризы, не все из которых приятные. Мы чаще всего любим получать письма, но иной раз эти письма

не предвещают ничего хорошего.

Где-то в параллельной вселенной, видимо, была запущена часовая бомба, которой суждено поднять всех на воздух именно сегодня.

Я снова села на пол, касаясь писем раскрытой ладонью и понимая, что их много. Их очень много... Десять, а то и пятнадцать. И все они адресованы моей матери.

Я стала вскрывать одно за другим.

«Уважаемая доктор Лессон! Мы почли бы за честь принять вас в штат института...»

«...Гарверд Лессон! Дублируем письмо, так как не получили ответ на предыдущее...»

«...очень бы хотелось видеть вас в коллективе университета...»

«...мы были бы рады, если бы столь замечательный медик возглавил кафедру...»

«...памятуя о вашей болезни, мы готовы предложить вам нашу помощь...»

— О боже... — в горле встал комок, а подо мною буквально разверзлась земля.

В тот же миг закрипела дверь, и на пороге раздались шаги, а затем и негодующее:

— Лимма! Что ты здесь делаешь?!

Как сигнал к действию. Как красная тряпка для разъяренного быка.

Пожалуй, в тот миг не было ничего более мерзкого и раздражающего, чем голос моей бабушки.

Я развернулась всем корпусом, все еще продолжая сидеть, и глянула на нее снизу вверх, как волчонок. Дейна, конечно, увидела письма, а выражение моего лица подтвердило то, что эти письма я читала.

— Послушай, Лимма, — произнесла она тихо, страшно бледнея, — это не то, что ты подумала.

— Разве?

— Я забочусь о твоей матери. Семья — это все, что у нее есть.

О, я не хотела это слушать. Это было просто предательством!

— Она все это время думала, что от нее все отвернулись. Она корила себя за то, что когда-то предпочла науку, — прорычала я, стискивая в кулаке бумагу, — как ты могла прятать от нее все это?

Дейна медленно закрыла дверь, села на постель, собираясь с мыслями.

— Ты не понимаешь... никто не позаботится о ней лучше, чем я. Я ведь ее мать, Лимма.

— Ты просто... — я задохнулась от возмущения, — ты предала ее! Ты же знаешь, что значит для нее работа! Она умирает здесь! В этой дыре, где ты ее спрятала от всего мира. Но хуже всего, она считает, что о ней забыли!

— Я — все, что у нее есть, — выпалила ба. — Не думай, что ты знаешь о ней все. Ее никогда не было рядом, потому что она грезилась медициной и гробила себя. Она была слишком озабочена спасением других, чтобы обращать внимание на свою собственную семью.

— Она могла бы сейчас преподавать! — вскипела я. — Она могла полноценно жить еще долгие годы, вместо того чтобы мучительно умирать здесь! Ты же понимаешь, что мысль о том, что она больше никому не нужна, загоняет ее в могилу!

— Она сама загнала себя в могилу!

— Ты не смеешь говорить так...

— Я знала, что ты не поймешь меня, — перебила Дейна, стискивая зубы, — ты мыслишь точно так же, как и она. Ты так же готова забыть о семье ради карьеры.

— Я никогда не забывала о семье! — прохрипела в ответ.

— Вам все кажется, что вы способны перевернуть мир, — затвердила ба, — что вы созданы, чтобы изменить порядок вещей! Боже, Лимма, ты тоже так считаешь? Какой же это бред, честное слово. Вы всего лишь — две наивные ситайки...

— Это уже слишком, — прорычала я, поднимаясь на ноги.

— Когда-нибудь и ты очнешься от своих грез!

Я резко бросилась к двери и вырвалась наружу, нервно глотая воздух.

Я, наверно, никогда не была бунтаркой, но после случившегося разговора мне хотелось послать все к чертовой матери и просто испариться. Даже отличница по имени Лимма Лессон нуждалась в глотке свежего воздуха.

Схватив ключи, я бросилась на улицу, быстро зашагала по тротуарной дорожке. Сейчас бы мне не помешал стаканчик-другой горячего глинтвейна... Это было бы куда лучше, чем спустя полчаса оказаться перед дверью доктора Баргера с покрасневшими глазами и неумным желанием излить ему душу.

«Кому-кому, но только не ему, — должно было подсказать сознание, прежде чем открылась дверь».

— Д... добрый вечер... могу я увидеть доктора Баргера?

Передо мной стояла его жена. Конечно же, так она и должна выглядеть. Стройная красивая шатенка со скептическим, рассерженным взглядом.

— А вы?

— Я его стажер... из университета...

— И ваше срочное дело не может подождать до утра? — усмехнулась она, бросая взгляд на наручные часы.

Конечно, может. Оно и неделю подождет без проблем. Просто... Лимма Лессон — та еще заноза в зад, которой вечно везет на неприятности!

Я молча пячусь с крыльца и, следуя по дорожке, слышу, как захлопывается дверь.

Смешная штука — мне так погано, что я совсем не думаю о Питте. Даже странно, почему.

Моя прогулка не могла окончиться менее феерично, как и начало этого проклятого дня — внезапно полил дождь. Самое, мать его, время.

Пожалуй, мне нужно домой, чтобы продемонстрировать ба, что мои истерики ничего не стоят. Я ведь никогда не расскажу о том, что она сделала, матери. Это слишком ранит Гарверд... или убьет...

— Нравится погода, Лимма? — раздалось вдруг.

Доктор Баргер был менее всего похож на человека, которого заботят проблемы хоть одного своего стажера. Но между тем его наспех надетая рубашка, взъерошенные волосы и отсутствие зонта говорили об обратном. Я даже стала подумывать о том, что слишком плохо разбираюсь в людях.

— Я еще могу рассчитывать на место в Вейсмунде? — ответила вопросом на вопрос.

Мне представилась возможность рассмотреть этого человека — высокого, худощавого и отстраненно-холодного.

— Шутишь? — он остановился.

Дождь все еще лил: вокруг нас, между нами. Лил непроглядной стеной.

— Нет. Я хочу уехать в Вейсмунд. Как можно раньше.

— А как же твоя мать?

— Она поймет.

Доктор Баргер скрестил на груди руки и изогнул бровь.

— Ты говоришь об этом после всего, что случилось?

— Я заставила вас сомневаться в себе, — сказала, перекрикивая шум дождя, — но теперь все изменилось. Я приняла решение.

— Поздравляю, Лимма. Но ты забываешь о том, что я еще не принял.

— Вы же знаете, что я готова...

— Постой-постой, — усмехнулся мужчина, — давай обсудим это утром. Сейчас не время пороть горячку... Я вижу, — он склонил голову, пронзая меня пронизательным взглядом, — тебе совсем хреново. Пойдем, выпьем кофе, а потом я отвезу тебя домой.

И это было дельное предложение.

Глава 8

Сидя на кухне в доме доктора Баргера, я чувствовала себя отвратительно и неудобно. Его жена, которую звали Темпли, принесла нам полотенца и сварила крепкий кофе. Остаться с нами на кухне она не собиралась и тактично удалилась.

— У вас... — почему-то смутилась я, — очень хорошая жена...

Баргер задержал дымящуюся чашку у губ, вскинув брови.

— И на этом спасибо, Лимма. Пей свой кофе живей.

Я приникла к чашке, делая маленький глоток и обжигая язык. Я понятия не имела, о чем можно говорить с таким человеком, как Баргер.

— Уверен, ты знаешь, кто такой Кей Такер, — он сам нашел тему для разговора, и весьма удачную.

Я уверенно кивнула.

— Он довольно сложный человек, и не каждый способен с ним ужиться. Люди науки весьма тщеславны и горды. Если откровенно, Такер — несносный, харизматичный и невероятно упрямый эгоист, который родную мать продаст ради своих экспериментов. Поступая к нему, ты должна понимать, на что подписываешься. Он любит ломать людей, проверять их на прочность. Он циничный и жестокий мерзавец, но, не спорю, самый настоящий гений.

— Доктор Баргер, все это я уже знаю.

Мужчина недоверчиво поджал губы.

— Тебе будет там чертовски сложно, Лимма. Потом не просись назад, договорились?

— Назад? — фыркнула я. — Да вы даете мне самый настоящий билет в жизнь. Я не упущу этого шанса.

— Хотелось бы в это верить.

Он задумчиво пил кофе, а я терзалась мучительным вопросом, который решила задать только спустя пару минут.

— Откуда вы знаете Такера?

— Когда моя мать решила выйти замуж второй раз, я узнал, что у ее будущего мужа довольно несносный сын, который младше меня на четыре года и который по всем правилам должен стать моим братом.

— Вот черт... — не успела я скрыть удивление.

— Не то слово, — по губам доктора скользнула усмешка. — А теперь скажи-ка мне, что помогло тебе принять решение?

Что ж, откровение за откровение.

— Вы будете смеяться.

— Это вряд ли. Я лишен чувства юмора.

— Раз так, то слушайте: я верю, что способна изменить мир.

Баргер довольно серьезно глядел на меня.

— Вроде Супермена, Лимма? — одарил одной из своих умильных улыбок.

Обещал же не смеяться! Хотя мне самой хочется от души похихотать над наивностью прозвучавшей фразы.

— Вроде того... — проворчала недовольно.

Наверно, Баргер видел во мне что-то, что заставляло его слепо в меня верить. И мне было невдомек, что именно.

— У тебя есть деньги на перелет? — озаботился он насущными вопросами, о которых я совсем забыла.

— Я что-нибудь придумаю.

— Это ни к чему. Я оплачу билет.

Я так сильно сжала чашку, что она едва не лопнула в моей ладони.

— Нет, доктор. Я сама. Вы и так сделали для меня слишком много...

Его очередная улыбка заставила меня умолкнуть.

— Лимма, я знаю, что тебе не платят стипендию. Перелет в Вейсмунд стоит немалых денег.

— Именно поэтому... — попыталась возразить я.

— Потом вернешь. И давай уже закроем эту тему. Когда доберешься, жить будешь в общежитии. Я обговорю этот момент с Такером.

Тело отчего-то наливалось свинцом от каждого произнесенного слова, а сознание мутилось. Кажется, я пребывала в состоянии полнейшей дезориентации.

— Даже не знаю, что и сказать... — прошептала я, — спасибо.

— Это не ради тебя, Лимма, — усмехнулся Баргер, — и даже не для Такера. Это ради науки. Когда ты будешь готова уехать?

— В ближайшие дни.

— Ты уже говорила об этом с матерью?

— Пока никто не знает.

— И даже Сайверс? — мужчина откинулся на спинку стула, внимательно заглядывая мне в лицо.

— И даже Сайверс. Наверно, так будет лучше.

Это просто бегство. И я и Баргер прекрасно осознаем, что у меня кишка тонка сообщить об этом Питту.

— Хорошо, — соглашается доктор.

Следующие пять минут мы усердно делаем вид, что погружены в размышления. Признаться, мне жутко неловко рядом с Баргером. Чувствую себя мотыльком в прозрачной банке.

— Ну что, Лимма, — заметив это, произнес мужчина, — поехали, я отвезу тебя.

Моя одежда ничуть не высохла, да и у Баргера тоже. После всего, что он сделал, я чувствовала себя последней сволочью, заставляя его среди ночи выходить из дома.

— Вам бы переодеться, — пожала я плечами, — я могу доехать на такси...

— Лимма, на сей раз никакие возражения не принимаются. Но, пожалуй, я и вправду переоденусь. Подожди меня в гостиной.

Он проводил меня в просторную комнату с темно-синими занавесками и усадил на диван. Его шаги, раздавшиеся на лестнице, стихли на втором этаже. Я осталась в одиночестве. И черт меня дернул глянуть на каминную полку с фотографиями, на которых Баргер был запечатлен совершенно не таким, каким я его знаю. Через секунду я уже с любопытством разглядывала снимки, с нескрываемым трепетом подмечая, что вторгаюсь в святая святых этого человека — его личную жизнь. Мужчина на рыбалке в обществе друзей — никогда бы не подумала, что у Баргера есть друзья, на другом снимке — он с супругой, а вот и свадебное фото...

Тихий короткий сигнал заставил меня вздрогнуть. Я обернулась, найдя взглядом стационарный телефон. Он не трещал без умолку, он просто звякнул, будто кто-то с параллельного набирает номер. Баргер? Неужели позвонит Дейне? Или, быть может, его жена звонит подруге...

Во всяком случае, это не мое дело.

Но если так, почему я стою рядом с телефоном, а мое сердце начинает учащенно стучать? Я смотрю на дверь, на неподвижные тени на полу, отбрасываемые лишь мебелью, и прислушиваюсь к мертвой тишине дома.

Мои пальцы, ставшие ватными, обхватывают трубку, медленно и осторожно снимают, а затем я подношу ее к уху, думая: «Какого черта я сейчас делаю?»

— ...доктор, это весьма хорошие новости. Конечно, я переведу вам деньги...

Этот голос в трубке мне знаком — знаком до тошноты. Скажу больше, я мгновенно понимаю, кто кому звонит и зачем. И это просто отвратительно.

— ...билет в Вейсмунд стоит немалых денег, госпожа Сайверс. Плюс мне предстоит довольно напряженный разговор с братом, так как он лучше

руку себе отрежет, чем возьмет в команду двадцатилетнюю девчонку, да еще и ситайку... довольно милую. Он презирает женщин, особенно хорошеньких.

— Я уверена, вы все сделаете, как надо.

— У нее хороший уровень, госпожа Сайверс, но этого недостаточно, чтобы стать частью команды Такера.

— Вложения моего мужа в ваши проекты могут послужить отличным стимулом поломать голову над этим вопросом.

— Конечно...

— Я не хочу, чтобы она встречалась с моим сыном. У него совершенно иные перспективы, нежели пустой трах с какой-то ситайкой. У него есть невеста, доктор. И мы с мужем очень рассчитываем, что период, когда Питт затаскивал в постель первых попавшихся девчонок, пройдет. Если раньше мы спускали ему это с рук, то теперь его репутация нам невероятно важна. Его невеста из той семьи, где заботятся о своем имени, а эта ситайка будто грязное пятно. Вы же понимаете, как нам важно безболезненно и тихо от нее избавиться.

— Да.

— И, разумеется, доктор, мы не останемся перед вами в долгу.

— Очень вам благодарен.

— Все ваши расходы будут покрыты.

— Вы невероятно щедры.

— Доброй ночи, доктор Баргер...

Я положила трубку, чувствуя себя так, будто меня окатили ледяной водой и выставили на холод. Кирпичики уверенности и спокойствия обрушились, похоронив меня под обломками. Меня — уверенную в своей уникальности Лимму Лессон. А ведь я когда-то считала, что Баргер помогает мне, потому что я перспективный ученый, а не потому что перешла дорогу семейству Сайверс. Это просто критический удар под дых, от которого сложно оправиться.

— Ну что, Лимма, готова? — бодро спросил Баргер, заходя в гостиную. — Поехали?

Во мне поднялась горячая волна: от живота до самой макушки. Мужчина стоял и глядел на меня так, словно не было того ужасного разговора между ним и матерью Питта, словно он всегда желал мне добра, и все произошедшее — простое недоразумение.

Я поднялась, сохраняя видимое спокойствие, не зная, как поступить: бросить ему в лицо обвинения или выждать?

Мы молча вышли во двор, где был припаркован автомобиль. Пока

Баргер убирал с сиденья какие-то вещи, мой разум наполнялся протестом — я просто не могла сесть с ним в одну машину.

Мужчина расположился за рулем, недоуменно взглянул на меня, не понимая причину промедления.

— Лимма, садись уже. Замерзнешь.

— Позвольте один только вопрос, — я склонилась к окну, положила локти на опущенное стекло, вглядываясь в лицо доктора и чувствуя жгучую боль досады в груди: — Вы в меня верите?

— Что?

— Хотя на йоту вы верите, что я смогу чего-то добиться?

Баргер задумчиво пожевал губами.

— Тебе нужно мое мнение? — спросил он.

— Я знаю ваше мнение, — ответила, не спуская с него глаз, — ваше мнение таково, доктор Баргер: вы считаете, что надо быть законченным эгоистом и полным придурком, лишившим себя радостей жизни, чтобы добиться чего-то на поприще науки. Вы полагаете, что надо жертвовать всем, чтобы достичь результата и работать годами, просиживая штаны в лаборатории. Но знаете что: не всем дано оставить свой след в истории. И необязательно жить с нелюбимой женщиной, терпя ее стряпню, ездить на старенькой машине, быть профессором генной инженерии, выращивая кукурузу и капусту, и настоящим подонком, готовым на любую подлость ради жалких инвестиций, чтобы чувствовать себя непризнанным гением, которым никогда не стать. Надо иметь нечто большее.

— Ты о чем это?.. — оторопело проговорил он, хмурясь.

— О том, что я доберусь до Вейсмунда самостоятельно, как и до своего дома. И не стоит обременять вашего брата никчемной ситайкой. Он и без ваших трудов возьмет меня на работу, — я вздохнула, задумчиво постучала пальцами по стеклу и оттолкнулась: — И еще, доктор Баргер, у меня есть цель, которую я достигну, независимо от вас или кого-то другого.

Скрестив на груди руки, я пошла прочь по мокрой лужайке.

— Лимма, ты свихнулась совсем? — раздалось за спиной. — Куда одна? Что случилось, черт бы тебя... — хлопок дверцы и торопливые шаги следом.

Этот человек вознамерился меня догнать. И с каждым его шагом я свирепела все больше.

— Может, объяснишь, в чем дело?

«Катись ты к чертовой матери», — хотелось прорычать мне.

— Ты слышала этот разговор, да? — вдруг усмехнулся он.

Усмехнулся?! Будто не произошло ничего страшного, будто все, что он

говорил госпоже Сайверс, — сущая пустяковина.

— Да, слышала и...? — спросила я резко и нервно.

Баргер некоторое время молча шел следом, отставая разве что на шаг или два.

— Ты все усложняешь, Лимма... — устало проговорил он вдруг. — И этот твой поучительный монолог...

Я желала, чтобы под этим человеком разверзлась земля и его поглотила огненная геенна.

— Надеюсь, вы почерпнули из него много нового, доктор!

— Особенно про настоящего подонка и капусту.

Ответить на это было решительно нечего. Я быстро шла по тротуарной дорожке вдоль живой изгороди кустарника. Если бы только я могла по щелчку пальцев оказаться дома!

— Лимма, ты ведешь себя, как ребенок, — заметил Баргер. — Вместо того чтобы поговорить, ты убегаешь.

— Чего вы ожидали от двадцатилетней девчонки... особенно ситайки?

— Заметь, я назвал тебя довольно милой.

— Это, конечно, вас оправдывает.

Мужчина тихо рассмеялся, а затем выругался. Правда, не отстал.

— Ты заставляешь меня бегать за тобой, Лимма. А ведь я уже не мальчик. Сбавь хотя бы шаг.

Этот лицемер ничуть не запыхался.

— Просто оставьте меня в покое и все. Я уже достаточно большая девочка, чтобы ходить ночью одна.

— Ну, уж нет. Я не собираюсь нести за тебя ответственность, случись вдруг...

Я резко остановилась, потому что неведомая пружина, которая растягивалась все это время, наконец, лопнула.

— Вам просто не хочется терять деньги, которые не переведет на ваш счет госпожа Сайверс, в случае, если я вдруг задержусь в Каптике. И не надо смотреть на меня вот так, доктор... так, будто я заблуждаюсь. Я слышала все, от первого до последнего слова. И да, я подслушивала, и мне ничуть не стыдно. И катитесь вы, доктор, к дьяволу со своей мнимой заботой и рассуждениями о самоотверженности и преданности ученого делу.

— Опять ты кипятишься раньше времени, Лимма, — довольно спокойно произнес мужчина, закладывая руки в карманы джинсов и пожимая плечами, — разве в том, что происходит, есть что-то трагичное? Ты получишь работу, о которой мечтала, не потратив ни гроша, я —

солидный вклад на исследования, семья Сайверс — спокойствие и безмятежность. Посуди сама, все складывается очень удачно.

— Кроме одного! Вы меня используете!

— Я просто извлекаю выгоду из сложившейся ситуации. Так поступают разумные и практичные люди. А я именно такой.

— Так поступают настоящие мерзавцы...

— Эй-ей, за эти слова ты можешь лишиться не только возможности уехать в Вейсмунд, но и стажировки в Каптыке...

— Да вы в зад меня должны целовать, доктор, — несдержанно выпалила я, — я просто ваш счастливый билетик. И как разумный и практичный человек вы будете смиренно терпеть.

— Ты меня переоцениваешь. Мое терпение отнюдь не железное.

— И все-таки вы еще здесь. Раз уж я у вас поперек горла, так оставьте меня в покое. Мне ничего от вас не нужно, ясно?

— Но между тем у тебя совершенно нет денег на перелет.

— Я заработаю.

— Интересно, как? Попросишь у Питта?

— Это вас не касается!

— Убежден, он согласится выложить сумму и покрупнее за возможность затащить тебя в постель.

Всевышний, эти слова произнес мой руководитель, глядя мне в глаза и ничуть не смущаясь! И, похоже, он сам понимает, как гнусно это прозвучало.

— Из нас двоих, доктор, — задыхаясь от обиды, прохрипела я, — только вы берете деньги за свои услуги.

— Не ровен час, все изменится, — парировал он.

Еще ни один человек не намекал на то, что я могу быть просто жадной до денег шлюхой. Ведь речь идет о зубрилке и отличнице Лессон! Никому и в голову не придет, что я лягу в постель к человеку, который заплатит за это деньги. Никому, кроме Баргера, вероятно.

— И как у вас только язык повернулся... — произнесла я возмущенно.

— Половина моих студентов мечтает об этом. Ты не замечала? — усмехнулся мужчина. — Просто у Питта оказался карман шире. Он умеет произвести нужное впечатление на девушку.

— Ч... что? — не могу поверить, что доктор несет подобную чушь на полном серьезе.

— Наверно, он тоже наслышан о том, что ситайки способны удивить в постели даже самого требовательного любовника...

— Вы... что...

— Об этом трепались на каждом углу, стоило тебе появиться в Каптике. Какая экзотика...

Мои кулаки разжались, и я довольно неумело, но ощутимо треснула доктора Баргера по щеке, заставив его, наконец, заткнуться.

— Ты ударила меня? — после минутной паузы спросил мужчина, будто этот факт еще находился под сомнением.

Его глаза сверкали удивлением и жгучим недовольством. Наверно, он полагал, что я преспокойно буду слушать все те жуткие вещи, о которых он посмел вещать с самым серьезным и умным видом на свете. Он потер щеку, хотя не думаю, что я причинила ему невообразимую боль.

— У вас начался бред, — пробурчала я.

— Завтра я хочу видеть на столе твое заявление об отчислении.

По моему телу прокатилась волна тока.

— С чего бы это? — постаралась прикрыться бравадой, хотя голос предательски дрогнул.

— С того, что я так решил.

— Вы не можете меня отчислить из-за того, что случилось вне стен лаборатории.

— И откуда ты взялась такая умная? — бросил он, щуря глаза.

— Я пойду к Хейвуду!

— Он будет только счастлив, если ты предоставишь ему возможность выставить тебя вон из университета. Если ты еще не догадалась, только я стою между тобой и безжалостной системой.

— Значит, хотите меня отчислить, потому что я врезала вам по физиономии?

— А что? Не имею права?

— Вы... — вскипела я снова, да с такой силой, что не смогла контролировать следующее: — Да вы настоящий козел, доктор Баргер!

Развернувшись, я быстро пошла по дорожке, мечтая, чтобы этого злосчастного дня никогда не было.

— Лессон, подожди! Я вызову такси! — прокричал мужчина мне в спину, а затем заворчал: — Вот же несносная ситайка... — и что-то еще, чего я уже не услышала.

Глава 9

Я накрыла голову подушкой, слыша требовательный стук в дверь.

Было бы неплохо, если бы у меня началась амнезия, и я бы просто забыла события вчерашнего дня.

— Лимма, нам нужно поговорить, ты же знаешь, — раздался голос Дейны, — кроме того, ты пропустишь автобус...

Солнечный свет вливался в окошко моей комнаты, которая выглядела такой же унылой и тусклой, как и вся моя жизнь.

— Послушай, дорогая, — произнесла ба примирительно, — то, что я наговорила вчера сгоряча... не принимай все это всерьез. Я просто испугалась. Гарверд не должна узнать о тех письмах, понимаешь? Ей лучше дома, со мной. Я, как никто другой, позабочусь о ней.

Моя мать в том возрасте, когда сама способна решать, что ей лучше. И если бы она знала, что востребована, ее бы след простыл из жизни Дейны еще несколько лет назад. И судя по всему, моя бабушка больше всего на свете боится этого. Чертов эгоизм семьи Лессон!

— Пообещай, что ничего не расскажешь ей, Лимма, — говорила ба, стоя под дверью. — Ты же знаешь, какой это будет удар для нее.

— Я ничего не скажу, — приподняв подушку, произнесла я, — клянусь. Ты довольна?

— Раз так, открой дверь. Пора завтракать. И разве тебе не нужно в лабораторию?

Мне теперь ничего не нужно. Я теперь даже не знаю, как появиться на глаза Баргеру. Лучше выпить яд, чем когда-либо добровольно встретиться с ним.

Сев в постели, я потянулась за халатом. С этого дня у меня будет полно свободного времени, и я могу распоряжаться им как угодно — например, пойти на работу. В какую-нибудь забегаловку. Буду разносить кофе и предлагать «фирменный суп» посетителям. А заодно выкину из головы мысли о своей исключительности и о работе с Такером.

— Привет, мама, — поприветствовала, когда спустилась в столовую и вдохнула аромат душистого зеленого чая.

Я чмокнула маму в щеку и получила ответ через синтезатор: «Привет!»

Многозначно взглянула на ба, которая лишь слабо улыбнулась. Если мама согласилась на синтезатор, значит, все не так плохо.

— Ты опоздала на автобус, Лимма, — изрекла ба, садясь за стол. — Что-то случилось... в лаборатории?

— Ничего, просто доктор Баргер дал мне еще один выходной.

Господи, я чувствовала себя так, будто лгу на исповеди. И дело касалось не моего жалкого вранья относительно работы, а губительной лжи, которой была окутана моя мать. Теперь и я была посвящена в страшную тайну — Гарверд никто не забыл — и я должна молчать. Неужели это и есть ложь во благо? Или это просто способ уйти от проблем?

— Пожалуй, я не голодна... — бросила я, поднявшись из-за стола: — У меня есть кое-какие дела в центре.

— Сейчас? — встревоженно повернулась Дейна.

Сейчас или никогда. Пожалуй, бабушка ни за что не простит мне того, что я собираюсь сделать. Но ведь никто не обещал ей, что моя мать до самой смерти будет прикована к дому в Каптике.

Когда я вышла во двор, день медленно клонился к полудню. Солнце пекло, небо было ясным и безмятежным. Прихватив сумку и деньги на такси, я быстро шагала к тротуарной дорожке, как вдруг из-за кустарника выехал автомобиль и притормозил у моей калитки. От неожиданности я резко остановилась, наблюдая, как дверца дорогого авто открывается и на асфальт ступает мужская нога, обутая в дорожную туфлю.

Питт обычно не одевался так: строгий деловой костюм, белая рубашка, тонкий черный галстук, чуть расслабленный на шее. Светлая челка была уложена гелем, на запястье сияли дорогие часы. Пленительное зрелище для любого эстета.

Небрежным движением Сайверс снял солнцезащитные очки, впиваясь в меня немигающим требовательным взглядом.

Только не это, чтоб меня!

— Лимма, не уходи, пожалуйста, нам надо поговорить, — крикнул парень, видя, что я медленно отступаю.

Это было тихое кафе, одно из тех, что такие люди, как Питт Сайверс, обходят стороной. Без лишнего шика, помпезности и дороговизны. Здесь кофе стоил, как кофе, а не сапфировый самородок. И официантки здесь улыбались приветливо и искренне.

— Гм... — откашлялся Питт, примостившись в углу на кожаном диванчике и неловко озираясь по сторонам.

В это время в кафе было немногочисленно, но и те гости, что забрели сюда в разгар дня, глядели на Сайверса озадаченно. Определенно, он был

слишком хорош. И для этого места, и, конечно, для своей спутницы.

— Вчера тебя не было в университете. Я ждал... — произнес Питт, вскидывая светлые глаза.

— Мне дали выходной.

Его длинные крепкие пальцы переплелись на столешнице.

— Это все неважно... — вдруг проговорил он, не спуская с меня пытливого взгляда, — главное, что произошедшее не сильно тебя напугало. Я знаю, как настойчива может быть моя мать... Кроме того, та идея была откровенно идиотской. Сам не знаю, чем я думал, когда привел тебя на пляж. Я не хочу, чтобы у тебя из-за этого были неприятности.

Можно было просто часами смотреть на него. И неважно, что он говорит. Между нами была какая-то прочная привязанность. Что это? Наваждение? Любовь? У меня в животе все сжималось, а по позвоночнику бежали электрические импульсы.

— У тебя есть невеста, Питт...

Парень изменился в лице, закусил нижнюю губу, обдумывая следующее:

— Моя жизнь распланирована, словно школьное расписание. Я всегда знал, что меня ждет в будущем. Я, в принципе, был полностью с этим согласен. До недавнего времени...

Я не тешила себя мыслью, что все изменилось из-за меня.

— Лимма, — наперекор моим мыслям заявил Питт, — я просто представить не могу, что между нами все закончится.

— Мы очень разные.

— И это мне нравится.

Господи, и мне это нравится. Знал бы он, как сильно!

— Питт, я выбрала для себя науку.

— Отлично, я же не против...

— Ты не понимаешь, — терпеливо объяснила я, — заниматься наукой и жить ею — это разные вещи. Я намерена посвящать себя ей двадцать четыре часа в сутки без перерывов и выходных, пока не добьюсь результата. Это призвание, понимаешь? Без этого моя жизнь бессмысленна.

Сайверс некоторое время молчал, сдвинув брови и опустив взгляд.

— Это что-то вроде футбола для меня?

— Да, но только сильнее. Ты в любой момент можешь бросить игру, а я не могу. Это часть меня. Я с пеленок хотела спасать жизни.

— И? — теперь его взор обжигал. — Хочешь сказать, что между нами ничего не может быть?

— ...думаю, да.

— Лимма, это относится только ко мне или ко всем мужчинам? Ты решила умереть девственницей? — несколько раздраженно пробубнил Питт, задев какие-то болезненные струны в моей душе. — Тебе не кажется, что ты все усложняешь?

— Меня уволили из лаборатории, — решила я на правду, — и мне придется начинать все сначала. Для этого я должна уехать из Каптики.

— Отлично, — прошептал Питт в сторону, сжимая пальцы в кулак. — Ты решила на это из-за Баргера? Этот мудак тебя уволил?

— Питт... — проговорила я мягко.

— Моя мать ему денег заплатила, что ли? — со злостью зашептал парень. — Я ведь сказал ей, чтобы она не смела портить тебе жизнь.

— Питт...

— Я это так не оставлю. Я слишком долго шел у них на поводу. Они не посмеют больше тебя тронуть, — с этими словами Сайверс поднялся из-за стола, неприлично повышая голос.

Этого мне только не хватало.

— Питт, сядь на место, — произнесла я, видя, что на нас все смотрят.

— Хочешь, я поговорю с Бартером?

— Только не это, — ответила, приходя в ужас от мысли, что Питт бросится выяснять отношения с доктором, — не горячись. Вопрос с моим увольнением уже решен. Не думаю, что ты сможешь повлиять...

— Ты недооцениваешь меня, и преимущество быть одним из семьи Сайверс.

Питт облокотился ладонями о столешницу, склонился ко мне:

— А когда я решу твою проблему, тебе не придется стоять перед выбором.

Он резко распрямился, полный какой-то решимости.

— Приезжай завтра в лабораторию, Лимма, — сказал убежденно, — и ты увидишь, что имя и деньги в некоторых случаях творят чудеса.

Питт Сайверс оказался прав — случилось настоящее чудо.

Гребаная реальность была полна сюрпризов.

Мои вещи все так же лежали в шкафчике, в отделанной белым кафелем раздевалке университетской лаборатории. Я собрала все в коробку, вернула ключи на охрану, где мне и сообщили, что доктор Баргер желает меня видеть. Было около семи часов вечера, и я всеми фибрами души желала, чтобы доктор в этот момент делил сытный семейный ужин в обществе очаровательной супруги. Так нет, он терпеливо ждал, когда я приду. И ждал в своем мрачном кабинете, где горела всего одна настольная

лампа.

Дверь со стеклом, на котором была надпись с его именем, предательски заскрипела, когда я ухватила за ручку и открыла. Стол стоял прямиком напротив, а доктор сидел в кресле и курил. Свет лампы прекрасно освещал меня, но не его.

— Добрый вечер, доктор Баргер.

В кабинете было тихо. Так тихо, как бывает только в вакууме.

— Мне сказали, вы хотели меня видеть, — заполняя неловкую паузу, произнесла я.

В полумраке я отчетливо видела лишь облака белесого дыма и яркий огонек сигареты.

— Знаешь, Лимма, — произнес вдруг доктор таким тоном, будто собирался поведать мне притчу, — меня сегодня навестил твой друг.

О, Всевышний! Разумеется, речь о Питте. Я почувствовала, как к моим щекам приливает кровь.

— Мы с ним мило пообщались по поводу твоего будущего.

— Доктор Баргер, я не просила об этом Питта.

— Вот как? — раздалось сквозь смехок. — Я так и подумал, когда он ворвался сюда с претензиями.

— Он решил, что сможет мне помочь.

— Лимма, тебе никто не сможет помочь, кроме тебя самой. И как можно было подумать, что я изменю свое решение, если эта малолетняя выскочка явится сюда, потрясая кошельком?

Я сгорала от стыда, в прямом смысле.

— Доктор Баргер, я...

— Оставим на потом твои оправдания, — отмахнулся мужчина, туша окурок в пепельнице, — сейчас ты сядешь и напишешь заявление об увольнении на имя Хейвуда.

Это было ожидаемо.

Я поставила коробку на пол, села за стол с противоположной стороны от Баргера, взяла ручку и лист бумаги, которые он любезно мне пододвинул.

— Какую причину указать? — спросила, лишившись вдруг голоса и всяческих сил.

— Напиши: в связи с переводом в Центр биомедицины Вейсмунда.

Пальцы у меня дрогнули, и ручка упала на пол. Я вскинула глаза, вдруг ощутив острую нехватку воздуха.

— Тебе что-то непонятно, Лимма? — спокойно осведомился мужчина, вероятно, довольный эффектом, произведенным его словами.

— В связи с переводом, доктор? Мне нужно написать именно это?

— У тебя проблемы со слухом?

— Нет, я просто думала, что вы меня уволите.

— Что, собственно, я и собираюсь сделать. Ты же не рассчитывала работать в двух местах одновременно?

Я замотала головой, недоверчиво глядя на лист бумаги, а затем спохватилась:

— И вы поговорите с Такером?

— А как иначе. Поговорю на завтрашнем симпозиуме.

— Значит, все еще в силе? Вы не передумали?

— После твоей пощечины? Да я только утвердился в мысли послать тебя куда подальше. В Вейсмунде тебе самое место. И ты можешь сколько угодно твердить, что я тебя использую, мне плевать. Я даю тебе возможность, от которой откажется только полный имбецил. Так что решай.

Выбора передо мной не стояло. Только не сейчас.

— Я согласна.

— Тогда пиши заявление и выметайся, мне еще домой ехать.

Во мраке я не смогла бы нащупать закатившуюся под стол ручку, поэтому смело поднялась, подошла к стене и включила лампы дневного света, которые, заморгав, осветили кабинет.

— Значит, завтра в Каптике состоится симпозиум... — произнесла, оборачиваясь. — О, черт!!!

Слова застряли у меня в горле.

— Лимма, — устало протянул Баргер, откидываясь на спинку кресла, — разве я просил тебя делать это? Включать свет, я имею в виду.

— Вы что, подрались с Питтом?

— Делать мне больше нечего, — усмехнулся Баргер, — если бы я его тронул, мне не помогли бы никакие приятельские отношения с его отцом. Так что дрался только он.

И весьма неплохо. Последствия так красноречиво написаны на лице доктора, что можно только подивиться его оптимизму.

— Вас теперь уволят?

— Нет, — отозвался мужчина, — не думаю, что инцидент выйдет за пределы этой комнаты. Правда, завтра на симпозиуме мне придется светить фонарями, но думаю, всех вполне удовлетворит, если я скажу, что упал с лестницы.

Баргер взглянул на часы.

— Пиши живей, Лимма. Я опаздываю на ужин.

Я подняла ручку, села за стол, принимаясь за заявление.

— И не забудь: симпозиум завтра в шесть тридцать в гранд-отеле «Шерли». Оденься поприличнее, я подхвачу тебя в шесть.

Не успела я раскрыть рта, как мужчина добавил:

— Да-да, твое присутствие обязательно. Такер не из тех, кто покупает кота в мешке.

Глава 10

Такер не из тех, кто берет на работу сопливых девчонок — довольно простая истина, которая стала известна уже на следующий день. Правда, до мучительной встречи прошло немало времени.

Первой, кто узнал о моей поездке в Вейсмунд, была Нилла. По долгу дружбы я должна была сообщить ей об этом факте. Второй счастливицей должна была стать моя бабка, Дейна Морис, которая скорее прикует меня к батарее, чем даст на это одобрение.

— Я должна кое о чем поговорить с тобой, — с этого я начала, вторгаясь в ее комнату. — Ты не занята?

И раз уж я решилась рассказать ей о Вейсмунде, пусть узнает еще кое о чем.

Дейна вышивала. Очень редко ее можно было застать за подобным занятием. Она сидела в глубоком кресле у окна, сжимая в зубах сигарету, и мерно покачивалась.

— Мне сделали предложение о работе, — начала я, присаживаясь на ее узкую кровать, застланную белоснежным покрывалом.

— Замечательно, — небрежно отозвалась ба, стряхивая пепел и оглядывая вышивку. — Работа в отличие от стажировки принесет хоть какой-то доход.

— Эта работа в Вейсмунде.

Дейна остановила размеренное качание кресла и взглянула на меня. Взглянула так, что все мои мысли рассыпались в голове на крошечные пазлы.

— Вейсмунд? Где это, черт побери?

— Далеко.

— Это на Тардисе, — вспоминая, произнесла она. — Ты с ума сошла, Лимма... там совершенно неподходящий для ситайки климат и... — ба считала, что еще способна переубедить меня, однако, встретив мой серьезный взгляд, замолчала.

— Я уже все решила.

— Ты хочешь бросить нас? — Дейна опустила сигарету в пепельницу, едва ли замечая, что та продолжила виться белесой лентой дыма. — Свою большую мать? И меня?

— Кстати, об этом, — прочистив горло, я отвела взгляд в сторону, — я вчера позвонила профессору Мак-Аароту...

— ...что ты сделала?..
— ...и поговорила с ним по поводу мамы...
— ...господи Всевышний, ты просто...
— ...и узнала от него много нового, — я намеренно повысила голос, прерывая причитания бабушки.

Она качала головой в попытке отрицать очевидное.

— Он сказал, что у нее есть счет, куда поступают средства от министерства. И еще, он рассказал, с каким тщанием ты обрываешь все его попытки наладить с матерью контакт. Он был ошеломлен, когда я позвонила. Я хотела узнать, смогла бы мама, при желании, вернуться в Элентроп и получить место на факультете медицины, на что получила конкретный ответ. Профессор Мак-Аарот счел бы за честь иметь в штате института такого блестящего медика, как Гарверд Лессон, и, невзирая на ее заболевание, готов попробовать. При необходимости он готов также обеспечить надлежащий уход за моей матерью, независимо от финансовых затрат.

Дейна некоторое время не могла совладать с лицом.

— Ты сама не понимаешь, что ты натворила, — проговорила она сдавленным, упавшим голосом.

— Я расскажу об этом маме. Конечно, я не стану говорить ей о письмах или твоём участии в их сокрытии...

— Ее снова захотят использовать, — со злостью проговорила бабушка.

— Она сама должна решить, как поступить.

— Она больна, разве ты не видишь! Она должна остаться со мной!

— Только потому, что ты этого хочешь? — раздраженно выпалила я. — Потому что всю жизнь пыталась доказать ей, что ты всегда и во всем права? И ее болезнь как нельзя лучше это доказывает, правда?

Дейна тяжело поднялась на ноги, держась за подлокотники.

— Не смей говорить о том, чего не знаешь!

— Она выбрала науку и стала легендой, невзирая на то, что ты никогда в нее не верила. Посмотри, как моя мать нужна всем этим людям, несмотря на болезнь, а ты никому не нужна!

Дейна побледнела. Надсадно дыша, она указала мне на дверь. На секунду мне показалось, что сейчас она разразится жуткой бранью. Еще бы, я посмела высказать ей всю правду. Однако она молчала, сжав зубы. И мне тоже больше нечего было сказать.

Разговор с Дейной выбил меня из колеи на долгие часы. Я много думала над мотивом ее поступков. После смерти мужа ее сокровищем стала ее дочь. Но у Гарверд всегда был сложный, безудержный и

нелюдимый нрав. Ей не нужен был мир вокруг, это она оказалась нужна миру, потому как моя мать была уникальна. Дейна же не хотела с этим мириться, считая, что дочь всегда должна быть рядом.

А теперь я, буквально повторяя судьбу матери, уйду, оставляя Дейну в одиночестве. Это действительно так, ибо мама, разумеется, выберет работу в Элентропе.

Я продолжала думать об этом, когда собиралась на симпозиум, на котором должна решиться моя судьба. С утра местные СМИ активно обмусоливали тему намечавшегося мероприятия и, безусловно, личность главного оратора Кея Такера. Помимо него в Каптике соберутся светила мировой науки, коим так или иначе интересно клонирование человека. И у меня, стажерки местной лаборатории, есть шанс изнутри взглянуть на все это великолепие и даже тихонечко постоять рядом с каким-нибудь ученым с мировым именем.

У меня было лишь одно вечернее платье, пылившееся в шкафу еще с тех времен, когда я окончила университет. И не скажу, что оно было идеальным. Темно-зеленое чуть выше колена, как ни странно, оно все еще неплохо на мне сидело. Впрочем, никто не обратит на меня внимания, а уж тем более не шепнет коллеге: «Что за девушка в уродливом платье? Разве она есть в списке приглашенных?» В обществе подобных людей разумнее блеснуть умом, нежели отменным вкусом. Кроме того, разве «ботаники» умеют одеваться? Вывод таков: зеленое платье вполне сойдет.

Вечер обещал быть неповторимым. И я не знала, хорошо это или плохо. Баргер заехал за мной ровно в шесть. Кто бы сомневался в его пунктуальности. Он, так же как и я, был напрочь лишен чувства прекрасного — на нем довольно сносно сидели черные брюки и белая рубашка, но темно-коричневый пиджак оставлял желать лучшего.

Мы не обменивались комплиментами и, кажется, даже не поздоровались. Единственное, что сказал доктор, когда мы почти приехали к отелю:

— Постарайся произвести правильное впечатление.

Ох, знал бы он, что противный липкий страх холодом подобрался к потаенным уголкам моей души, лишая возможности адекватно мыслить. В самый неподходящий момент.

— Только не нервничай, Лимма...

О, это очень помогает, доктор!

Здание отеля сияло подсветкой, несмотря на то, что солнце еще не село. Громадина в несколько этажей с зеркальными стеклами, в клумбах зелени — это и есть знаменитый «Шерли». Кажется, здание принадлежало

семье Питта, что само по себе очень символично.

В конференц-зале уже приготовили огромный сенсорный экран, на черном фоне которого горела эмблема международной ассамблеи инновационных технологий в области биомедицины. Я заняла отведенное мне место, растерянно озираясь по сторонам в то время, пока доктор Баргер здоровался с коллегами. Вот он жал то одну, то другую руку, приветствуя каких-то людей, то скучающе стоял в проходе, то выискивал кого-то взглядом.

Конференц-зал постепенно наполнялся людьми, многих из которых я уже знала. Те, кто работал когда-то с моей матерью, приветливо мне улыбались. Я откинулась на спинку сиденья, услышав, как за моей спиной двое почтенных господ, усевшись по местам, ведут беседу:

— И кто дал этому сумасшедшему слово? Послушать его, так Кей Такер — Господь Бог.

— Было бы интересно послушать его хотя бы для развлечения, — отозвался другой с нескрываемым сарказмом.

Я закусила губу, испытав острую вспышку раздражения. Для меня Кей Такер действительно был богом — богом биомедицины. Я прочла все его книги, пребывая в чудовищном экстазе от мысли, что наши взгляды невероятно похожи.

Понимание того, что я увижу этого человека — своего кумира — и даже буду с ним работать, кружило голову. Во рту все пересохло от волнения.

— Он уже приехал, — неожиданно приземлился рядом со мной доктор Баргер. — Через пару минут начнется...

— Здесь особо не жалуют Такера, — шепнула я.

Мой собеседник усмехнулся, удобнее устраиваясь в кресле.

— Для этих надутых индюков он самый настоящий мечтатель, посягнувший на незыблемые устои. Но, несмотря на это, его будут слушать с открытым ртом. А знаешь почему? — мужчина приподнял бровь, поглядывая на меня. — Потому что его взгляды на некоторые вещи не укладываются в каноны. А еще: он чертовски красноречив.

Я нетерпеливо поерзала в кресле. Сердце в предвкушении набирало обороты.

Симпозиум был открыт речью директора института фундаментальной медицины Элентропа доктором Гаем Ричмондом. Моя мать когда-то в молодости имела честь проходить у него практику. Так вот, она всегда называла этого человека старым козлом. Следом выступили именитые профессора и доктора наук, выражая абсолютно различные и даже

противоположные точки зрения на проблемы клонирования.

И вот настал тот самый момент. Баргер скучающе вытянулся на кресле, скрестив руки и поглядывая на выступающих сквозь полуприкрытые веки, слушатели тихо переговаривались, где-то за закрытыми дверями играла музыка и слышались сигналы автомобилей, шум вечернего города. И во всем этом благоденствии был лишь один раздражающий фактор — внезапно появившейся за трибуной мужчина.

Это был Кей Такер. Во плоти.

Мужчина, который не был похож на ученого. Сотни раз я видела его фото, но вживую он выглядел просто... невероятно. Вызывающе красивый и, главное, одетый хорошо и со вкусом. Даже сам этот факт заставлял меня благоговеть перед ним, как перед идолом. Пожалуй, мне ни разу не встречались выдающиеся ученые, обладающие столь нестандартным набором, как: правильное смуглое лицо, густые каштановые волосы, красивая линия губ, превосходная фигура, а главное, абсолютно цепкий, уничтожающий и волнующий взгляд стальных глаз. Одним словом, это был не взгляд, а рентгеновский луч — никогда не поймешь, о чем думает этот человек, глядя на тебя. И ко всему прочему, он был гением безо всякого преувеличения.

Я досконально знала его биографию. Ему было тридцать четыре. Он был в разводе. Помнится, когда он еще был женат, я дотошно искала фото его супруги и, найдя, страшно разочаровалась. Наверно, потому что его женой была красавица с большим бюстом, длинными светлыми волосами и великолепным маникюром. Просто мисс Вселенная! И почему Такер не женился на скромной, умной девушке? Неужели даже такие гении, как он, ведутся на внешность? Впрочем, ответом на этот вопрос был его поспешный развод. Брак распался после трех лет совместной жизни, но никто из супругов не давал по этому поводу никаких комментариев.

— Итак, — сказал Такер, — мы все ждали этого, верно? — лукавая улыбка скользнула по его губам. — Клонирование. Что ж, не буду ставить под сомнение ваши умственные способности, дамы и господа, объясняя, что это такое. Пару лет назад об этом активно писали в прессе, и только ленивый забыл упомянуть, какая ж это нехорошая затея, клонировать человека. И вот, наконец, запрет сняли.

Да, он просто кайфует оттого, что может высказать абсолютно все, что думает, так еще и с трибуны.

Голос у него — загляденье. Теплый, низкий, глубокий. Я смотрела видео с его интервью, но через экран невозможно передать его животную энергетику. Каждым словом он доказывал всем и каждому: «Я круче всех!»

И, главное, у меня не хватило бы духу усомниться.

Я была готова ловить каждую его фразу. Впитывать все, что он говорил, и сходить с ума от восторга. Передо мной не картинка с обложки научных изданий, передо мной — он, мой кумир, бог биомедицины и довольно привлекательный мужчина.

— У меня сегодня не будет слайдов, — продолжил он, на секунду оглядываясь на экран, — так что если кто-то хотел картинок, может пока переждать в буфете. И захватите мне чего-нибудь, не успел перекусить в дороге... Но сейчас не об этом, верно? Я, по большому счету, провел больше двух суток в пути не для того, чтобы обсуждать с кем-то из присутствующих практическое применение клонирования в медицине. Терапевтическое клонирование — это провальный путь для регенеративной медицины. Если кто-то считает иначе, это сугубо ваше дело. Если мы хотим вырастить орган, к примеру, почему бы не пойти путем, который активно развивается уже многие годы — вырастить его из стволовых клеток с индуцированной плюрипотентностью?

О, в числе присутствующих были и несогласные, которые тут же потребовали слова, однако Такер невозмутимо продолжил:

— Я хочу, чтобы вы на пару секунд забыли о терапевтическом клонировании и сосредоточились на репродуктивном. Представьте, что репродуктивное клонирование, то есть воссоздание человека, возможно на любом этапе его жизни, и что клонированная особь — это не просто носитель генотипа донора, а сам донор с тем же сознанием и с теми же воспоминаниями. Представьте, что это не фантастика и не бред сумасшедшего, а вполне себе факт, и что на пороге старости вас ждет не смерть, а возможность перерождения. Что вы скажете, если допустить эту мысль хотя бы на долю секунды?

Сердце почему-то выпрыгивало у меня из груди. Наверное, оттого, что я ждала от Такера какой-нибудь провокации и получила сполна.

— Давайте допустим возможность перемещения сознания донора в клон... Есть ли у нас шанс сделать это в обозримом будущем? Вы сейчас подумали, этот парень окончательно рехнулся, верно? А если я скажу вам, что вполне могу сделать нечто подобное уже через пару лет? Или, скажем, завтра?

Кей Такер замолчал, приподнимая бровь. Лишь щелчки затворов камер нарушали напряженную тишину в зале.

Боже, сколько раз я мечтала поговорить с ним. Нужно просто поднять руку, и он, возможно, обратит на меня внимание. Я могу прямо сейчас задать вопрос, на который ему придется ответить. Но я отчего-то трушу.

Баргер неожиданно склонился ко мне и прошептал:

— Что ж, Лессон, это твой будущий наставник. У него ты сможешь научиться всему, о чем только пожелаешь. Включая и плохое.

Смогу ли? И возьмет ли он меня в Вейсмунд? Меня — маленькую несмышленную ситайку, которая едва дышит от волнения и восторга, глядя на него?

Проницательные серые глаза прожигали меня насквозь.

Заставив себя не дергаться, не заламывать руки и не покусывать губы, я стояла перед доктором Такером, который расположился в кресле, небрежно откинув папку с моим досье, которому уделил лишь пару секунд.

И теперь он смотрел на меня так, будто я была безделушкой, которую ему впаривают за бешеные деньги. Немного раздраженный взгляд скользил по моему телу: от мысков туфель до макушки. Снова и снова. Казалось, за минуту доктор разложил меня на атомы, узрел недостатки и поставил диагноз.

Меня колотило от волнения. Казалось, я шла к этому моменту всю жизнь. Как зачарованная я глядела на человека, от которого всецело зависела моя судьба.

Баргер, который сидел в кресле напротив, не препятствовал нашему обоюдному любованию, а терпеливо ждал. На его лице застыло беспокойное выражение.

— Что ж... — наконец, произнес Такер, сосредоточив запал своей проницательности на моем лице. — Госпожа Лессон, дочь Гарверд Лессон, наполовину ситайка, двадцать лет.

Сухие факты вылетали из его рта, как оскорбления.

Впрочем, я не могла знать наверняка, пытается он оскорбить или говорит в свойственной ему циничной манере. Такер был великим циником и безбожником.

— Я могу обращаться к вам на «ты»? — наверно, его забавляло то, что я так напугана. — Вы не упадете в обморок? Это вас несколько не оскорбит и не заденет ваших чувств?

Разумеется, он получал удовольствие от осознания собственного величия. Но, черт возьми, я готова простить ему это.

— Нет... да... то есть, вы можете.

— Отлично, — он перекинулся красноречивым взглядом с Баргером. — Тогда поступим так, Лимма: ты сейчас немного расскажешь о себе.

Не знаю, для чего он попросил об этом — откровенно скучал, пока я

перечисляла факты из своей биографии.

— Достаточно... — оборвал меня на полуслове. — Все это очень интересно, — голый, ничем не прикрытый сарказм, — я вижу, у тебя насыщенная жизнь, — и снова нечто язвительное проскальзывает в его голосе. — Нравится работать у Баргера?

— Вполне, но у меня немного другая специализация. Я хочу заниматься регенеративной медициной.

— Когда ты это решила? — насмешливый прищур стальных глаз заставлял меня забыть все, включая собственное имя. — Год назад, два?

— Я занимаюсь исследованиями в сфере биомедицины уже больше пяти лет, а наукой — сколько себя помню.

— Да? И зачем? Что тебя подвигло, Лимма?

— ...mmm... — ответ у меня был, но не слишком ли он наивен? — желание помогать людям, думаю.

— А может, просто потому, что твоя мать медик? — Такер ставил под сомнение все, что я говорила.

— Нет.

— С чего ты это взяла?

— Я...

— Может, у тебя другое призвание? — это звучало не как вопрос, скорее, как утверждение.

— Я вижу свое призвание лишь в биомедицине.

— А вдруг это заблуждение? Тебе двадцать лет. Пубертатный период у ситайских девочек довольно сложный процесс и затягивается вплоть до двадцати пяти лет. Частые перепады настроения, инфантилизм, стрессы объясняются активными выбросами гормонов в кровь. По закону, действовавшему в Айртоне, ситайцы считались совершеннолетними лишь с тридцати.

— Это было много лет назад до вступления Айртон в Альянс, — произнесла я, смертельно краснея. — Я родилась в Элентропе.

— Физиологически люди и ситайцы имеют некоторые отличия...

— Я прекрасно знаю об этом.

Чем язвительнее говорил Такер, тем паршивее становилось мне. Все то отвратительное, грязное и неприличное, что стояло между нашими расами, он вытягивал на поверхность с нескрываемым смаком.

— Особенно это касается ситаек.

Я стиснула зубы, отводя взгляд в сторону.

— Некоторые различия строения тела, я имею в виду, — произнес мужчина, наслаждаясь тем, что окончательно раздавил меня. — Тебе

неприятно говорить об этом?

— Вы... можете спрашивать о том, о чем сочтете нужным.

— Очень мило с твоей стороны. Ты всегда так легко соглашаешься с тем, что говорят другие?

Это собеседование напоминало изощренную пытку.

— Не понимаю, о чем вы...

— Я вижу, что — да. У твоих поступков есть определенные рамки. Ты стараешься быть лучше всех. Возможно, пытаешься превзойти мать. Мыслишь идеалами. Как закомплексованная отличница. Есть такой синдром, Лимма.

Было это проницательностью или рациональной оценкой я не имела никакого понятия, но сказанное больно ударило меня по самолюбию.

— Что вы хотите от меня услышать? — я позволила себе легкую возмущенность в голосе.

— Лишь то, что ты осмелишься сказать.

Сложно не паниковать, когда не знаешь, что происходит и как вести себя в ответ на подобные выпады.

— У меня высокое айкью, я закончила экстерном...

— Я не об этом. Твою анкету я уже читал. Давай начнем вот с чего: расскажи мне о себе то, что я никогда бы не прочел в твоём досье.

Эта задачка поставила меня в тупик. В повисшем молчании я не гнушалась мыслями о сиюминутном самоубийстве.

— Я... я не знаю, что вы хотите... что сказать о себе.

— С твоим айкью грех не придумать что-нибудь, — прямая и уничижительная издевка.

— Эта задача не корректна. В досье указано все, чтобы оценить мои профессиональные качества.

— А я не хочу оценивать профессиональные, я хочу оценить личные.

— Я... упорная, рассудительная...

— ...скучная, нудная и сомневающаяся...

Болезненный спазм перехватил мое горло, заставив шумно сглотнуть.

— Я не считаю себя... такой...

— А какой считаешь? Исключительной?

До этого момента возможно, но теперь я считала себя просто ничтожеством.

— Нет. Я...

— Нет? Значит, ты не считаешь себя лучшей из лучших?

— Мне есть чему учиться.

— Вот как... — протянул Такер, — что ж, есть масса возможностей

делать это. Объясни мне одно: раз ты такая обычная, как и все, зачем ты мне?

— Я... — у меня взмокли ладони, и я увела руки за спину. — Я — хороший специалист.

— И что? — спросил Такер. — Мне на почту ежедневно приходят резюме хороших специалистов, вроде тебя.

— У меня есть собственные разработки...

— Как и у многих других. Это ты считаешь своим преимуществом?

— Я бы могла быть вам полезна.

— Серьезно?

— Я могу предоставить результаты моих исследований.

Мужчина пару секунд глядел мне в глаза, будто спрашивая: «Это что, шутка?» — а затем рассмеялся.

— Мое время слишком дорого, чтобы тратить его на подобные развлечения.

— Мои исследования могут положить начало новому направлению в регенеративной медицине.

Такер усмехнулся.

— У меня почта ломится от писем с подобным содержанием. Я обычно отправляю их в спам. Правда, никогда не слышал ничего подобного от двадцатилетней ситайской девочки.

Черт побери, я ситайка! И мне двадцать! Но разве это так очевидно говорит о том, что я непригодна для науки?

Такер взглянул на часы, затем бросил Баргеру, который напряженно молчал все это время:

— У меня самолет через час, был рад поболтать с твоей протеже, но, надеюсь, ты понимаешь, каков будет мой ответ?

У меня едва не подкосились ноги. Я тоже взглянула на доктора Баргера, который прочистил горло и указал мне на дверь:

— Лимма, подожди, пожалуйста, в зале, — его тон говорил о многом, в частности о том, что шансы получить работу в Вейсмунде ничтожно малы.

Я молча вышла за дверь, с безудержным желанием — разрыдаться. Таким ничтожеством я не ощущала себя ни разу. Я даже рта не посмела раскрыть, чтобы возразить Такеру.

Бродить по коридору было еще хуже, чем находиться в той комнате. Я изводила себя бесконечными придирадками. Возможно, я не так стояла или не с тем выражением лица, не в том платье, наконец. Может, у меня был вид полной дуры. Кто отрицает, я вела себя так, будто у меня ампутировали часть мозга.

Четверть часа потребовалось Бартеру, чтобы прийти к какому-то решению. Дверь распахнулась, он выскочил красный и злой и принялся ходить взад-вперед, кусая ноготь большого пальца.

— Видимо, я все испортила, — догадалась я. — Этого следовало ожидать.

— Я бы не хотел, чтобы ты теперь опустила руки, Лимма, — печально изрек Баргер.

Мне захотелось плакать еще сильнее, чем прежде.

— Конечно, доктор.

— Пойдем, я отвезу тебя домой.

— Я могу... побыть здесь еще некоторое время, — вымолвила, глотая немые слезы, — здесь есть люди, которые знают мою мать. Было бы интересно поговорить с ними.

— Я понимаю.

Он действительно понимал.

— Я доберусь сама, доктор. Вам не стоит беспокоиться.

Он кивнул, слабо улыбнулся.

— Только не допоздна, ладно? Завтра я жду тебя в лаборатории.

Я действительно вернулась в зал, где был организован фуршет. Не в мою честь, разумеется.

Роскошь хрусталя, побрякушки на шеях именитых леди и белозубые улыбки докторов — все казалось мне издевкой. Я переживала сейчас самую большую трагедию своей жизни, а вокруг царило веселье. А ведь многие из присутствующих знают, что я дочь Гарверд Лессон, и неодобрительно хмурятся. Не потому, что уважают мою мать, а потому, что считают всех ситаек — наивными дурами.

— ... Лимма, я помню тебя еще совсем маленькой девочкой... — притворная доброжелательность, — ... у тебя были такие милые бантики...

Не могу слушать эту ахинею. А еще этот шепоток за спиной: «Это ее дочь?! Той самой Гарверд? Она тоже занимается медициной?»

Я вышла на улицу, перешла дорогу и уселась на ограду лицом к сверкающему парадному входу в «Шерли».

Вот сейчас я посижу в полном одиночестве пару минут и вызову такси.

Мне просто нужно подумать. Я должна понять, чего я хочу и на что способна.

Не мыслю себя без науки, без возможности реализоваться, сообщить о себе всему миру. Я знаю, что моя жизнь неразрывно связана с медициной. Это записано где-то на подкорке. Иначе все бессмысленно!

Закусив дрожащую губу, я подняла голову и увидела, как со ступенек

спускается Кей Такер. Ему подгоняют машину — крутую сверкающую черную тачку — и он преспокойно садится за руль. Такой раскрепощенный, самоуверенный и до раздражения умный. Если я не попаду к нему, то лучше умереть прямо здесь и сейчас!

Он завел мотор и выехал на дорогу, когда я выскочила навстречу. Раздался визг тормозов. Черный бампер ткнул меня в колени, и дверца тут же открылась.

Пару минут назад я не придумала ничего лучше, как броситься под колеса, а сейчас мне казалось, что это было самое глупое решение в моей жизни. Рассерженный взгляд Такера лишь подтверждал это.

— Это снова ты? — изумленно бросил он. — Какого, — выругался довольно грубо, — ты шарахаешься по дороге?

— Я...

— Прочь!

— Выслушайте меня! — выпалила на одном дыхании.

— Убирайся с дороги и дай мне, наконец, проехать!

— Поговорите со мной...

— Вот черт!.. — пробубнил Такер.

— Если вы не дадите мне шанс, я все равно добьюсь своего и никогда не брошу медицину, потому что это дело моей жизни. Но я мечтала работать с вами! Вы никогда не пожалеете о том, что взяли меня на работу!

— Да ты чокнутая... как там тебя? Лессон, — вымолвил Такер, — сделай одолжение, уйди с дороги.

— Я хочу работать с вами, доктор Такер!

Он зло сверкал глазами. Да, не лучший момент, чтобы проситься в штат.

— Со мной? — бросил он.

— С вами.

— Сильно хочешь, Лессон? — издевательски осведомился он, только ради того, чтобы я лишний раз почувствовала себя никчемной.

— Да.

Злость в его глазах быстро угасла. Теперь он, наверно, раздумывал над ситуацией, которая получалась просто нелепейшей.

— Не уймешься? — усмехнулся мужчина.

— Я готова на все.

— Это подкупает, знаешь ли...

Нетерпеливые сигналы автомобилей заглушили его слова.

Такер сел в машину, захлопнул дверь.

Что ж, я сделала все возможное. Отошла к обочине, чтобы дать ему

проехать.

Когда он поравнялся, то опустил стекло и бросил небрежно:

— Жду через два дня в Вейсмунде. На испытательный срок.

Эта фраза мне только что пригрезилась? Или я действительно буду работать с Такером?

Рассерженные гудки проезжающих машин, наконец, заставили меня убраться с дороги.

Глава 11

К ужину я, конечно, опоздала.

— Лимма, ты знаешь госпожу Сайверс? — этим вопросом было положено начало беседы, которая состоялась в нашей гостиной.

Для дамы, посетившей мою семью этим вечером, вид нашего жилища, скорее всего, показался убогим. Она присела на край дивана (не из вежливости, разумеется) и изобразила улыбку. Ее цепкий неприязненный взгляд пробежался по моему наряду, и я заметила, каких колоссальных усилий этой женщине стоило скрыть пренебрежение.

Дейна, которая терпеть не могла высокомерных богатеньких особ, опустила в кресло ровно с таким же выражением лица, как у гостьи.

Пикировка взглядами длилась недолго.

— Я не отниму у вас много времени, — холодная улыбка исказила лицо госпожи Сайверс. — Я знаю, как вам важно всегда быть рядом с Гарверд. Слышала, ей необходим постоянный уход...

— Спасибо за заботу, — нетерпеливо оборвала моя бабка, — позвольте узнать, чем обязаны?..

— Это касается Лиммы и моего сына.

— Госпожа Сайверс, не понимаю, при чем здесь моя внучка, — произнесла Дейна, — уверена, вы можете часами говорить о вашем сыне, но Лимма вряд ли имеет к нему хоть какое-то отношение.

— Госпожа Морис, — все так же вежливо продолжила собеседница, — Питт очень увлекся Лиммой. Он влюбчивый и импульсивный. В его возрасте это нормально, вы согласны?

Я глубоко и громко вздохнула, привлекая всеобщее внимание. Конечно, я могла быть лишь частью декорации на этом спектакле, но эмоции не давали моему внутреннему запалу угаснуть. Особенно когда речь заходила о Питте.

— Я могу поговорить с госпожой Сайверс наедине? — обратилась к своей бабушке.

— Не думаю, что это разумно...

— Всего пару минут.

Возражать в сложившейся ситуации было бы глупо. Дейна смерила мать Питта предупреждающим взглядом и покинула комнату.

— Твоя бабка — человек своеобразный, — откинув ложную вежливость, сказала Сайверс, — я надеялась, она поймет меня.

Женщина закинула ногу на ногу, устраиваясь удобнее. Наверняка она сочла, что раз противник из ее весовой категории покинул ринг, можно расслабиться.

— Я совершенно не претендую на вашего сына, — произнесла я спокойно.

Госпожа Сайверс сощурила глаза и усмехнулась. Ее подобными клятвами не возьмешь.

— Послушай, Лимма, ты понятия не имеешь, скольких женщин мой сын затащил в постель за последний год. Двоим его потаскухам я даже оплачивала аборт. Питт не просто любит женщин, он любит необычных женщин. Таких, к примеру, как ты. Подумай сама, ты же ситайка. Про вас говорят столько всего... Такой девушки в его коллекции еще не было.

Мое сердце болезненно сжалось. Да, я многое слышала о Питте, но настолько гнусное — впервые.

— Все это правда, можешь проверить, — бросила женщина, — у меня есть контакты почти всех его женщин. Приходится постоянно контролировать ситуацию. С каждой из этих девчонок он всякий раз теряет голову, и нам с мужем стоит немалых трудов, чтобы последствия не вылезли наружу.

— Судя по всему, ваш сын — настоящий подонок...

— Для девиц вроде тебя, вероятно, так и есть, — вымолвила она, — хотя ты, Лимма, внушаешь уважение. Он уже так долго бежит за тобой, а ты все еще не сдаешь позиций.

— И это наталкивает вас на мысль, что у меня в отношении Питта долгосрочные планы?

— А это так?

Я молчала. Какое-то странное желание заставляло меня затянуть паузу и пощекотать этой даме нервы.

— Я же сказала: я не претендую на вашего сына.

— Но он тебе нравится?

Думаю, она знала ответ.

— Это вас не касается.

— Дорогая моя, меня касается все, — пояснила женщина, — особенно интимные связи моего сына, которые могут порушить мои планы на его будущее. Ты же умная девушка, Лимма, и понимаешь, что его влечение к тебе ничего не значит. Зачем ломать его жизнь ради банального секса?

— Послушайте...

— Нет, это ты послушай меня. Тебе лучше поостеречься, дорогая. Ради твоего же блага. Занимайся своими экспериментами и строй свою

жизнь, иначе эта жизнь может превратиться в настоящий ад.

Она перешла к угрозам. Неужели ее так напугала очередная интрижка сына?

— Госпожа Сайверс, — произнесла я сдержанно, исчерпав этим все внутренние резервы терпения, — выметайтесь вон из моего дома. Разговор окончен.

— Что ж, — она поднялась, неторопливо прошагала к двери, — надеюсь, ты сделаешь правильные выводы, Лимма.

— Всего доброго, — бросила я в ответ.

Звук хлопнувшей двери заставил меня вздрогнуть. Я запрокинула голову и закрыла глаза, собираясь с мыслями. Мои чувства все только усложняли, лучше вообще ничего не испытывать. Не рвать сердце, понимая, что сделала выбор в пользу карьеры, и никогда не сомневаться в этом выборе, невзирая на острое желание в лице Питта Сайверса. Лучше его вообще больше не видеть, солгать, что все произошедшее ничего не значило. Да, наверно, так будет лучше для всех. Включая его мамашу.

На лестнице меня остановил голос Дейны, которая все это время ждала в столовой.

— У тебя что-то было с этим сопляком?

— Не в этой жизни, — бросила через плечо.

Убеждена, у меня вообще ничего ни с кем не будет. Да чего уж там, я умру девственницей.

Это сознательный выбор. Так меньше проблем.

Сон, если он и был у меня этой ночью, не принес никакого облегчения. Я пребывала в странном нервном состоянии. С одной стороны, я была счастлива, с другой — казалось, проклята всеми возможными силами.

Перед тем как уехать в лабораторию, я заглянула в комнату к матери. Она вставала рано, если вообще спала. В ее состоянии сон был роскошью.

— Привет, — улыбнулась я, присаживаясь на ее постель.

В ее комнате было светло — солнечный свет вливался в приоткрытое окошко. На тумбочке семейное фото, а на стене диплом, который ей вручили, как лучшему хирургу Элентропа. Мама лежала в постели, ее взгляд был устремлен в потолок. От ее былой красоты не осталось ничего, а когда-то за ней увивались толпы мужчин. Коснувшись ее прохладной руки, я почувствовала, как сдавливает сердце. Мне всегда было тяжело видеть маму беспомощной. Наверно, потому, что я помню ее другой.

Спохватившись, я подкатила кресло, помогла ей сесть в него и подключила синтезатор.

— Мне нужно поговорить с тобой. Это серьезно. Даже не спорь.

Она не любила, когда ею командовали, но в данном случае смирилась. Ее равнодушный взгляд на какое-то время зажегся интересом.

— Я разговаривала с доктором Мак-Ааротом по поводу твоего возвращения в Элентроп.

Палец моей матери ткнулся в экран, но она не спешила начинать беседу.

— Так вот, — продолжила я, чувствуя нарастающее волнение, — он предложил тебе работу на кафедре.

Гарверд глядела на меня, не моргая. Могу поклясться, этот взгляд не выражал ничего: ни радости, ни удивления, ни восторга.

— Мам, ты слышишь? Он предложил, потому что счел это честью. Тебя никто не забыл. О тебе все помнят и тебя ценят. Ты представить не можешь, как вчера на симпозиуме на меня смотрели только потому, что я твоя дочь. Да они бы удушились ради того, чтобы просто поговорить с тобой...

«Лимма...» — перебил меня электронный голос.

Теперь ее взгляд изменился, став насмешливым. В детстве, когда я притворялась птичкой и вставала на стул, мама смотрела на меня точно так же.

«...я знаю о письмах...»

У меня в груди замерло сердце.

«...мое время прошло. Я останусь здесь вместе с Дейной...»

Мой ошарашенный взгляд переместился на экран, чтобы убедиться, что мама не спутала клавиши.

— Но ты же... ты так хотела...

«Я знаю, что Дейна скрывала от меня. Но я не сержусь на нее. Время наших разногласий прошло. Я хочу умереть в Каптике, где умер мой отец. Хочу умереть на руках у матери, которая, несмотря ни на что, любит меня. Ее любовь эгоистичная, но кто из семьи Лессон не был эгоистом?»

— Мама, я... — кажется, мое сердце сжалось до размера ореха.

«Каждая из нас приняла свое решение. Я остаюсь, Лимма. Черед за тобой».

Она знала и про Вейсмунд. Конечно, это же Гарверд Лессон. Болезнь могла ослабить ее тело, но не разум.

— Я должна поехать, — запнулась, покусывая губы и не решаясь сказать следующее: — Я смогу изменить мир, смогу сделать так, чтобы люди никогда не болели и не умирали.

«Я в этом уверена, Лимма. И я горжусь тобой».

Обняв мать, я с трудом сдержала слезы.

Это был мой последний разговор с Гарверд, потому что на следующий день я действительно уехала в Вейсмунд. И, наверно, я потом жалела только об одном — что не сказала ей, как сильно ее люблю.

Перелет в Тардис занимал почти двое суток, и желающих провести в пути больше тридцати часов кряду в каптийском терминале я не заметила. Тардис был довольно холодной планетой, средняя температура там не поднималась выше пятнадцати градусов. Но между тем в Тардис стекались люди со всего Альянса — необжитая планета, залежи полезных ископаемых обеспечивали большую часть населения высокооплачиваемой работой. Вейсмунд был весьма адаптированным городом, в котором ничего не отличалось от миллиона городов галактической системы, за исключением наличия в нем крупнейшего технопарка и исследовательского центра биомедицины.

В порт меня привез доктор Баргер, до сих пор находящийся в состоянии легкого шока из-за решения сводного брата. Когда мы шли по широкому коридору мимо витражных окон, за которыми располагалась взлетная полоса, он спросил:

— Питт в курсе, что ты уезжаешь сегодня?

Наверно, он еще не понял, что от Сайверса я попросту сбегала. Сказать Питту в лицо, что я ничего к нему не чувствую, я не смогла бы даже под пытками. Рядом с ним, с этим смазливym красавчиком, моя страсть к науке имела пугающую тенденцию гаснуть.

— Надеюсь, он не узнает об этом.

— Боишься, что он пошлет своих драгоценных родителей к черту и примчится в Вейсмунд?

Краем глаза я покосилась на Баргера, который стал чересчур откровенен со мной. За последние два месяца никто так не вникал в перипетии моей жизни, как он.

— Не думаю, что он узнает, куда я уехала.

— От меня уж точно, — усмехнулся доктор, — его родители тоже будут скрывать эту тайну за семью печатями. Хотя я бы никогда не поверил, что Сайверс помчится в Тардис, если бы он не наставил мне фонарей. Хочешь — не хочешь, а задумаешься по поводу искренности его чувств.

— Вы иронизируете, — раскусила я Баргера, слабо улыбнувшись, — что ж, я это заслужила.

— Ты попрощалась с матерью?

Даже неловкие вопросы доктор задавал мне так, будто мы были знакомы тысячу лет.

— Это было не так сложно, как расстаться с бабушкой. Она далека от науки и считает нашу с матерью одержимость медициной блажью.

— Порой приходится мириться с непониманием, чтобы достичь успеха.

Я усмехнулась.

— Не пойму, вы действительно верите в это или же просто выполняете то, за что получите деньги от семьи Питта.

Баргер насмешливо взглянул на меня. Его ничуть не задел этот упрек.

— Неужели нельзя совместить одно с другим? Я искренне верю, что Такеру ты будешь полезна. И... мне нужны деньги. Кстати, об этом...

— Я купила билеты сама, — перебила его, зная, что он не упустит случая узнать, откуда у меня вдруг нашлись средства на такие покупки, — бабушка перевела мне часть денег с маминого счета. Она, конечно, до последнего отговаривала меня от поездки, но... она понимает, что в Вейсмунде мне будет нелегко освоиться.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя эгоистом, Лимма. Как-то ты сказала, что я должен целовать тебя в задницу, ибо ты мой счастливый билетик. Готов с этим согласиться.

— Это... — проговорила я, смущенно отводя взгляд, — я была зла.

— Буду тебе должен. Надеюсь, ты понимаешь, что можешь обратиться ко мне с любым вопросом по любому поводу и в любое время?

Говорил он это из вежливости или серьезно, я не знала. Мне было просто приятно обрести в его лице не только талантливую руководителя, но и друга.

— Ладно, Лимма, — вымолвил он, не спуская с моего лица пристального взгляда, — тебе пора.

— Да.

— Как доберешься, позвонишь мне?

— Мне бы не хотелось вас тревожить...

— Лимма, я ведь сам прошу об этом, — он вдруг приподнял мой подбородок, заглядывая в глаза, — если что-то случится, сообщи мне. У меня нет ни одного твоего контакта, а я бы не хотел потерять с тобой связь, понимаешь?

— Да, доктор.

— Ну хорошо, — некоторое время мы стояли друг напротив друга и молчали.

— Мне пора...

— Конечно, — вымолвил мужчина, медленно отстраняясь. — Не забудь позвонить.

— Так точно, — улыбнулась ему.

Баргер пошел прочь, а я почувствовала, как что-то кольнуло меня в сердце. Вместе с ним отдалялась часть моей жизни, какая-то существенная и важная.

Глава 12

В Каптике было лето, а в Вейсмунде стояла зима. Транспортник вез меня по центральной улице, которая была разукрашена яркими витринами, электронными табло и фонариками. В Вейсмунде все были повернуты на фонариках. Они встречались везде и даже отметились на городском гербе. Если Каптику можно было сравнить с тихим спальным районом где-нибудь на окраине, то Вейсмунд был эпицентром деловой жизни и сгустком развлечений. Несмотря на то что моя семья часто переезжала и мне посчастливилось увидеть много городов, я ни — когда не встречала города, похожего на Вейсмунд. Впрочем, я никогда не покидала родную планету.

На Тардисе все было таким же допотопным, как и там, откуда я прилетела: стационарные телефоны, в больницах оборудование старого образца, не автоматизированные двери. Технологии на далекие планеты Альянса внедрялись довольно медленно, чего не сказать о Земле, где все процессы были давно роботизированы.

Ситайки плохо приспосабливались к перемене климата и часовых поясов. В самый разгар дня я клевала носом только потому, что в Каптике было около полуночи. Холод я переносила с трудом, поэтому сейчас, сидя в отапливаемом транспортнике, не снимала перчаток и вязаной шапки.

Конечно, меня никто не встречал, поэтому Центр биомедицины мне предстояло найти самостоятельно. Впрочем, здесь каждый встречный знал, где он находится.

Я потратила больше двух часов, чтобы прибыть под своды этого воистину грандиозного строения. После многочасового перелета, уставшая, злая и раздраженная, я потащила ко входу. Словами не передать, как я была рада увидеть охранника, который сообщил мне, что доктор Такер, к сожалению, еще не приехал. Меня вежливо попросили подождать на улице, невзирая на мои заверения, что прибыла я на работу. Ага, ситайка... на работу к Такеру... Аха-ха. Эти мысли были красноречиво написаны на лице охранника, когда он ласково сопровождал меня к выходу.

Итак, я осталась ждать у основания одной из четырех колон, села на бетонную плиту, глядя на широкие ступени, ведущие к дворовой площадке.

Я прождала больше пяти часов и почувствовала себя полной идиоткой. За это время я, разумеется, предприняла еще несколько попыток штурма пункта охраны. И эти попытки не принесли никакого результата. Наконец, я решила, что приеду завтра, а пока озабочусь поиском ночлега.

Я поймала транспортник, уже трясаясь от холода и усталости. Когда загрузилась на заднее сиденье вместе с сумкой, водитель попросил закинуть ее в багажник, что я и проделала. Сказать по правде, я даже не смела возмутиться манерами водителя, ибо в Вейсмунде я была точно среди племени диких аборигенов. Мне казалось, что даже местный диалект я понимаю с трудом. Чего уж возмущаться из-за манер инопланетных таксистов?

Когда захлопнула багажник, транспортник пробуксовал в грязи и, оставив меня на дороге, умчал прочь. Вместе с моим багажом, чтоб его!

Теперь моя уверенность в собственном идиотизме только окрепла.

Еще никогда я не попадала в подобную ситуацию: я на чужой планете в незнакомом городе совершенно без денег и документов! Хорошо бы заблокировать счет, иначе суммы, переведенные мне Дейной, уйдут в карман к какому-то засранцу.

Ко всему прочему, мне негде было переночевать.

Темнота быстро окутывала город, зажегшийся миллионами огней и вывесок. Транспортники сновали туда-сюда, пока я брела в сторону полицейского участка (или, как здесь называли, пункта правопорядка), чтобы сообщить о краже. Мне предстояло провести там всю ночь, в одном из кабинетов, лежа на узком твердом диванчике. Мое заявление, разумеется, приняли, и даже напоили крепким кофе. Я прошла идентификацию, подтверждающую, что я действительно Лимма Лессон — полная неудачница из Каптики — и мне было обещано, что завтра меня отвезут в технопарк, где доктор Такер позаботится о моем дальнейшем размещении.

Представить страшно, как я выглядела наутро. Собрав волосы в хвост и поправив измявшуюся толстовку, я натянула куртку, шапку и перчатки. В таком виде меня привезли в лабораторию.

Конечно, я прибыла не к восьми, как полагалось всем добропорядочным работникам. На сей раз Такер был на месте, поэтому охранник, внимательно выслушав полицейских, разрешил мне пройти в кабинет доктора и тихонечко сесть в уголок, пока последнему сообщают о моем прибытии.

Я была так взволнована, что едва соображала. Впрочем, Такер не явился за мной, а передал через одного из лаборантов, чтобы я переодевалась и бегом летела к нему, потому что никто из его новичков не смеет приходить на работу позже его самого, даже если за завтраком у них трижды отказало сердце.

Мне выделили шкафчик, на который никто не удосужился повесить

табличку с моим именем, как было у других. Наверняка многие из вновь прибывших ломались еще на испытательном сроке, поэтому никто не утруждал себя подобной ерундой.

Когда я вошла в лабораторию, то обомлела. Меня вели мимо идеально чистых белых столов, стеллажей с инструментарием, биореакторов и инкубаторов, манипуляционных отсеков, пластиковых боксов и криокамер. И я была полностью обескуражена увиденным, вплоть до того, что вообще забыла, кто я и зачем приехала.

— Новенькая, живо сюда! — крикнул кто-то.

Всемогуший, я вздрогнула, увидев Кея Такера в белом халате с закатанными рукавами. Он никогда не застегивал халат, как выяснится позже. Он вообще довольно формально относился к дресс-коду.

— Прошу всех: внимание! Поприветствуйте нашего нового сотрудника, — вдруг крикнул Такер, призывая присутствующих оторваться от дел. — Гаред! — обратился он к одному из мужчин, толкая того в плечо: — Ты чего не кланяешься нашей новенькой? Это же Лимма Лессон. У нее высокий средний балл...

Гаред изобразил поклон, скрывая ироничную улыбку.

— ...Шейла, радуйся, у тебя теперь будет подружка, — бросил Такер смуглой черноволосой женщине, которая тихо фыркнула. — Это же огромная честь работать с ситайкой из Каптики. Ты слышала про ее средний балл? Мы все тут только и ждали ее явления, — доктор взглянул на часы, — кстати, госпожа Лессон опоздала на двадцать шесть часов. Наверно, в Каптике это принято.

Такер скрестил на груди руки, внимательно на меня глядя.

— Мы, конечно, почтем за честь работать с ней, кто бы сомневался, — иронично продолжал доктор. — Я ведь не забыл сказать про ее средний балл?

Раздалось хоровое: «Нет, доктор Такер».

— Так вот, первое время наша гениальная ситайка...

Я выругалась про себя и стиснула зубы.

— ...будет головной болью Велмана. Вел, ты слышал? Улыбнись, ты ведь должен быть просто на седьмом небе от счастья.

Высокий мужчина поднял вверх большой палец и усмехнулся.

— Новенькая? — теперь Такер обращался ко мне. — Ты уснула там? Я сказал тебе тащить сюда свою задницу. Я жду.

Ошарашенная, я медленно двинулась к нему. Наверно, в моем мозгу случилось настоящее замыкание.

Все смотрели на меня, даже лаборанты и студенты, проходящие здесь

практику.

— Первое твое задание, — сказал Такер, глядя в глаза прожигающим холодным взглядом, — принеси мне кофе. Двойной эспresso без сахара. Запомнила? Твоей квалификации достаточно, чтобы сделать все правильно, а? Возникнут трудности, обращайся к Гареду, он здесь уже полтора месяца и освоил кофеварку. Ты все поняла?

— Да.

— «Да, доктор Такер». Так следует обращаться ко мне. Это ты можешь зафиксировать в своей милой головке?

— Да, доктор Такер.

Было ощущение, будто на меня выливают помои, которые я вынуждена принимать, как манну небесную.

— Так почему ты еще здесь? — сдвинул он брови. — Давай живо. Двойной эспresso, не забыла? Сколько тебе надо повторить, новенькая, чтобы ты сделала все правильно?

— Один раз, доктор Такер.

— Тогда шевелись.

Господи боже, где в этом громадном помещении есть кофеварка?

Наверняка у меня было такое выражение лица, что человек по имени Гаред оторвался от микроскопа, махнув мне: «пошли». Я поплелась за ним, чувствуя, что меня пронзают заинтересованными и немного снисходительными взглядами.

— Не обращай внимания, — сказал Гаред, показывая попутно где у них что находится, — он так со всеми. Новичков он презирует. Женщин на дух не переносит еще с тех пор, как развелся. Удивляюсь, как здесь задержалась Шейла. Она толстокожая, как бегемот, и не реагирует на его колкости. До твоего появления готовить для этого изверга кофе было моей обязанностью, а еще я парковал его машину и пару раз он отправлял меня в химчистку.

В моей голове никак не хотела утвердиться мысль, что последующие пару месяцев я буду делать для Такера то же самое. Совершенно не так я себе представляла работу в Вейсмунде.

— Ты уже заметила, что все оборудование у нас новое. Такер входил в группу разработчиков нового биореактора, который нам поставили всего несколько месяцев назад. В центре шесть вивариев, постоянно пополняемый криобанк, новейшая система твердофазного массового секвенирования, автоматическая система капиллярного электрофореза, гибридизационная станция и еще куча всякого оборудования, от которого у меня лично снесло крышу. Когда я поступил на практику, я дневал и

ночевал в манипуляционной, пока все не изучил. Но самое главное чудо в боксе под номером восемь — это штуковина, у которой еще и названия нет. Такер работает над ней вне рамок программы, это лично его детище, к которому он никого не подпускает. Велман как-то обмолвился, что этот аппарат — гигантский прототип регенерирующей капсулы.

Гареду было около двадцати восьми. Кучерявый отличник с волосами цвета меди и редкими веснушками, который носил квадратные очки и был толстоват в талии. У него тоже были рекомендательные письма, несколько самостоятельных проектов, куча опубликованных статей и за плечами медицинский университет, законченный экстерном с отличием. Этот человек успел несколько лет отработать в Элен — тропе, где когда-то начинала моя мать, и заручиться поддержкой именитых профессоров в области медицины, которые и направили его в Вейсмунд.

— Скажу по секрету, — болтал он, когда я наливала кофе, — этот центр будто отстроен для Кея Такера. Руководителя проекта выбирали с большой тщательностью. Финансирование шло от ММА в области инновационных технологий, и были выдвинуты требования, которые вряд ли мог потянуть кто-то другой. Да и вся команда Такера — это настоящие гении, фонтанирующие идеями. Поэтому, как бы ни был суров доктор, главное для новичка — не сломаться.

...Двойной эспresso... с сахаром или без, черт бы его побрал?

С дымящимся кофе я направилась к доктору, чувствуя, что у меня подрагивают руки. С одной стороны, что может быть проще, чем налить ему кофе. С другой, я ощущала, будто все мои навыки улетучились, сводясь лишь к одному — быть девчонкой на побегушках.

Как назло, Такер что-то объяснял своим коллегам, когда я возникла у него за спиной, тактично покашливая. Когда отмахиваться от подобных покашливаний ему наскучило, он оборвал свою речь и обернулся.

— Что ты принесла мне, новенькая? — спросил строго, будто вместо кофе я подсовывала ему нечто отвратительное.

— Двойной эспresso без сахара, доктор Такер.

Мою ситуацию осложняло еще и то, что за спиной этого человека стояли мои будущие коллеги и с интересом наблюдали за происходящим.

— Я разве просил эспresso?

— Да, доктор Такер.

— Хочешь сказать, что я не помню, какой просил кофе?

— Нет, я...

— Ты вообще слушаешь, когда тебе говорят? Я просил черный без сахара. Просто черный кофе.

— Но, доктор Такер, я...

— Ты что, спорить со мной собралась, новенькая?

— Нет, но...

— Иди и принеси мне черный кофе. Чер-ный. Понятно? Может, тебе зависать на бумажке?

— Я... нет...

— Тогда почему ты еще здесь?

Он отвернулся, дожидаясь, когда я уйду.

Я стиснула зубы, потому что слезы были готовы брызнуть из глаз. Несмотря на уверения Гарета, что подобное поведение — явление временное, я не могла справиться с эмоциями.

— Так что там с моим кофе, Лессон? — послышался резкий вопрос доктора. — Ты еще не забыла, что нужно принести черный?

— Я ничего не забываю, доктор Такер.

— И даже свой чемодан в багажнике какого-то таксиста?

— Его украли...

— Это говорит в пользу твоих умственных способностей. В Вейсмунде нужно соображать быстрее, если хочешь чего-то добиться.

Я с силой укусила внутреннюю часть губы, чтобы не разреветься.

— Я вас поняла, доктор Такер. Простой черный без сахара.

— И на этот раз ничего не перепутай.

Заткнув гордость, я зашагала назад к кофеварке, чувствуя, как от неконтролируемой дрожи эспresso растекается по моему запястью.

Второй раз доктор попросту выхватил кофе у меня из руки, когда я только подошла, и жестом отослал куда подальше. Наверно, он вдоволь наигрался, либо был занят настолько, что совершенно забыл поиздеваться надо мной. До конца рабочего дня я просидела в углу, словно провинившийся ребенок, наблюдая за ходом работы и пытаюсь понять, над чем в данный момент работает команда Такера. Единственным утешением служило то, что Гарет время от времени одобрительно мне улыбался, искренне разделяя мое горе.

При центре было общежитие, в котором я должна была разместиться. Но помнил ли об этом Кей, вот вопрос.

Когда он был относительно свободен, я попробовала это выяснить.

— Доктор? — окликнула его, нерешительно приближаясь.

Он взглянул на меня, как на выскочившего на ночную дорогу оленя. То есть как на полную дуру. Наверно, мне стоит привыкнуть к подобному взгляду.

— Новенькая, чего тебе от меня еще нужно? Говори прямо, не на

исповеди, у меня нет времени.

Его тон, его голос, его взгляд — все уничтожало меня. Я была словно букашка, и меня сейчас медленно размазывали по полу.

— Мне нужна комната в общежитии...

— А раньше ты об этом подумать не могла? Сейчас конец рабочего дня.

Господи, неужели я должна была и об этом позаботиться? Я полагала, Такер уже распорядился относительно моего проживания. Я ведь приехала с его согласия, а не нагрянула, как снег на голову.

— Так что мне теперь делать, доктор Такер?

— Научись, наконец, думать. Я не собираюсь делать это за тебя.

Впервые я мирилась с оскорблениями с каменным лицом, сохраняя видимость спокойствия.

— Мне некуда пойти.

— Ты хочешь, чтобы я таскался ради тебя по центру в конце рабочего дня, когда я устал и хочу домой?

Я задумалась. Да, именно это мне и нужно.

— Если бы у меня не украли багаж... — заговорила я, видя, как внимательно глядит на меня мужчина. Он словно сканирует, до самых косточек.

— Если я тебе одолжу деньги на ночлег, ты от меня отстанешь?

— Мне хотелось бы получить комнату в общежитии. Я знаю, что приедем...

— Даже так? — перебил меня Такер. — Упрямая, значит. Да меня не колышет, в принципе, где ты будешь ночевать, и сейчас вопросами твоего размещения я заниматься не намерен.

Он уже было развернулся, но я выпалила:

— Давайте деньги! Я все верну.

Его позабавило, как быстро я сдала позиции.

— Предложение имело ограниченный срок действия, новенькая. Завтра настоятельно рекомендую не опаздывать, даже если ты будешь спать в ночлежке. Это ясно?

Он ждал моего покорного: «ясно». Как ловко он играл со мной, будь он неладен!

— Тебе все ясно, Лессон? — повторил Такер.

— Да.

— Вот и отлично.

Когда он покидал лабораторию, я поняла, что меня оставляют последние силы: и физические и душевные.

— Лимма, — раздалось за спиной в тот момент, когда я склонилась над столом в бессильном порыве отчаяния.

Шейла — единственная женщина в команде этого подонка.

— Поехали ко мне. Останешься на ночь, а завтра решим с общагой. А насчет дока не беспокойся, он ведет себя так со всеми. Его гений граничит с безумием.

Если бы не она, спать бы мне в раздевалке на жесткой лавке. Все-таки вокруг Такера были и нормальные люди, и это радовало.

Глава 13

Если я и сдавалась, то очень редко.

Я решила, что мне под силу почти невозможное — завоевать расположение моего нового руководителя, даже если он будет сопротивляться.

В тот самый день, когда Шейла пригласила меня на ночлег, я познакомилась с ее семьей. Жила она с матерью мужа, сварливой старухой, и дочерью. С мужем Шейла была в разводе. Видимо, работа на Такера не оставляла места для личной жизни.

Квартира у Шейлы была уютной и большой, заставленной мебелью модной в Вейсмунде марки. Но это была заслуга не Шейлы, а ее бывшей свекрови, которая обожала все неординарное.

Перед сном Шейла курила на балконе, облокотившись на перила локтем и глядя в сердцевину затухающего неба.

— Значит, ты из Кантики, подруга, — сказала она, поглядывая на меня. — Я слышала о твоей матери... кто же не слышал? Она у тебя — просто легенда.

Я поморщилась. Разумеется, так и есть, но мне всегда было неловко говорить о ней.

— С доком не торопи события, — бросила Шейла, одной рукой запахивая халат и упираясь ногой в кованые прутья перил, — он взвинченный в последнее время. Работает над проектом, который финансирует один из членов совета ММА. Этот проект детище Кея Такера.

— Это как-то связано с тем, что он говорил на симпозиуме? — я сидела в плетеном кресле, под пледом, покусывая губу от любопытства.

Шейла усмехнулась, взглянув на меня искоса.

— Он запрещает болтать об этом. Но суть эксперимента, конечно, в том, чтобы обеспечить людям долгую... бесконечно долгую жизнь.

— Он хочет клонировать человека.

— Кей был бы не Кей, если бы не хотел сделать это раньше других. И он уже подобрался совсем близко.

— Было бы интересно посмотреть на это, — вымолвила я, — но не уверена, что пройду испытательный срок.

— Такер очень требователен к людям, которые его окружают. Недостаточно одной лишь исполнительности, познаний в биомедицине и индекса Хирша выше тройки, он всегда ищет что-то еще.

Наверное, тому, чтобы понравиться доктору Такеру, я должна посвятить всю жизнь! Возможно, кому-то это кажется справедливым, но только не мне.

В половине восьмого я уже была в лаборатории. Во всеоружии. Мое настроение таково: «быть предельно вежливой, доброжелательной, тактичной и любезной». Такер не сможет не оценить моего старания.

Я встретила мужчину у кабинета, где намеренно поджидала его.

— Кофе, доктор Такер? — посмотрите-ка, я — сама услужливость.

До того момента, как я заговорила, этот человек вряд ли обратил бы на меня внимание. Он был слишком занят двадцать четыре часа в сутки, по большей части, собственными размышлениями. Однако моя инициатива не осталась незамеченной. Острый взгляд скользнул на мое лицо.

— Вижу, спала ты неплохо, — процедил он тихо, распахивая дверцу кабинета. — За мной.

Я вошла следом, наблюдая, как он снимает черное пальто и перчатки.

— Рад, что ты освоила кофеварку, — бросил небрежно и язвительно, — у Гарета на это ушло больше времени, — взглянул на меня еще раз, пытаясь понять, что я чувствую.

Напрасно, я всеми силами старалась ничем себя не выдать.

— Сядь.

Это прозвучало не как: «Присядь, пожалуйста, Лимма», а как чертова команда: «Сидеть!»

— Вчера я был слишком занят, чтобы поговорить с тобой.

Стул, на который я плюхнулась, стоял далеко от стола, и сидела я на нем неестественно прямо, как школьница.

— Не против, если я закурю? — о, мужчина не стал даже слушать моего тихого «конечно, нет», сев за стол и достав пачку сигарет.

Я готова даже глотать дым, потакая дурным привычкам Такера, лишь бы понравиться ему.

— Здесь сложно работать, новенькая, — проговорил он, — особенно если учесть мой характер и мою репутацию. Первое будет доставлять тебе неудобство постоянно, второе — время от времени.

— Хорошо.

— Я смотрю, ты готова на все, — усмехнулся он, — как и обещала. Но для начала запомни кое-что: я не даю шансов. Если ты здесь, это гребаное чудо для тебя, ясно? Есть определенные причины, побудившие меня передумать и взять тебя на работу. От новичков я обычно требую соблюдать определенные правила. Первое: слушать то, что я говорю и выполнять. Второе: засунуть свою исключительность себе в задницу. Третье: забыть о

том, что твой рабочий день нормированный. Четвертое: выражать мнение только тогда, когда я сам попрошу об этом. И пятое: ни с кем не болтать о работе. Если будет нарушено хоть одно из них, вылетишь отсюда к чертовой матери.

Сухо и предельно ясно.

— Я предпочитаю черный кофе, — продолжил мужчина, наслаждаясь сигаретой и не спуская с меня глаз, — он должен стоять на моем столе каждое утро. Всегда.

— Конечно, но... — запнулась.

— Что «но»?

— Я приехала сюда, чтобы заниматься наукой, а не готовить кофе.

— Сомневаюсь, что ты годишься на что-то большее.

Ух, какого терпения мне стоило сохранить выражение лица спокойным и не дрогнуть.

— Я рассчитываю, что смогу доказать вам обратное.

Такер усмехнулся.

— Можешь рассчитывать и дальше.

И снова я усмирила гордость, сжав челюсти до боли и быстро моргнув пару раз, чтобы вернуть самообладание.

— Буду предельно откровенен, — мой руководитель ни разу не изменил своему строгому, назидательному тону: — Настроен я скептически. Именно потому, что хорошо знаю ситаек. И их некоторые... особенности. Советую не усугублять, то есть никаких обтягивающих задницу штанишек и ярких блузок с глубоким декольте, из которого вываливаются сиськи. Никаких интрижек на работе с моими подчиненными, у которых от вида ситайской девочки может случиться эрекция. Я бы даже запретил тебе косметику, но смотрю, ты ей не пользуешься. Волосы только в пучок или хвост. Халат ниже колена.

— Ясно, доктор Такер.

— Срок твоей стажировки — три недели. За это время я рассчитываю узнать, чего ты стоишь. Если я буду разочарован, не надейся на рекомендательное письмо. Все свои новаторские разработки, исследования и предложения держи при себе и даже не смей думать, что меня заинтересует эта чушь...

Мои зрачки расширились, а рот приоткрылся, чтобы оправданно возмутиться.

— Что, Лессон? Не думала, что все окажется так? — издевательски бросил Такер. — Я устал от непризнанных гениев, которые заваливают меня своим бредом, и не думаю, что в двадцать лет ты стоишь на грани

прорыва в биомедицине.

— Но, доктор...

— Избавь меня от нытья, — отмахнулся он. — Если мне нечем будет заняться, я тебе сообщу. На данный момент мое время расписано по минутам.

Я не смогла удержать разочарованного вздоха. Мои плечи опустились, взгляд уперся в пол.

— Курировать тебя будет Велман. Ко мне попрошу никаких вопросов. Если я занят, я совершенно забываю о корректности. Ради нашего обоюдного спокойствия, не стоит утруждать меня своим постоянным присутствием. И поменьше всех этих женских штучек: истерик, флирта и тому подобное. Терпеть не могу этого.

— Я учту.

— Безмерно рад такому одолжению с твоей стороны. А теперь, раз мы поняли друг друга, принеси мне кофе. Черный. Без сахара.

У меня не было сил подняться со стула. Признаюсь, я была раздавлена. Три недели бесконечной варки кофе и услужливых: «да, доктор Такер» — разве этого я хотела, уезжая из Каптики?

Мужчина погасил окурок в пепельнице и уставился на меня.

— Лессон, ты уснула? — осведомился раздраженно.

Я вскинула голову, кусая губы в порыве страшного смутения. Если сейчас не скажу ему то, что должна сказать, то навеки останусь девчонкой на побегушках.

— Доктор Такер, я ни в коем случае не возражаю, просто у меня есть материал, который, может быть, вас заинтересует. Да, я понимаю, что вы сталкиваетесь с подобными просьбами по сто раз на дню, но я...

— Видимо, ты плохо слушала, — строго сказал мужчина, отставляя пепельницу, — то, что я говорю, не обсуждается.

— Даже если...

— Всегда. Мне стоит повторить это еще раз специально для тебя, Лессон?

Мое «быть предельно вежливой, доброжелательной, тактичной и любезной» дало солидную трещину.

— Но послушайте, я ведь не студентка и не...

— Второй день здесь, и уже пытаешься пустить коготки? Я же сказал: без истерик.

— Мои исследования...

— Катись с ними к дьяволу. Так понятно? — этому человеку было глубоко плевать на все мои стремления и мечты, он топтал их с

удовольствием. — Твоя работа сейчас заключается в том, чтобы я был доволен качеством кофе и тем выражением лица, с которым ты мне его приносишь. Это предельно ясно для ситайской девочки?

Пропади все пропадом! Я сорвалась.

— Неужели вся проблема в том, что я ситайка?

Глаза Такера расширились. Он прекрасно видел, как я млею и робею перед ним, и то, что я сейчас себе позволяла, его немного обескуражило.

— Нет, это еще не вся проблема, — проговорил он, снова препарируя меня взглядом. — Но, если меня просят об откровенности, я обычно не отказываю. Я почти уверен в том, что я зря трачу на тебя время. Будучи практикующим врачом, я отлично знаю особенности ситаек, и не стоит мне говорить, что мозги у них встают на место раньше тридцати. Пока ты будешь думать своей тесной вагиной, я не намерен решать проблемы, которые непременно создаст одно лишь твое пребывание здесь.

Мои щеки запылали от ярости и стыда.

Я даже не знала, стоит ли продолжать беседу. Был ли в этом хоть малейший смысл?

— Простите, доктор, но я вынуждена настоять на своем.

Рука Такера, лежащая на столе, непроизвольно сжалась в кулак. Мужчина некоторое время молчал, глядя на меня так, словно у меня на лбу проявлялась надпись: «сумасшедшая».

— Это на чем таком «своем»? — с затаенной яростью пробормотал он.

— Я хочу, чтобы вы ознакомились с моими исследованиями. Я приехала, чтобы показать вам их, и я уверена, они вас заинтересуют.

Он снова молчал. Казалось, мне удалось ошарашить его настолько, что он растерялся.

— Неожиданно, — вымолвил мужчина. — Я, конечно, могу прямо сейчас выставить тебя за дверь, но... Я, пожалуй, повременю с этой мерой. И возможно, у тебя будет шанс, если ты пройдешь испытательный срок... Если пройдешь.

Этот шанс был той панацеей, которая заставила меня просить.

— Избавь меня от выражения счастья на своем лице, — мрачно проговорил Такер, — потому что первая твоя ошибка станет твоим билетом до Каптики. Я глаз с тебя не спущу, Лессон.

— Как вам будет угодно, доктор Такер.

— А теперь я хочу выпить кофе.

— Черный без сахара. Сейчас будет сделано.

— Да уж, постарайся.

Я вылетела из кабинета, едва не сшибая Гареду, который отирался под

дверью, явно и нагло подслушивая.

Глава 14

Несколько дней после этого разговора я занималась только тем, что готовила кофе. Вернее, различные вариации этого кофе. В остальное время Такер просто не замечал меня.

Несколько раз я пыталась пошутить в его присутствии, улыбнуться или попросту сказать: «Как ваши дела?», что, несомненно, выходило мне боком. Когда я напоминала о себе, этот человек становился чересчур придиричивым и язвительным. Ему не нравилось решительно все во мне. Даже стоять рядом он считал ниже собственного достоинства.

«Новенькая, что у тебя вместо мозгов?», «Я сказал синюю папку, а не красную!», «Какого черта ты путаешься целый день под ногами?» — самые приличные из вопросов, которые он мог задать. Иногда он просто игнорировал меня, мог без обиняков процедить сквозь зубы: «Уйди, Лессон!» Зачастую он слал меня к черту одним лишь жестом.

Единственное, что утешало, — моя стажировка худо-бедно двигалась к завершению.

Доктор Баргер, которому я позвонила еще в первый день своего приезда, настоятельно рекомендовал искать к Такеру подход. Но это было сродни блужданию в лабиринте. Кей попросту не желал воспринимать меня всерьез. Иногда я ловила на себе его пристальный, сощуренный, неприязненный взгляд, которым он умел препарировать лучше, чем лазерным скальпелем. И в эти минуты мне казалось, что он читал мои мысли.

Я успела хорошо изучить его команду. Всего четыре человека, включая Гаредда и исключая меня и лаборантов. Четыре специалиста, которые понимали Такера с полуслова и с которыми он даже имел обыкновение советоваться. Подумать только, этот титан сходил со своего Олимпа, чтобы посоветоваться с простыми смертными!

Главным в его команде был Велман — человек, которому минуло сорок. Впрочем, ему могло быть и пятьдесят и даже пятьдесят пять. Он носил бороду, был лыс, и посему распознать его возраст было задачей не из легких. Это был именитый ученый, доктор наук и профессор фундаментальной медицины и биологии института Вейсмунда.

Вечно небритый и помятый человек, который иной раз засыпал в кресле с сигаретой в уголке губ, был Лойс. Его айкью зашкаливало, несмотря на то, что он всерьез верил, что сможет просчитать двенадцать

цифр в лотерее, которая проходила раз в неделю, и сорвать куш. Никогда бы не подумала, что он блестящий врач в области трансплантологии.

Окружавшие Такера люди были ему бесконечно преданы. Возможно, преданность и являлась главной целью столь тщательной и щепетильной политики отбора претендентов. Такеру был очень нужен биоинженер-техник, но, несмотря на то, что моя специальность полностью отвечала его требованиям, он не желал «принимать» меня. Напротив, чем дольше я оставалась в лаборатории, тем раздражительнее становился доктор.

Я не могла даже подумать, насколько изобретательным он окажется в своей маниакальной жажде от меня избавиться, пока однажды он не крикнул мне:

— А ну-ка, Лессон, иди сюда!

Позвал, как собаку, ей-богу.

— Распахни-ка халат, хочу на тебя посмотреть!

И это средь бела дня, когда вокруг кипит работа!

— Прощу прощения? — вежливо переспросила я, надеясь, что прозвучавший приказ — плод моего воображения. — Вы хотите...

— Хочу на тебя посмотреть. Есть возражения, новенькая? Распахни халат.

Я мельком оглянулась на присутствующих в боксе, ожидая увидеть улыбки, но все чертовски серьезны и заняты делом. Никто особо не обращал внимания на Такера, а уж тем более на меня. Мы стояли и смотрели друг на друга.

— Лессон, ты меня слышишь вообще? — нахмурился Кей. — Тебе что-то неясно?

Я до последнего старалась сохранить невозмутимость. Хотя какого черта?

— Это для тебя проблема, Лессон?

Грандиозная, если серьезно!

— От того, насколько усердно ты будешь выполнять мои требования, — разъяснил мне доктор, — будет зависеть твоя работа. Ты это понимаешь?

— Да, но некоторые ваши требования выходят за рамки.

— Здесь я определяю рамки, — сурово произнес он, — так что? Ты сделаешь то, что я сказал?

Извращенец и женоненавистник!

О, какими эпитетами я мысленно награждала его, пока расстегивала пуговицы. Пусть подавится!

Распахнув в стороны полы халата, я не сдерживала негодующего

сопения.

— Какой у тебя размер?

Вот чертов нахал!

Ему интересно, какой у меня размер бюста?

— Определите на глаз, — огрызнулась, уводя взгляд в сторону от его лица, — если это вам так нужно.

Такер некоторое время оценивал представившееся ему зрелище. Впрочем, я была рада, что на мне всего лишь узкие джинсы и футболка. Особо не полюбуйтесь.

— Я в этом не очень-то силен, Лессон.

— Второй... может, первый... — раздраженно произнесла я, и вдруг... доктор рассмеялся.

И что его так рассмешило, интересно?

О, моему унижению не было предела.

— Ну, раз второй, то иди на парковку, — вынув из кармана халата ключи от транспортника, он перебросил их мне, — подождешь меня в машине, понятно? Она черная. На брелке кнопочка, Лессон. Не потеряешься?

Я резко запахла халат, пребывая не то что в недоумении, а в невообразимом ужасе. Я определенно не была готова на подобные жертвы ради науки. Ключи в моем кулаке хранили тепло рук Такера... и я резко положила их на стол, чтобы не чувствовать этого.

— Я не уверена, что... — интересно, он уволит меня, если я откажусь?

— На парковке не так много машин. Даже твоих способностей хватит, чтобы найти нужную.

Честно сказать, я не знала, что возразить на это.

— Доктор Такер, — с трудом подбирала слова, — может быть, мы отложим это на другое время?

Кей смотрел на меня так, будто я разом растеряла все мозги. Он, кажется, даже злился.

— Послушай, Лессон, меня не интересуют твои отговорки. Одевайся и топай в машину, объясню все по дороге.

Я схватила ключи и уже спустя пару минут сидела в машине, судорожно придумывая план действий. Меня трясло от холода и волнения. Неужели я должна... я должна переспать с этим тираном?

Такер не заставил себя ждать. Сев за руль, бросил:

— Замерзла?

У меня зуб на зуб не попадал, но я отрицательно мотнула головой.

— Посмотри на заднее сиденье, — приказал мужчина.

Что-то круглое поролоновое и красное лежало там.

Я закусила губу и взмолилась. Будь Такер даже супергением, это не отрицает того, что он просто псих!

— Догадываешься, что это? — он улыбнулся, видя, что я беспомощно замотала головой. — Костюм. Сегодня ты его наденешь.

О нет. В этом я участвовать не собиралась.

— Он будет в самый раз для тебя.

— Меня сейчас стошнит... — Я начала резко дергать за ручку, чтобы выйти, но мужчина заблокировал дверь.

— Куда это ты собралась, Лессон?

Звонить в полицию! Звать на помощь!

Я еще несколько раз дернула ручку, а затем обернулась к Такеру и гневно бросила ему в лицо:

— Я не собираюсь заниматься с вами сексом в этом наряде!

Наверное, мужчина удивился... изумился... был просто ошарашен. Некоторое время он сохранял невозмутимый вид, однако я скоро поняла, что он едва сдерживается от смеха.

— Девочка моя, ты за кого меня принимаешь? — наконец, вымолвил он. — Я похож на того, кого заводят подобные игры с ситайкой в костюме яйцеклетки?

Я онемела, а он продолжил, уже не сдерживая хохота:

— У меня сегодня занятия с первокурсниками, и мне нужен ассистент. А костюм — это, знаешь ли, то, с чем даже такая одаренная девчонка, как ты, должна справиться.

Жаркая волна стыда прокатилась по моему телу. Я задрожала сильнее, взмолилась:

— Откройте, пожалуйста, дверь... мне кажется, я...

Раздался щелчок, и я буквально вывалилась из транспортника, метнулась к одной из бетонных колонн, поддерживающих свод потолка парковки, прижалась к ней щекой и ладонями. Я была унижена и раздавлена. Как я посмела подумать, что Такер мог заинтересоваться мной?

Это просто чудовищно!

Теперь мне будет не так просто завоевать его расположение. Да чего уж там! Смотреть ему в глаза мне откровенно стыдно.

— Лимма!

Я сжалась, стиснула зубы. Доктор требует моего внимания, а мне хочется провалиться сквозь землю.

— Лимма Лессон, если из-за тебя я опоздаю на лекцию... — Такер стремительно приближался. — Если ты сломалась, жду тебя с заявлением

по собственному.

Он уже стоял за моей спиной, когда я бросила: «Этому не бывать».

— Тогда давай забудем о том, что произошло. Садись в машину, здесь очень холодно.

Наверно, мне стоило быть благодарной этому извергу за то, что он не стал насмехаться, хотя в этот день ему выдалось очень много возможностей поизмываться надо мной. Во-первых, на протяжении всей его лекции мне пришлось красочно демонстрировать студентам процесс встречи яйцеклетки и сперматозоида при естественном пути зачатия, а затем и при клонировании, когда яйцеклетка лишается ядра и принимает клетку донора. Очень наглядно, разумеется. Надо мной ржали все, включая самого Такера.

Он заставил меня прошествовать в костюме по коридорам института и быть обсмеянной всеми встречными.

Уверена, он просто хотел показать, какое я ничтожество. А быть может, вынудить бежать в Каптику.

— У тебя просто талант, Лессон, — иронично заговорил он, когда мы ехали обратно в лабораторию. — У меня еще никогда не было таких харизматичных яйцеклеток.

Я нервно сдула со лба прядь волос, скосив глаза в его сторону.

— Рада, что вам понравилось.

— Если будешь так стараться и впредь, то я, возможно, доверю тебе забирать из химчистки мои рубашки.

— Кофе, рубашки и костюм яйцеклетки... да я просто мечтала об этом в Каптике, — зло проговорила я в сторону. — Какой процент стажеров, которые у вас остаются после подобного?

— Уточни это у Гарета. Он у нас занимается статистикой.

Пора бы мне сменить тему.

— Он сказал, у вас есть собственный проект.

Такер взглянул на меня недоверчиво.

— Лессон, из тебя, конечно, вышла неплохая ассистентка, но я не настроен говорить с тобой о вещах, о которых ты не имеешь никакого понятия.

Он решительно не воспринимал меня, как ученого. Наверно, я больше нравилась ему в роли посмешища. Ну, раз он устанавливает именно такие правила игры, я, как прилежная стажерка, их принимаю.

Глава 15

Неделя...

До окончания испытательного срока одна адски жаркая неделя.

Нилла периодически звонит мне, чтобы выслушать поток моей бессвязной истерики, вроде: «Я ненавижу его!», «У меня больше нет сил терпеть все это!» А еще она рассказывает мне о Каптике, о солнце и морском берегу, о легком теплом бризе... и о Питте. И мне дьявольски сложно удержаться от возвращения.

Все это время я старалась не думать о Сайверсе, но я думала. Вопреки здравому смыслу. Этот парень все еще будоражил мое сознание, хотя я твердо решила выкинуть его из головы. Одинокими вечерами, засыпая на узкой койке общежития, я убеждала себя, что произошедшее между нами — всего лишь увлечение.

Кроме того, поведение моего нового руководителя напрочь убивало во мне всякую романтику и как нельзя лучше настраивало на рабочий лад. Кей Такер стал для меня ночной страшилкой, монстром, лишенным души, сердца и сострадания.

Не пойму, что я сделала ему, чтобы заслужить такое пренебрежение?

Чем хладнокровнее я воспринимала все его выпады, тем свирепее он становился. Казалось, его бесит, что я не ною и терплю все его закидоны. Всеми силами он желал, чтобы я сгинула у какого-нибудь биореактора и больше не досаждала ему. Он обращался ко мне: «Иди сюда!», «Сядь!», «Отойди!», «Принеси!», и никогда по имени. Может, он забыл его? Иногда он так смотрел, что я готова была провалиться сквозь землю.

Всегда такой спокойный с другими, рядом со мной он терял человеческий облик. Но я — клянусь семейством Лессон! — стоически выносила все это.

Время играло против Такера. У него оставалось все меньше возможностей поймать меня на какой-нибудь ошибке или вынудить сбежать самой.

Впрочем, я скоро убедилась, что Такер умел использовать эти возможности с изощренностью маньяка.

— Ты! — так он приветствовал меня утром, когда я зашла к нему в кабинет с чашкой кофе. — Ты-то мне и нужна...

Ага, нужна! Смешно.

— ...у меня сегодня презентация перед членами совета ММА... Чего

стоишь, Лессон?

Я расторопно подошла к столу, аккуратно ставя перед Кеем чашку так, чтобы ему было удобно взять ее. Да, я заботилась даже об этом.

— Я вас поздравляю, доктор.

— К черту твои поздравления.

— Да, да... — бормотала я, складывая салфетки.

— Ты поедешь туда со мной.

Какого, собственно?

— Вы шутите, доктор Такер, — почти уверенно заявила я, — хотите взять меня на совет международной медицинской ассоциации? Так я и поверила...

— Мне нужен ассистент. Раз уж ты справились с ролью яйцеклетки, то со слайдами ты точно сможешь управиться. Или нажимать на кнопку слишком сложная задача для тебя?

— Вы серьезно?! — нет, только подумать — этот человек хочет взять туда именно меня! — Серьезно, доктор Такер?

— Что это у тебя с лицом, Лессон? — усмехнулся мужчина, поднимая взгляд. — Ты что, улыбаешься? Слишком восторженная физиономия отбивает у меня всякую охоту тебя видеть.

— Оу... — хоть убей, я не могла совладать с собственной радостью.

— Или мне взять Гарета? — изогнул бровь Такер.

— Не нужно. Скоро вы убедитесь, что никто лучше меня не нажимает на кнопку, доктор.

— Ты еще и шутить умеешь? — Кей отхлебнул кофе, придиричиво меня оглядывая. — Тебе вернули багаж и деньги?

Его взгляд был красноречив — я слишком уродлива в своих джинсах, чтобы сойти за ассистента такого великого гения, как он.

— Нет.

— Ты же не собираешься ехать со мной в этом? — приподнял он бровь в нескрываемом намерении меня уничтожить. — Нет-нет, Лимма, пожалуй, так не пойдет.

— Я... — воодушевление медленно уступало место разочарованию. — Я найду, что надеть.

— Да неужели?

Не удивлюсь, если Такер затеял все это специально, чтобы помахать перед моим носом прекрасной перспективой и безбожно отнять ее.

— Лессон, на тебя жалко смотреть.

Представьте, каково услышать такое юной женщине от красивого и успешного мужчины?

— Вам необязательно на меня смотреть, — резко ответила я, — а вашим инвесторам глубоко плевать, кто нажимает на кнопку, чтобы обеспечить им мелькание картинок ваших слайдов.

— Ты, знаешь ли, бросаешься в глаза.

— Странно, — со злостью выпалила я, — а судя по вашему поведению, я — пустое место.

— Наверно, мне все-таки стоит взять Гаредя, — самодовольно произнес Такер.

Не думаю, что в тот момент, когда раздались эти слова, я владела собой в полной мере. К сожалению, мою ситайскую натуру было сложно удержать от глупости. Я, чтобы не слукавить, совершенно специально смахнула со стола чашку, которая опрокинулась прямиком на брюки доктора.

— Очень извиняюсь, — в моих словах не было ни капли сожаления.

— Ты сделала это нарочно! — вскочил на ноги мужчина и принялся отряхиваться.

О да! Кофе был горячий. Знала бы я заранее, заварила бы крутым кипятком, а лучше — бурлящей магмой!

— Конечно, нет, доктор, — ележно отозвалась я. — Какая досада! Как же теперь быть?

Его взгляд — весьма злой и раздраженный — буравил мне переносицу.

— Как быть, — повторил он, — пойти туда без штанов я не могу.

— Было бы занятно полюбоваться, — огрызнулась я в сторону.

— Ты что-то сказала, Лессон?

— Я сказала, что вам придется остаться, — не могу скрыть улыбку.

И почему мне так приятно видеть, как он бесится? Месть — слаще любого вина, истинно так!

— Вот как? — Такер задумчиво обвел меня взглядом.

— Свои штаны я вам отдать не могу, — ляпнула я неуверенно, и в ответ получила змеиную ухмылку на мужских губах.

— Поступим так. — Такер присел на краешек стола, скрестив на груди руки: — У тебя два часа. Я одеваюсь только в одном месте...

И я догадываюсь в каком...

— ... я сказал что-то смешное? — нахмурился доктор, замечая, как подрагивают от смеха мои губы.

— Разумеется, нет. Я предельно серьезна.

— Отлично, Лессон, потому что у тебя только два часа, чтобы доехать туда, купить мне новые брюки и привезти обратно.

Я задумчиво почесала подбородок и не выдержала:

— Распахните-ка халат, доктор, я хочу на вас посмотреть. Какой, простите за любопытство, у вас размер? — и нагло уставилась в район его ширинки.

Сама не знаю, что заставило меня сказать это. Наверно, я устала от его вечных придирок, оттого, что он в упор меня не видит, даже когда я стараюсь. Разве я не заслужила малюсенькую месть?

Неожиданно Такер оторвался от стола — одним рывком. Никогда бы не подумала, что он умеет смотреть вот так: гипнотически, сосредоточенно, зло.

Он подошел ко мне так близко, что я испугалась, как бы он не применил ко мне силу и не выволок вон из кабинета. Я разом пожалела обо всем: о своей глупости и гадком языке, который болтал всякую ерунду.

— Размер, Лессон? — произнес мужчина, отчего-то медленно и тщательно рассматривая мое лицо. — Может, на глаз определишь? Или лучше на ощупь? — он взял мои руки, не столько резко, как неожиданно для меня, и положил на свои бедра. — Ну?

Я громко сглотнула и несколько секунд просто смотрела на своего руководителя. Я не отдернула рук сразу только потому, что была ошарашена.

— Вы... — это должен быть вопль возмущения, однако я не договорила.

Доктор приблизился — будто бы расстояние между нами еще позволяло сделать это!

— Тебе помочь, Лессон? — усмехнулся он, сжимая мои запястья сильнее.

Если бы я не очнулась и не вырвалась, рассеянно отступая назад, мои ладони, под руководством Такера, определенно прошли бы за его спину, по линии талии.

— Два часа... — заговорила я, пытаюсь сделать вид, что не произошло ничего страшного, — я... я думаю, что успею... Брюки, да? Отлично. Я пойду, верно?

— Стой, — и снова Такер притянул меня к себе за руку — безоговорочно и властно, вложил мне в ладонь кредитку.

— Да... да... я свободна, правильно? Я ухожу.

Мужчина глядел на меня, изогнув в полуулыбке губы. Не отвечал, а просто смотрел. И выносить этот взгляд мне стало вовсе невозможно, я буквально врезалась в дверь, открыла ее, юркнула на волю, чувствуя, что во рту сухо, а сердце нервно и часто бьется.

Что ж, Такер меня сделал в очередной раз. И чего я хотела? Он в

отличие от меня наточил свое мастерство многолетними издевательствами над стажерами. А ведь я так и не узнала размер его брюк!

Я быстро прошла к столу, села и осоловело уставилась в микроскоп.

— Лимма, — раздался надо мной насмешливый голос Велмана, — ты забыла сменить линзу и... образец не поставила. Что этот сноб опять от тебя хотел?

Господи, и почему мое унижение так прилюдно? Все прекрасно знают, как ведет себя со мной их любимый доктор.

Я подняла на Велмана виноватый взгляд, поняв по его добродушному лицу, что моя невнимательность его нисколько не огорчила.

— Эм... — откашлялась я, — вы, случайно, не знаете, какой у него, — и многозначительно кивнула в сторону кабинета Такера, — размер? Вернее, размер его одежды? — и что я несу! — Если конкретно, брюк. Да, размер его брюк.

Велман вскинул брови, и его улыбка стала еще шире.

— Что же он с тобой делает, — удивился он. — Сам на себя не похож последнее время. Зачем тебе размер его брюк?

— Я на него кофе вылила, — и, заметив догадку в глазах Велмана, добавила: — Случайно.

— Ага, — понимающе хмыкнул он. — Заслуженно. Знаешь, Лимма, он ведь не садист. Я бы даже сказал, что он неплохой парень. Требовательный, жесткий — да. Но он не дурак, он прекрасно понимает, что уровня твоей квалификации достаточно, чтобы выполнять эту работу.

— Хотите сказать, — произнесла я, — что он ведет себя так не со всеми новичками, а только со мной?

— К Гареду он тоже цеплялся, но не так.

— Потому что я женщина, — заключила я.

— Не думаю. Значит, в этот раз он велел купить ему брюки?

— Не только. Он хотел тонко намекнуть мне на то, что я отвратительно одеваюсь.

Велман тихо рассмеялся.

— Твой багаж еще не нашли?

— Нет, и это дало доктору Такеру повод в очередной раз надо мной посмеяться.

Мой собеседник задумчиво почесал бороду.

— Могу одолжить тебе кое-какие средства на обновления, Лимма. Хочешь?

Я отрицательно замотала головой. Влезать в долги ради тряпок — увольте.

— Брось, — произнес мужчина, видя, что я в замешательстве, — прикупишь и себе что-нибудь. Может, это и понравится Кею. Он любит упорных людей.

— Мое упорство ему поперек горла, — пробормотала я, а подумала, что Велман может быть прав.

В жизни своей я не делала большей глупости, чем потратиться на вещи, в которых я смогу понравиться мужчине. Особенно такому мужчине, как Такер. Но, наверно, холодный климат Вейсмунда чертовски располагал к различного рода глупостям. Именно поэтому спустя всего пару минут я ехала в транспортнике с деньгами, которые мне одолжил Велман. С довольно большой суммой, которую добрый доктор выдал мне со словами: «В Вейсмунде красивые вещи стоят дорого, Лимма. Не скупись на платья, договорились?»

Платья? Не думаю, что Такер хотел бы увидеть на мне именно платье. Я отлично помню его рекомендации относительно моего внешнего вида. Кроме того, в Вейсмунде слишком холодно.

Все эти разумные доводы, конечно, я позабыла, стоило войти в святая святых — дорогой бутик. Я — будь оно неладно! — отчего-то решила померить элегантное деловое платье. Оно было довольно скромно, учитывая все пожелания Такера — наглухо закрывало грудь, имея вырез «лодочка», и прятало колени, но имело столь заманчивый силуэт, который подчеркивал каждый изгиб моего тела, что не влюбиться в это платье было невозможно. Кроме того, мне импонировал цвет — глубокий темно-зеленый.

Я распустила волосы и подошла к зеркалу, представляя взгляд Кея Такера, когда он увидит меня в этом платье.

Выбрать для него брюки — та еще головоломка.

Я никогда не покупала мужских вещей. У меня не было отца, чтобы иметь в этом вопросе хоть минимальный опыт. Но, слава богу, был записанный на бумажке размер. Скрепя сердце, я купила дорожные черные брюки, замучив абсолютно всех консультантов. Купила для Такера! Уму непостижимо!

Итак, я уложилась в отведенные два часа.

Кажется, весь персонал лаборатории очень забавляло мое желание угодить руководству, и все с интересом гадали, что еще вычудит эта чокнутая новенькая, и оставит ли ее Кей после окончания испытательного срока.

Я вошла в кабинет Такера, предварительно постучав.

Мужчина просматривал почту, отвлекся, вскинул на меня глаза и

нахмурился. Наверно, мое платье, которое не скрывал халат, ему все же не понравилось.

— Лессон, — его голос пробирал до костей. — Я, кажется, достаточно подробно рассказал о принципах работы в моей команде, чтобы возвращаться к этому вопросу еще раз. Знаешь, что удерживает меня от твоего увольнения? Упрямство. Я дал тебе уникальную возможность, и сейчас мне нелегко признать, что все это было зря. Я решил, что вполне могу подождать три недели, чтобы произошло чудо, и ты меня удивила. Но! То, чем ты удивляешь, лишь подталкивает меня побыстрее с тобой расстаться.

Я ничего не могла возразить, вспыхнув от стыда.

— Надеюсь, это платье я больше не увижу, — продолжил доктор, наблюдая, как я покрываюсь красными пятнами.

Я вышла из кабинета вся пунцовая от стыда и обиды. Добраться бы до раздевалки и, наконец, переодеться! И сжечь это проклятое платье!

Как я могла возомнить, что в нем я понравлюсь Такеру? Волосы распустила. Полнейшая идиотка!

С этими мыслями я едва не влетела в раздевалку, как меня остановил громкий смех, который доносился с маленькой кухни, где работники лаборатории имели обыкновение собираться.

— ...давай, Велман! — сквозь хохот говорил Лойс. — Ты торчишь мне сотню. Я же сказал, Такер не возьмет с собой эту цыпу.

— Ну, вы и придурки, — раздался резкий голос Шейлы.

— Да ладно. Это же весело, — произнес Лойс. — Мы и на Гаредда ставили в свое время. Правда, у парня было изначально больше шансов остаться. Он же не молоденькая ситайка с обалденной попкой.

— Ты просто кретин, Лойс! — бросила Шейла. — Девчонка хоть и молодая, но не дура. Ты бы посмотрел на досуге ее анкету.

— Видел я ее анкету, — отмахнулся мужчина. — И что с того? Здесь каждый второй непризнанный гений. Мы все работаем на Такера и делаем ровно то, что он хочет. Собственные амбиции давно пошли побоку.

— Держи свою сотню и заткнись уже, — сказал Велман. — Девчонка действительно с мозгами. Но готов признать, что Такер с ней слишком суров и вряд ли ее оставит.

— О, готов поставить все, что имею, что нет.

— Азарт не доведет тебя до добра, — вставила Шейла.

— Адресуй это Велу, — парировал Лойс, — он ссудил нашей ситайке половину своей зарплаты, чтобы она принарядилась, и он выиграл спор.

— Я сделал это не из-за сотни, — заявил тот, — девчонка заслуживает

шанс.

— На нее не стоит тратить время, — произнес Лойс. — Мне тоже жаль, но мир науки таков. Через пару недель ее здесь уже не будет, и мы дружно о ней забудем. Разве она единственная, кто не задержался здесь дольше месяца?

Я стояла за дверью, чувствуя, что меня разрывают эмоции. Самой сильной из которых было разочарование.

Глава 16

Кому-то крупно повезло, ведь Такер еще и практикующий хирург. Хотя о везении здесь речи не шло. Серьезная авария, о которой говорили по телевизору все утро, — это и было главной причиной отсутствия доктора. Он уехал ночью в окружную больницу, а в обед меня пригласили к телефону.

Когда я поднесла трубку к уху, меня прошиб озноб.

— Лессон? Какого дьявола ты так долго? Слушай меня внимательно. Вни-ма-те-ль-но...

— Да, доктор Такер.

Он решил издеваться надо мной даже на расстоянии.

— Мне кое-что нужно от тебя...

Не поверю никогда!

— Пфф, — несдержанно фыркнула я, — вы точно говорите это мне, доктор? Той самой Лимме Лессон?

— Не ерничай, — приказал он, — сейчас же поедешь по адресу, который я назову. Там встретишь человека... запомнишь его имя? Ты слушаешь там вообще?

— Внимательно, — раздраженно пробубнила я, — как вы и просили. Хотите, чтобы я записала?

— Разумеется, я хочу, чтобы ты записала.

— Ждите, я возьму ручку, — прикрыв ладонью трубку, я крикнула Гареду, чтобы он принес желаемое, — чертов узурпатор хочет, чтобы я записывала каждое его слово, — прошептала я раздраженно Гареду, когда он возник передо мной, сияя улыбкой.

— Я все слышу, Лессон, — раздалось из динамика.

Вот черт!

Я закатали глаза, вновь прижимая телефон к уху.

— Прошу прощения, это я не о вас, — ложь, в которую он вряд ли поверит. — Диктуйте.

Покорно записав адрес и имя незнакомца, я поинтересовалась:

— Дальнейшие инструкции будут?

— Да.

— Слушаю.

Такер некоторое время молчал, раздумывая, как оценить эту язвительную покорность.

— Ты меня радуешь, Лессон.

— Да, — протянула я, — всегда готова вас радовать, доктор. Так что мне делать дальше с этим человеком?

— Он ждет представителя окружной больницы и даже не догадывается, что увидит маленькую ситайку.

— Вы, конечно, не могли не упомянуть о моем возрасте и расовой принадлежности, — обронила я.

— Ну, Лессон, ведь именно это и заставляет меня обратиться именно к тебе. Во-первых, потому что ты должна уговорить этого человека поехать с тобой, во-вторых, он не будет ждать от тебя никакого подвоха.

Слова Такера заставили меня нахмуриться.

— Во что вы решили меня втянуть, доктор?

— Я даже разрешаю тебе надеть то самое платье, которое обтягивает твою задницу, — игнорируя мой вопрос, продолжил мужчина.

— Без вашего разрешения я бы не осмелилась, — сжав челюсти, ехидно произнесла я.

— На все у тебя не больше часа, договорились?

— А если я опоздаю? — возмутилась я. — Я не знаю города.

— Если опоздаешь, будет плохо. Без шуток, Лессон, на кону жизнь девятилетнего мальчика. Ты должна привезти его папашу, который наотрез отказывается быть его донором и хочет подписать бумаги на отказ. Ты должна сделать так, чтобы этот ублюдок доехал до окружной больницы.

— Ради ребенка, которому нужна пересадка?

— Да.

— Разве для отказа его хм... папаше нужно подписать документы?

— Конечно нет, — отозвался Такер, — это лишь повод, чтобы привести этого кретина ко мне. Теперь понятно?

— Но...

— Соври ему, что не взяла бумаги... забыла... хлопай своими красивыми глазками. А здесь я его встречу.

— Я должна изображать полную дуру?

— Да.

— Потому что я ситайка?

— Ага. Здорово я придумал, правда?

— Я могу взять с собой кого-нибудь?

— Нет, Лессон. Этот сукин сын очень пуглив и боится любого давления. Возьми ключи от моей машины у Велмана.

— Я должна сесть за руль?! — перебила доктора.

— А у тебя нет прав?

— Есть, но... за рулем транспортника я не сидела ни разу с тех пор, как мне их вручили.

— Будь хорошей девочкой и не поцарапай машину.

Я стиснула челюсти и произнесла:

— Я выезжаю.

Гаред, который стоял рядом, облакачиваясь локтем о стену, удивленно вскинул брови:

— Что-то срочное?

— Да, мне нужно вот по этому адресу, — и я протянула ему бумагу, — и у меня очень мало времени.

— Это недалеко.

— А еще мне нужно на воздух, — конечно, нужно, иначе от волнения я грохнусь в обморок.

Смешно сказать, сколько нашлось сочувствующих мне.

— Ты уверена, что не хочешь, чтобы тебя отвез Гаред? — спросил Велман, протягивая мне ключи.

— Да. И... спасибо.

— Это тачка Такера, — спокойно сообщил Лойс, слушающий наш разговор. — В столб не врежешься, Лимма?

Я проигнорировала эту реплику, перекидывая лямку сумки через плечо и надевая шапку.

— У машины плавный ход, — участливо произнес Велман, — не гони, ладно?

Я улыбнулась ему, понимая, что боится он не за автомобиль.

Конечно, сесть за руль было делом непростым. С меня семь потов сошло прежде, чем я доехала до нужного адреса. Одно дело убиться самой, влетев в какой-нибудь сугроб, другое — стать причиной массовой аварии. Кроме того, я сидела за рулем дорогой машины Такера — этого пижонистого гения — который уничтожит меня за малейшую царапину.

Сопроводить до больницы мне нужно было человека по имени Фран Хорт — человека с небритым отечным лицом и сигаретой в уголке обветренных губ. Он стоял на крыльце дома, накинув короткую куртку со следами темных пятен, спрятав одну руку в карман потрепанных джинсов.

— Фран Хорт? — крикнула я, опустив стекло.

Холодный ветер, бушевавший в этот день, заглушал звук моего голоса. Я поманила мужчину рукой. Он неохотно подошел к машине, хмуро и недоверчиво покосился на меня.

— Из больницы? — спросил хрипло. — Мне сказали, что приедет врач с отказными бумагами... Я уже сказал...

— Садитесь, — я распахнула дверцу, — нам надо поговорить, а сейчас жутко холодно.

Мужчина был напряжен. Ему не хотелось общаться со мной. Все, что его интересовало, — бумаги. Впрочем, он не мог знать, что никаких документов ему на самом-то деле подписывать не нужно.

— Я позабыла бумаги в больнице, — сообщила господину Хорту, — со мной такое случается, сами понимаете...

Конечно, он понимает, я же ситайка.

— ...придется нам проехать туда. Это не займет много времени.

— Слушайте, — отрезал мужчина, — мы с Лейми расстались очень давно, и этот ребенок... я его и не видел-то никогда. То, что у них происходит, это не мои проблемы. Я уже сто раз это говорил. Я не собираюсь никуда ехать.

Похоже, мне нужно менять тактику.

— Вы, конечно, не обязаны, — доброжелательно отозвалась я, — а вот мне точно влетит от начальства. Я вроде должна была помнить, но знаете, как бывает... И это уже не в первый раз. Меня точно уволят. Господи, и не знаю, что теперь делать, — я сокрушенно ударила по рулю. — Может быть, вы все-таки поможете мне, а? Тут всего несколько кварталов? Я принесу бумаги прямо в машину, и мы все подпишем? А затем я отвезу вас обратно? Как вам такой вариант?

— Я же уже сказал, — упрямо заговорил Хорт.

— Мне нужно сохранить работу...

— Это не мои проблемы.

— Я могла бы вам заплатить.

Глаза этого мерзавца заинтересованно сверкнули. Он окинул меня долгим изучающим взглядом.

— Заплатить? — переспросил задумчиво. — Эта работа того стоит?

— Меня в больницу устроил отец, — елеинным голосом заговорила я, — а он у меня такой замечательный. Я бы не хотела его расстроить.

— Отец? — усмехнулся Хорт, настроение которого резко изменилось. — Понимаю. Но меня не очень-то интересуют деньги, может... — он демонстративно кивнул на мои колени, — предложишь что-то другое. Говорят, между ног у ситаек настоящий рай.

Меня передернуло, но я сумела сохранить на лице беззаботное выражение.

— Ага, — лишь вымолвила тихо. — Но даже ради работы я...

— Тогда, может, минет?

И о чем только думает этот недоносок, когда умирает его сын?

Я сделала вид, что задумалась.

— Но только после того, как подпишешь бумаги.

— Договорились. И... сотню. Мне на сигареты. После отличного минета я люблю покурить.

Чтоб тебе подавиться!

Я кивнула, нажимая на газ.

Каково же было мое удивление, когда Хорт принялся болтать — рассказывать о себе, жаловаться, как потрепала его жизнь, и сдабривать свой рассказ похабными шуточками, от которых мне хотелось вывернуться наизнанку.

К больнице мы подъехали как раз вовремя — я уже не могла сдерживать желание прикончить его на месте.

— Я вынесу документы, — сказала я, выходя из машины.

Хорт закинул руки за голову, разваливаясь в кресле, и предвкушая, вероятно, приятное окончание этой поездки.

Искать Такера не пришлось. Он ждал в холле и, увидев меня, сразу нахмурился.

— Не получилось? — спросил, когда я подлетела к нему злая и раздраженная.

— Отчего же? Ваш Фран Хорт сидит в машине на парковке.

Почему-то мне показалось, что Такер удивился. Он и не надеялся на то, что я уговорю этот бесчувственный кусок дерьма приехать сюда.

— Отлично, Лессон. Пошли.

Выглядел доктор, как истинный вершитель судеб — сосредоточенный, решительный, строгий.

Я рассчитывала на диалог, коим пользуются все цивилизованные люди, чтобы прийти к компромиссу. Каково же было мое удивление, когда Такер безмолвно схватил Хорта за шиворот и ударил под ребра, да так, что несчастный подавился воздухом. Я онемела, а доктор толкнул согнувшегося мужчину к стене.

— Рад, что вы все-таки приехали, господин Хорт, — вымолвил Такер, едва сдерживая гнев. — И весьма вовремя, — его предплечье вдавилось в шею Франа, и последний едва мог сделать вдох. — Я хотел с вами поговорить. Не возражаете?

Тот, разумеется, не возражал.

— Начнем, пожалуй, с экскурсии.

Такер потащил Хорта ко входу за ворот куртки, совсем как нашкодившего котенка. Конечно, последний попытался вывернуться, за что получил еще один удар.

Очень быстро мы дошли до палаты, и доктор, ухватив Франа за волосы на затылке, прижал его лицо к стеклу, злобно зашептал:

— Смотри. Это твой сын. Видишь все эти проводки, датчики и трубки, опутавшие его? Видишь, сукин сын? Твой сын умирает. Медленно и тяжело. Ему постоянно больно. И только ты, чертова мразь, можешь ему помочь.

Признаюсь, я была ошарашена. Я тоже глядела на мальчика, лежащего на кушетке. И это было страшно. Это не вызвало во мне жалость, как можно было подумать, это вызвало холодящий кровь ужас. Вид этого мальчика был страшен, потому что я чувствовала зловонную, тяжелую смерть, нависшую над ним.

— Для тебя эта процедура не опасна, но она спасет ему жизнь, — шептал Такер. — Но ты не можешь сделать ему такое одолжение, верно? Тебе плевать. Ты просто забудешь об этом, когда вернешься домой.

— Мне сказали, что донором может быть кто-то другой...

Этот ответ едва не стоил Хорту очередного удара.

— Это сведет его шансы к минимуму. Но ведь и это тебя мало волнует? Ты посмотри на него хорошенько. А когда будешь сидеть за теликом или тискать баб в каком-нибудь пабе, помни, что бросил своего сына умирать. Знай это каждую секунду своей гребаной жизни.

Наконец, руки Такера разжались, и Фран, весьма потрепанный, будто вывалился из тисков. Он отшатнулся, поправляя куртку и приглаживая растрепанные волосы.

— Да я даже не знаю его. Я его видел-то пару раз. Я сдал все ваши анализы, и на этом все.

— Проваливай, — рявкнул доктор.

— Да что вы от меня хотите? Я должен рисковать из-за него своей жизнью? Пусть его мать-потаскуха... — горе-отец отмахнулся.

Я смотрела ему вслед, когда он быстрым шагом шел к выходу, а затем взглянула на неподвижного Такера, лицо которого стало равнодушно-холодным.

— Теперь у мальчика нет шанса?

— Есть, — отозвался Такер, — мы уже нашли донора.

— Тогда зачем...

— Зачем-зачем, — передразнивая меня, проговорил доктор, — все дело в совместимости. С отцом меньше вероятность, что иммунная система начнет атаковать собственные клетки. Кроме того, я подстраховался. На самом деле думал, что ты облажаешься.

— Вот как. И почему?

— У тебя руки растут из одного места, Лессон. Сказать какого? — усмехнулся Такер.

— В этот раз вам не удалось поиздеваться надо мной? — спросила я напрямую.

— У меня еще будет много времени, чтобы наверстать упущенное. Ведь осталась еще неделя.

Я содрогнулась. Шутит он или всерьез?

— И что мне делать теперь? — осведомилась, скрещивая на груди руки.

Такер усмехнулся.

— Для начала подождешь. У меня сейчас операция, а потом еще две.

— И, само собой, я не могу отказаться?

— Конечно нет.

Теперь наше противостояние стало открытым.

Глава 17

Я чувствовала себя дрессированной собачонкой, держа в руках пальто доктора Такера. Он всучил мне пальто, когда его самого позвали на внеочередной консилиум, поймав почти у лифта.

Этот день обещал быть долгим и дьявольски сложным.

Больничные декорации, запах стерильной марли, тихий говор медсестер — все это отзывалось странной тревогой в сердце. Время от времени по громкой связи вызывали из ординаторской какого-нибудь доктора, а в коридор выкатывали каталку. Слышался вой сирен «Скорой помощи». Если не иметь призвания к медицине, здесь можно просто свихнуться.

Было около часу ночи, когда я облокотилась о стену приемных покоев, сползла вниз на корточки и запустила пальцы в челку.

Неожиданно надо мной раздалось:

— Ты что-нибудь ела за целый день, Лессон?

Я вскинула голову.

Врать не было смысла, мой желудок предательски урчал.

Такер протянул мне пластиковый стаканчик кофе и шоколадку, которые купил в автомате.

И знаете что: я ровным счетом не понимала, как реагировать на это. Взяла и то и другое, пролепетав смущенно:

— Я верну вам деньги.

— Вычту с твоей первой зарплаты, — усмехнулся мужчина. — Пошли, я отвезу тебя домой.

Сначала кофе, а теперь еще и это.

— Два добрых дела за один день? Неужели я начинаю вам нравиться?

Его взгляд, которым он смотрел проницательно и снисходительно, вдруг начал меняться. Возможно, это хорошо, а быть может, это предвестник больших проблем.

— Не смотри на меня так, Лессон, — произнес он, — иначе оставлю здесь.

— Кто же будет вашей девчонкой на побегушках? — ума не приложу, как я решилась говорить с этим человеком вот так — без обиняков, будто мы сто лет знаем друг друга.

— Моей девчонкой? — повторил мужчина. — Да кто угодно справится с этим лучше тебя.

— Нет, — усмехнулась, поднимаясь на ноги. — Я же, без преувеличения, вкладываю душу.

— Лучше бы ты вкладывала мозги, — парировал Такер. — Хотя, готов признать, мозги тебе не особо нужны для приготовления кофе.

— Я умею не только кофе варить. И вы бы знали об этом, если бы дали мне хотя бы малюсенький шанс.

— Ты слишком много болтаешь не по делу, — бросил он. — Десять минут жду на парковке, потом уезжаю, ясно?

— Само собой.

Было бы разумнее взять такси. Видит Бог, я слишком сильно боялась оказаться с Такером в замкнутом пространстве. Что мы будем делать полчаса, сидя в машине? Разговаривать? О том, что из меня никогда не выйдет ученого, достойного его команды?

Когда я села в транспортник, насквозь прокуренный — неужели доктор скурил всю пачку? — мужчина произнес сурово:

— Пятнадцать минут. Ты опоздала.

Чертов садист.

Даже компания Лойса, который меня недолюбливал, была бы сейчас не такой уж плохой.

— Но вы же не уехали.

— А надо было, — пробурчал Такер.

Думаю, мое общество не доставляло ему никакого удовольствия. Его взгляд постоянно фокусировался на моем лице. Снова и снова. Будто не было ничего интереснее любования мной. Все сильнее мне хотелось сказать: «Смотрите на дорогу, доктор Такер».

— Как тебе Вейсмунд? — вдруг спросил он.

Наверняка гнетущая тишина давила не только на меня.

— Холодно. Но я почти привыкла.

Мой спутник удовлетворился этим ответом, поэтому между нами снова повисло молчание.

— В Каптике сейчас жарко, — вдруг произнесла я, ибо меня терзала необходимость разрушить это безмолвие. — Мы переехали в Каптику из-за мамы. Сейчас ее состояние стабильно.

Не знаю, зачем рассказываю все это самому бесчувственному человеку на свете.

— Мне пришлось ее оставить... и мою бабу, Дейну Морис. Она считает всех ученых шизанутыми, а медиков и вовсе презирает. Для нее обратиться к врачу, как яд глотнуть.

Такер продолжал молчать, потеряв всякий интерес к тому, что я

говорю. Лишь его взгляд вновь блуждал по мне.

— Я думала, что в Вейсмунде смогу повысить квалификацию и многому у вас научиться.

Если и взывать к совести Такера, то сейчас самое лучшее время.

— Для меня это много значит. Я мечтала работать с вами...

И даже это признание никак не повлияло на мужчину.

— Мне очень хочется стать частью вашей команды. Я уверена, что принесу пользу. Если бы вы только посмотрели результаты моих исследований. Я все привезла. Все, над чем работала пять лет.

Это не заставило Такера разомкнуть уста.

— Вы хоть что-нибудь ответите мне?

Снова никакой реакции. Хотя нет — Кей равнодушно закуривает, приоткрыв окошко.

— Я ведь делаю все, что вы просите, — раздраженно сказала я. — Мне стоило немалых трудов, чтобы привезти Хорта. А вы даже спасибо мне не сказали.

Доктор водит прекрасно — я рассматриваю его пальцы, лежащие на руле. Все движения у него выдержанные и обдуманные. Но между тем его что-то беспокоит. Я точно знаю, что мое присутствие, звук моего голоса и даже мой запах нервируют его. Единственное, чего я никак не пойму — почему?

Грех не взорваться от ярости.

— По-вашему, я пустое место? — произнесла я с затаенной обидой.

— Лессон, угомонись, — был мне ответ.

— Нет уж, извольте выслушать! Я вам тут душу изливаю, а вам плевать. Я хочу знать, какие у вас ко мне претензии. Это ведь справедливо? Что я делаю не так?

— Лессон, у меня где-то заготовлен список, честное слово. Я зачту тебе его, как только найду. А сейчас помолчи, ради бога. Я чертовски устал.

— Просто скажите, что еще мне сделать, чтобы вам понравиться?

И снова этот изменившийся взгляд. Было в нем что-то сильное, волевое, едва сдерживаемое. То, что этот мужчина не хотел бы показывать.

— Ты и так мне нравишься. Довольна?

— Ложь. Вы меня на дух не переносите. А ведь я делаю все, что вы просите.

— Не все, — бросил Такер, — я просил тебя заткнуться, а ты все еще болтаешь.

Боже Всемогуций, я этого не выдержу.

— ...теперь я понимаю, почему вы в разводе, — процедила я сквозь

зубы... кажется, вслух.

— Вот как? — моя несдержанность Такера лишь развеселила. — Может, тебе заняться психоанализом, Лессон? Зачем же растрачивать себя в моей лаборатории?

— Вы знаете зачем. Я вам уже говорила!

— А ты упертая. И ты переоцениваешь себя, как и все наивные девочки.

Меня сжигала ярость, но я старалась быть спокойной хотя бы внешне.

— Переоцениваю? — возмутилась я. — Мои профессиональные навыки...

— Я тебя умоляю, — усмехнулся мужчина, — не начинай опять. Твои профессиональные навыки не волнуют никого, кроме тебя. Или ты считаешь себя великим ученым, вроде своей матери?

Ох! Это был удар под дых.

Я не знала, что ответить.

Гарверд Лессон творила чудеса в прямом смысле. Ее руки исцеляли даже смертельно больных.

Я закусила губу.

— Я задел тебя за живое, Лессон? — удивился Такер. — Только не говори, что ты делаешь все это из-за ревности к ее успеху.

— Вам не понять... — бросила я резко.

— Каково это быть дочерью выдающегося человека? — хмыкнул он. — Конечно, нет.

— Моя мать больна, — сквозь зубы проговорила я. — И она хочет верить, что ее дочь может чего-то добиться. Она единственная, кто верит в меня. И я не могу ее подвести.

На долю секунды я предположила, что мужчина все-таки сможет меня понять. На долю секунды, ибо следующее, что я услышала, подтвердило обратное:

— Эта жалостливая история должна меня растрогать?

Мне впервые захотелось ударить Такера. До этого момента я едва ли предполагала, что моя рука способна подняться на святыню.

— Знаете, я считала вас другим! — выпалила в сердцах.

— Каким?

Я пару секунд боролась с яростью, но уступила:

— Не таким козлом.

— В самом деле? — уголок мужских губ изогнулся.

— Я читала все ваши статьи. Да чего уж там! У меня есть ваша книга с автографом. Первым делом, вернувшись в Каптику, сожгу все это!

— Значит, ты все-таки вернешься в Каптику? Рад, что ты приняла это решение.

— Я считала вас чуть ли не богом, а вы всего лишь... просто самовлюбленный кретин!

— Я люблю откровенных девушек, но не пора ли нам вспомнить о рамках дозволенного, Лессон?

— Меня зовут Лимма, — огрызнулась я. — Вы хоть помните мое имя?

— Его хрен забудешь.

— Считаете, что вам все позволено?

— А ты считаешь, что нет?

Я отвернулась к окну, пытаясь хоть как-то прийти в себя.

И как только наш разговор превратился в склоку?

Мы снова ехали молча. К счастью, за домами уже показались шпили университета, на территории которого и находились наш Центр и общежитие.

Такер подвез меня к самому входу, но прежде чем я вышла из машины, спросил:

— Мне все-таки интересно, Лессон, как ты уговорила Хорта приехать?

Я была настолько раздражена, что сказала сущую правду:

— Обещала сделать ему минет.

Мужчина не успел даже удивиться — я хлопнула дверью, натянула шапку и пошла к общежитию.

Мое сознание сейчас, как мусорная корзина.

Мне снилось, как мы с Питтом лежим на берегу моря и целуемся. Его руки такие же требовательные, как и в прошлый раз. Впрочем, в какой-то момент они становятся по-настоящему грубыми. Питт срывает с меня топ и лифчик и мнет грудь. Его рот беспощадно терзает мои губы. И это пугает. Я отстраняюсь, но Питт уже заведен — он прижимает меня, впечатывает своим весом в мелкую колючую гальку пляжа, исступленно целует. Мои запястья словно в тисках, я ощущаю тяжесть мужского тела. Пытаюсь вырваться, но Питт будто не замечает. Его прикосновения причиняют боль, я кричу, бьюсь. Мужчина отклоняется, и я вижу... доктора Такера. Он смотрит на меня, как на добычу, его губы искривляются в усмешку... И я просыпаюсь.

Как ученый я неплохо знакома с физиологией, и, как ни стыдно признавать, этот сон сработал лучше любого афродизиака. В некоторых вещах Такер был прав — до тридцати ситайцы были словно подростки с бушующими гормонами. Представьте, что ваш пубертатный период

затянулся на несколько лет? Каково это?

Иногда начинаешь ненавидеть людей, которых когда-то боготворила.

Когда я готовила доктору кофе, мне захотелось в него плюнуть. Из вредности. И мести, пожалуй.

— Все в порядке, Лимма? — Шейла, думаю, меня жалела.

Очередной день в лаборатории. Беспольный, бестолковый день! Я как всегда занята тем же, чем и всегда — кофе и кое-какими отчетами, которыми занимаются преимущественно лаборанты.

— Такер не упускает случая дать мне почувствовать себя ничтожеством, — мрачно отозвалась я. — Ума не приложу, чем я его так раздражаю.

— Ты не раздражаешь, — многозначительно подмигнула она. — Просто ты — женщина.

И кто говорит мне об этом?!

Меня не предупреждали, что Такер — женоненавистник. Хотя догадаться не сложно.

— Но ты тоже.

Шейла как-то странно усмехнулась, склонилась ко мне:

— Я о другом, подруга. Просто ты его зацепила. И я думаю, его это жутко бесит, если учесть, что все свое время до твоего появления он посвящал научной работе.

Я недоуменно хлопала глазами.

— Это шутка, да?

— Никаких шуток. Он и с женой развелся, потому что она поставила его перед выбором. Разумеется, выбор пал не в ее пользу. А теперь появилась ты, в тот самый момент, когда он работает над проектом ММА.

— Не-е, — отмахнулась я, — Такер недолюбливает не только меня. Он и к Гареду цеплялся, и к другим стажерам. Да он и дня не может прожить, чтобы не поиздеваться над кем-нибудь.

— И все-таки.

Бред! Какой же это бред. Мне только подобных слухов не хватало!

И все же Шейла зародила в моей душе сомнение.

— У меня пригласительный «плюс один» на завтрашний банкет, — сообщила мне она, — хочешь пойти со мной?

— И Такер тоже там будет?

— Угу.

— Ни за что.

Банкет в честь открытия нового корпуса университета. Там будет полно местной научной элиты и кто-то из ММА. Это неплохой шанс

завязать нужные знакомства и получить работу, в случае, если доктор меня уволит.

— Лимма, тебе нужно там побывать, — сказала Шейла, — кроме того, одна моя подруга работает в свадебном салоне, и мы сможем выбрать для тебя шикарное вечернее платье, которое обойдется абсолютно бесплатно. Правда, на следующий день его надо будет сдать обратно.

При удачном стечении обстоятельств я могу и не встретить Такера.
Хотя кого я обманываю?

Глава 18

Я не очень-то разбиралась в платьях.

Хана, подруга Шейлы, неприятно высмеяла мой вкус, когда я продемонстрировала ей выбранный мной наряд из того многообразия, что было в магазине. Кроме того, мне намекнули, что мое тело слишком хорошо для простенького хлопкового белья, и та южная смуглость, что присуща всем ситайкам, требует кружева. К платью потребовались и туфли. А ко всему образу в целом просто жизненно необходимы драгоценности, которых я никогда не носила. Кроме того, меня заверили, что если я не хочу выглядеть полной дурой, мне нужна сумочка. Ко всему прочему, такой особе, как я, должно быть стыдно не пользоваться косметикой хотя бы в торжественных случаях.

Итак, меня хорошенько отругали, а затем нарядили.

Я не упала в обморок, увидев свое отражение. И даже не посчитала себя хорошенькой. Я просто подумала, что мне было бы чертовски неудобно, если бы в этом платье меня увидел доктор Такер. Слишком много оголенного тела: смелое декольте, обнаженные плечи.

Черное платье в пол — что может быть пристойней? Однако на мне оно сидело словно провокация всему живому. Как на самой настоящей ситайке.

— Только не говори, что тебе не нравится, — упрекнула Шейла.

— Я просто... не слишком ли это откровенно? Мне бы не хотелось, чтобы меня сочли... ну... я все-таки ученый, а не...

Хана и Шейла дружно рассмеялись, обозвав ханжой. До знакомства со мной им казалось, что все ситайки сущие развратницы.

К макияжу я отнеслась ответственно — решила, что накраситься смогу сама.

Самонадеянно.

Впрочем, мне хватило и темно-красной помады. По-моему, это выглядело довольно элегантно.

Волосы убрала на одну сторону, и, пожалуй, мой образ был завершен.

Банкет был организован в ресторане отеля «Х&О», о котором мне поведала Шейла по дороге. По ее словам, там был потрясающий банкетный зал и великолепный парк. Словом, так и было. В городе, где располагался офис ММА, жизненно необходим подобный ресторан.

Когда мы приехали, нас поглотила волна гостей.

Зал и впрямь был впечатляющий, он мог вместить все население Вейсмунда, как мне показалось, и кишел сотрудниками университета и технопарка, как улей пчелами.

Приглушенный свет, ароматы парфюма и закусок, легкая музыка — все это работало на расслабление, и я в кои-то веки почувствовала, что могу не держать оборону, не доказывать всем, что я достойна этой работы. Если бы еще мне посчастливилось не встретиться с Такером, этот вечер запомнился бы мне, как самый удачный из того многообразия вечеров, что я провела в этом снежном, ледяном городе.

Шейла с кем-то меня знакомила — вспомнить бы потом! — тянула за локоть, что-то шептала в ухо, покуда мы пробирались к столам. Я заметила доктора Велмана, которому помахала рукой. Неосознанно я искала взглядом Такера. Хотя лгу — вполне осознанно. Я боялась встретить его, но где-то в глубине души я этого хотела. Возможно, я жаждала увидеть его реакцию на мое платье. А может, мне хотелось опровергнуть слова Шейлы, которые постоянно вертелись в голове.

— Подожди меня здесь, я, кажется, вижу своего бывшего с какой-то курицей, — сказала Шейла. — Пойду поздороваюсь.

На долю секунды мне захотелось стать невидимкой. Я чувствовала, что на меня обращают внимание. А я не очень-то любила излишнее внимание.

Нервно схватив шампанское, я сделала пару глотков и едва не подавилась, ибо, наконец, заметила Такера. По телу прокатилась горячая волна, заставляя щеки вспыхнуть румянцем.

Проклятье, этот мужчина был бесподобно красив. Не думала, что это бросится мне в глаза так явно именно сейчас. Он не делал ничего особенного, чтобы быть эталоном мужской красоты: никакого геля в волосах, загара или бесконечного пребывания в фитнес-зале. Такер был таков, каков есть. За исключением его умения одеваться.

Не знаю, сколько времени я любовалась им, но вид у меня был словно у козули, застигнутой тигром. Стряхнув оцепенение, я салютовала ему бокалом, на что он ответил легким изгибом брови.

Но даже после этого он не отвел взгляд. Смотрел на меня пристально, а я могла лишь гадать, в чем причина: в моем платье или в моем присутствии на этом вечере. Завтра, уверена, он не упустит случая, чтобы прояснить этот момент. Впрочем, Такер был не столь терпелив, чтобы ждать до завтра. Совсем скоро я поняла, что он идет ко мне. Плавной походкой самоуверенного и самовлюбленного человека, который знает, что выглядит бесподобно.

Инстинкт самосохранения заставил мое сердце сжаться.

— Лес-с-сон, — прошипел этот змей, — не думал, что встречу тебя здесь.

— Представьте, что меня здесь нет, — произнесла я, нервно ощупывая ножку бокала.

— Ты вырядилась так, что это будет сложно сделать.

Я знала, что он скажет нечто подобное.

— Вам невозможно угодить, — вымолвила я, рассматривая гостей, единственно ради того, чтобы не смотреть на собеседника.

— Ты смогла бы мне угодить, если бы делала то, что я говорю.

— Вы о моем внешнем виде? — парировала я. — Но ведь мы не на работе.

— Поэтому ты решила показать всем собравшимся, что у тебя есть грудь?

Мне все-таки пришлось посмотреть ему в лицо. Такое же дикое, как и в моем сне.

— Наверное, мне стоило прийти, закутавшись в штору!

— Тебе вообще не стоило приходить.

— Я сама могу...

Резкий свист микрофона оборвал эту неуместную перепалку. Мы оба замолчали, выслушивая вступительную речь ректора университета. Хотя, наверно, слушал только Такер, я же тщетно придумывала, что скажу в ответ на его последнюю реплику. Правда, вариантов было немного. Может, просто уйти подальше от этого человека, спрятаться в углу и следить за ходом церемонии?

Шейла очень вовремя поманила меня рукой, и я смогла улизнуть от доктора, пожав плечами, мол, ничего не поделаешь. За что ей, несомненно, огромное спасибо!

— Это доктор Пиер из Элентропа, — представила меня Шейла высокому худощавому мужчине, — а это очень талантливый ученый — Лимма Лессон... дочь Гарверд Лессон...

Мои губы едва дрогнули — я вовремя взяла себя в руки. Шейла вряд ли заметила, а Пиер был занят тем, что внимательно рассматривал мое платье.

— Как вам стажировка у Такера? — улыбнулся он.

По глазам вижу, этот человек прекрасно знает, что легкой работа с Кеем не будет ни для кого.

— Я справляюсь, — это прозвучало лживо.

— Судя по его последним публикациям, он настроен очень

решительно...

В отношении меня — точно, а во всем остальном я несведуща, ибо просиживаю в его лаборатории штаны.

— Я работаю с доктором Фармелом... слышали о нем? — спросил Пиер, заметив, что улыбаюсь я, скорее, через силу.

— Приходилось.

— Так вот мы работаем в смежном направлении регенеративной медицины...

Я вдруг отключаюсь от реальности, ибо вижу из-за плеча Пиера доктора Такера.

Шейла толкает меня локтем, потому что у меня в этот момент глаза на лоб лезут, а Пиер удивленно смолкает и, проследив мой взгляд, поворачивается.

— Не хотел мешать, — Кей говорит это тоном, подтверждающим обратное. — Лимма, на минуточку...

Не попросил, а приказал. И мне очень хочется заартачиться, потому что он же не потащит меня силой прилюдно. Но я не выражаю недовольства, извиняюсь перед Пиером и иду за Такером.

— Что он от тебя хотел, Лессон? — спросил Кей, резко хватая меня за руку.

Теплая большая мужская ладонь... зная, кому она принадлежит, я просто диву даюсь, как еще смею дышать.

Такер тянет меня к выходу сквозь толпу гостей. Мне кажется, он даст мне пару купюр и усадит в такси. Или просто вытолкнет за дверь. Черт возьми, от него можно ожидать чего угодно!

— Что он от тебя хотел? — Такер разворачивает меня к себе и строго смотрит в глаза.

— Ничего, — мне сложно представить, от чего мой руководитель мог так разозлиться, — просто светский треп... беседа. Да. Мы беседовали о... ваших статьях.

— О моих статьях?

— А почему нет?

Мужчина пристально смотрит мне в глаза и, думаю, верит. Но затем бросает взгляд поверх моей головы и усмехается:

— А мне кажется, ему не о моих статьях хотелось поговорить...

Я смотрю через плечо, натыкаясь на любопытствующий взгляд Пиера, обращенный на нас.

— Он спрашивал, как мне с вами работается, — произнесла я, вновь заглядывая в глаза Кею. — И я ответила, что просто млею от восторга.

Уверяю, никаких тайн не разбалтывала. Я их и не знаю. Могу только поделиться с ним секретом приготовления отличного капучино. Как вам такой вариант, доктор?

— Млеешь от восторга, Лессон, — усмехнулся Такер, — я и не думал, что тебе так нравится угождать мне.

— Это предел моих грез. На большее я, право, не рассчитывала, — говорю с изрядной долей скептицизма и пафоса.

— Тогда ты недостаточно стараешься.

— Вот оно что, — бурчу я, — а я-то голову ломаю. Что ж, буду стараться сильнее. Мне стоит рассчитывать, что это поможет?

Не могу понять, нравится Кею или нет то, как я говорю с ним? В лаборатории я бы не осмелилась, но здесь... Мы же не на работе.

— Хочешь узнать, что именно тебе поможет, Лессон?

— Буду признательна. Хотя... — я демонстративно открываю сумочку, — постойте, я запишу. Изложите тезисно, доктор.

Такер смотрит на меня так, будто хочет схватить за горло. Мгновенно между нами повисает напряжение.

— В твоём случае я предпочту словам действия, — произносит он.

— Отлично, люблю наглядные примеры...

Мне кажется, не появившись рядом с нами постороннего, произошло бы что-то непоправимое. Я перевела дыхание и уставилась на тактично покашливающего человека, который помешал нам с доктором поубивать друг друга. Это был немолодой мужчина, черноволосый с проседью на висках. Казалось, я где-то уже видела его — это хищное лицо, эти тонкие губы, холодные светлые глаза и показное превосходство во взгляде. В его костюме ничего лишнего, но эта лаконичность очень достойная и дорогая. Уверена, этот мужчина богат и властен до чертиков.

Он так пристально смотрел на меня, что я смутилась. Вероятно, мое платье все-таки было из разряда «это уж слишком».

— Доктор Такер, — он подал руку моему руководителю, и они обменялись рукопожатиями. — Вы не представите меня своей очаровательной спутнице...

— Это Лимма Лессон, моя... она работает у меня. Пока на испытательном сроке. Лимма, это господин Файмс Сайверс, председатель совета ММА.

Мне стоило невероятных усилий, чтобы сохранить спокойствие и даже улыбнуться.

— Я был знаком с вашей матерью, — сказал Файмс. — Как она сейчас?

- Стабильно.
- Так, значит, вы тоже занимаетесь наукой?
- Да. Пытаюсь.
- Надеюсь, вы добьетесь таких же успехов, как и Гарверд.
- Спасибо, — пробубнила я, опустив взгляд.
- Что ж, желаю приятного вечера.

Едва только Файмс развернулся, чтобы уйти, я несдержанно приникла к бокалу с шампанским, осушив разом.

— Ты будто привидение увидела, — прокомментировал Такер.

— Он — Сайверс! — сокрушенно произнесла я.

— И ты, наверно, гадаешь, имеет ли он отношение к Питту Сайверсу, — вдруг сказал доктор, и бокал едва не вывалился из моей руки. — Не удивляйся, Лессон, я в некоторой степени осведомлен о твоей жизни в Каптике.

— И вы посчитали, что я приехала сюда из-за связи с Питтом?

— А разве нет? Баргер получил за это немаленькую сумму денег, а ты возможность уехать от проблем.

— От проблем?

— Только не говори, что тебе нравилось жить с больной матерью и бабкой и бесплатно горбатиться в университете.

— Все было не так...

— А как?

— Я не намерена рассказывать вам...

— Что трахалась с племянником председателя совета ММА. Мне кажется, об этом следовало написать в заголовке твоей анкеты крупными буквами.

Ситайки не славилась сдержанностью. Я долгое время считала себя исключением. Но даже мое железное терпение могло дать трещину.

Мимо проходящий официант с подносом шампанского оказался весьма кстати. Я схватила один из бокалов и плеснула содержимое в лицо Такера.

Люди, стоящие рядом, шарахнулись в стороны, чтобы не запачкать свои холеные наряды, а затем уставились на меня, как на чокнутую. Шейла застыла в нескольких метрах от нас, делая руками непонятные жесты, типа: «Тебе конец!», «Спасайся бегством!» И я вняла ее последнему совету. Может быть, еще и потому, что мне больше нечего было противопоставить Такеру.

Жалела ли я о том, что сделала?

С одной стороны, я была даже горда, с другой — предавалась горестному раскаянию.

Кей Такер был не из тех, кто забудет о случившемся, и это выльется, по меньшей мере, в мое увольнение.

Я кое-как накинула куртку, выбежала на улицу, вдыхая отрезвляющий холодный воздух.

— Лимма! — догнала меня Шейла. — Ты чего творишь? Зачем ты это сделала?

Я развела руками.

— Завтра об этом будут трепаться все, кому не лень, — покачала головой Шейла, наспех запахивая пальто. — Что он тебе такого сказал?

— То, что я не хотела бы повторять.

— Лимма, господи! — сокрушенно выдохнула Шейла, видя, что я упрямо нахмурилась. — Извиняться ты не собираешься?

— Нет.

— Сумасшедшая.

— Я слишком долго терпела, но с меня хватит.

— Если извинишься, станет легче, — попыталась убедить Шейла.

Отнюдь нет. Мне стало легче только тогда, когда я купила бутылку крепленого вина, вернулась домой и впервые в жизни напилась. Совсем как подросток. Совсем как ситайка, ага. И пусть! К черту предрассудки, я ведь и вправду ситайка. И почему я во всем хочу быть умницей и отличницей, когда мне положено делать глупости. Сама природа устроила ситайцев так, что до тридцати им все прощительно!

У меня небольшая комнатка на одного. Большая редкость жить без соседки, но научным сотрудникам шли на уступки. Я забралась на постель, схватила телефон.

У меня был номер Такера. Этот мужчина не выходил у меня из головы даже под натиском спиртного. Все дело в том, что я его боготворила, и мне было больно сознавать, что для него я — ничтожество. Мне хотелось его признания. Его уважения, в конце концов.

Было далеко за полночь, когда я все-таки решилась позвонить. И начала я разговор так:

— Я вас просто ненавижу, доктор Такер!

Пару секунд молчания.

Я уверена, он все прекрасно слышал и сразу понял, кто беспокоит его среди ночи, невзирая на то, что язык у меня жутко заплетался.

— Лессон? Где ты успела так надраться?

— А это не ваше дело, доктор. Вы лучше скажите, почему вы меня так ненавидите?

Я услышала, как включился ночник. Думаю, Такер был уже в постели,

когда я его потревожила. Он спал и видел прекрасные розовые сны. А теперь я заставила его подняться, спустить ноги на холодный пол и включить свет.

— Лессон, ты в своем уме?

— Просто ответьте на вопрос.

— Может быть, мы поговорим об этом утром?

— Не заговаривайте мне зубы.

— Сколько ты выпила?

— Это не имеет значения. Что я делаю во внерабочее время, вас не касается. Ясно? Сколько я пью и с кем я сплю тоже.

— О, — усмехнулся мужчина.

Я представила, что он встает с постели и идет на кухню, чтобы заварить кофе, попутно закуривая сигарету.

— Что ж, Лессон, ты звонишь мне, чтобы поговорить по душам, а я не могу поинтересоваться такой мелочью?

— Моя личная жизнь не должна вас интересовать.

— А если она меня интересует?

— С какой это стати?

— С такой, что ты у меня работаешь.

— Девчонкой на побегушках!

— Это очень ответственная работа, между прочим, — язвительно произнес Такер. — Что бы я делал без тебя, а?

— Все, что угодно. Со мной или без меня, вы делаете ровно то, что вам хочется. Вы — самый настоящий эгоист. Я знала об этом и раньше, до того, как приехала в Вейсмунд. Но я никак не пойму, почему вы ведете себя так со мной? Что я вам сделала?

— Лессон, это риторические вопросы или ты всерьез ждешь ответа?

— Я хочу понять, черт вас возьми! Чем я вас не устраиваю? Что со мной не так? Доставайте ваш чертов список, я хочу знать!

— Лессон, ты так просто не отстанешь? — усмехнулся Такер.

— Нет.

— А если я положу трубку?

— Я к вам приеду! — выпалила я.

Молчание было многозначительным.

— Не думаю, что это хорошая идея, только если ты не хочешь, чтобы я тебя трахнул.

Я обомлела. Сказать честно, кровь застыла в моих жилах, а сердце перестало биться.

— Ч-что? — у меня наверняка что-то со слухом. — Я вас не

понимаю, — мой яростный запал иссяк. — Я совсем не имела в виду... я просто хочу выяснить правду. И, разумеется, никуда я не поеду среди ночи.

— Значит, ты осознаешь, что сейчас ночь, верно? Просто, когда ты позвонила, я в этом сильно сомневался.

— Доктор Такер, вы считаете меня шлюхой?

— Хочешь, чтобы я ответил, как есть?

— Да, черт возьми!

— Как врач, я вообще не против, если люди занимаются сексом. Это даже полезно.

Он не собирался отвечать ни на один из моих вопросов. И мне вдруг показалось — это взбрело в мое дурную голову, — что Шейла может быть права. Вдруг я нравлюсь Такеру? Конечно, думать так верх самонадеянности, но если предположить?

— Почему вы не можете быть со мной честным?

Такер вздохнул. Он, определенно, курил. Я даже представила, как он отхлебывает крепкий черный кофе, держа чашку рукой, в которой зажата сигарета. Он всегда так делал.

— С тобой одни проблемы, Лессон.

— Будьте, наконец, мужчиной и просто скажите мне всю правду! — произнесла я и бросила трубку.

Глава 19

Мне нужно на работу.

Даже если Тардис расколется надвое, мне нужно быть в лаборатории раньше Такера. И, вообще, мне бы ухитриться не попасться ему на глаза до самого вечера. Вчерашняя смелая Лимма-хочу-правду уступила место Лимме-мне-очень-преочень-стыдно.

Прийти пораньше не получилось. Я буквально влетела в холл, опаздывая почти на десять минут. Охранники уверили меня, что доктор еще не приехал, поэтому я и дальше стала обманываться тем, что смогу избегать его целый день. Судорожно нажимая на кнопку лифта, я боялась услышать за спиной шаги Такера. Кто-то уже поднимался с парковки, поэтому мне пришлось подождать. Слава богу, двери открылись, я ринулась вперед и тотчас отшатнулась, поймав ладонью и припечатав к губам вырвавшийся писк.

— Доброе утро, Лессон, — раздался ехидный мужской голос.

Мы глядели друг на друга, находясь по обе стороны дверей. Признаюсь, я всерьез помышляла о бегстве. Я даже отступила назад, но невероятным усилием воли приказала себе стоять смирно. Бежать было хуже, чем выносить внимательный взгляд Кея Такера.

Наконец, двери начали закрываться, и доктор придержал их рукой. Это означало одно: «Входи, Лессон! И побыстрее!» И я была вынуждена подчиниться.

В маленьком пространстве лифта я чувствовала себя, как в клетке с хищником.

Всюду сталь и холод зеркал, а от Такера ощущалось живое тепло. Захотелось отодвинуться как можно дальше, но я вновь взяла себя в руки, стараясь выглядеть спокойной. Я встала рядом с Кеем, мы почти касались друг друга плечами. Я не смотрела в его сторону, я вообще старалась поверить, что его нет.

— Вам какой этаж, Лессон? — сквозь ироничную улыбку осведомился мужчина.

Мне было не до шуток — сердце стучало так, что готово было разорваться на части.

В лифте играла приятная музыка, как насмешка над той напряженной ситуацией, в которой я оказалась. Радовало лишь одно: вместе нам ехать всего три этажа.

Я молча нажала на кнопку, и двери закрылись.

Такер смотрел на меня, а я делала вид, что поглощена изучением узкой щели между дверьми лифта, за которыми мелькал свет.

Второй этаж...

— Ты не хочешь мне ничего сказать? — нарушил тишину Такер. — Хотя бы пожелать мне доброго утра.

— Доброго вам утра, доктор, — монотонно отчеканила я.

На этом бы и все, но Такер ждал чего-то большего.

— Ты опаздываешь на десять минут, — сообщил он. — Чем ты занималась всю ночь?

Я бы и хотела сказать ему: «простите, что потревожила вас ночью», но извиниться мне не позволила гордость. Кроме того, мужчина снова язвил, что провоцировало отвечать в той же манере.

— Болтала по телефону.

Третий этаж...

— Ночные разговоры не приводят ни к чему хорошему, верно?

— Вроде того.

— И все же мне бы хотелось кое-что от тебя услышать.

— Этого больше не повторится.

Четвертый этаж...

Вот сейчас двери откроются, и я свободна. Мне слишком жарко здесь, в опасной близости от Кея Такера.

Неожиданно его рука тянется к панели, и загорается кнопка «Стоп». Мое сердце срывается, я чувствую, как оно неистово бьется в груди. Перед глазами плывут круги, и губы мгновенно пересыхают.

— Что вы делаете? — мне страшно, и я возмущена.

Безмолвно мужчина поворачивает меня к себе и бесцеремонно хватается за подбородок.

Упрямство упрямством, но когда на тебя так смотрят, скажешь что угодно.

— Хорошо, — сбивчиво произнесла я. — Простите, что позвонила...

— Ради бога, — усмехнулся доктор, — звони, когда захочется поболтать, Лессон. Я говорю о другом.

Вчера я облила его шампанским. При свидетелях. И теперь он требует объяснений.

— У меня непроизвольно дернулась рука, — вдруг ляпнула я. — Такое бывает.

Пальцы Такера разжались, отпуская мой подбородок, но лишь затем, чтобы сцепиться на моем плече, пододвигая меня ближе. Я в капкане его

взгляда — никогда не думала, что буду робеть и трястись от ужаса из-за того, как смотрит на меня мужчина.

— Я не верю в случайности.

— Я не буду извиняться перед вами, — произнесла я твердо, — могу сказать одно: мне жаль, что я испортила вам рубашку. Она, наверно, стоила кучу денег. Если хотите, вычтите из моей зарплаты вместе со стоимостью той шоколадки, что вы мне купили.

Лицо Такера было сосредоточенным и серьезным, но на губах появилась чуть заметная улыбка.

— Ты не так много зарабатываешь.

— Конечно нет, ведь я всего-навсего приношу вам кофе по утрам.

— Я могу урезать твою зарплату в два раза. Но ты ведь не будешь в обиде. У Баргера ты работала на чистом энтузиазме.

— Он хороший человек.

— Насколько хороший?

— Лучше вас.

— Я даже не сомневаюсь. С Питтом ты тоже спала, потому что он человек хороший?

— Будь у меня шампанское, — процедила я, — плеснула бы вам в лицо еще раз!

Я потянулась к панели, но Такер перехватил мою руку. Перехватил, словно это было в порядке вещей между нами! И, скажу больше, он притянул меня к себе. Теперь расстояние, разделявшее нас, казалось ничтожно маленьким. Неприличным!

— Ты позволяешь себе слишком многое со мной, Лессон, — прошептал Кей, склонив ко мне голову. — Но я спишу все это на твои гормоны и постараюсь забыть.

Я вскинула взгляд, и мое дыхание сбилось.

— Очень великодушно, — нервы были на пределе.

Со дня нашего знакомства я еще никогда так не боялась его. Хотя страх — совершенно неподходящее слово, бояться можно чего угодно, но то, что внушал сейчас Кей Такер, называлось иначе — предвкушение чего-то катастрофического, откровенного, правдивого.

Слегка сжав мою руку в ладони, он отпустил. Видимо, вид побледневшей, едва держащейся на ногах девушки подействовал на него, как холодный душ.

— Ты так дрожишь сейчас, что я начинаю чувствовать себя виноватым, — вдруг произнес он. — Я бываю резковат, — заметив мое удивление, добавил: — Хорошо, иногда я веду себя просто отвратительно...

Это было похоже на раскаяние. Или... он только что извинился?

— Лессон, — мужчина попытался поймать мой взгляд, — я ведь не кричу на тебя, чего ты так испугалась?

Мне нечего было ответить. С каких это пор его стала интересовать моя реакция на его слова? Раньше ему было бы плевать, дрожу я, плачу или грохнулась в обморок. Может, его отношение ко мне переменилось? Хорошо это или плохо, вот бы знать.

Такер нажал на экран панели, лифт ожил, и двери открылись.

— Беги, Лимма, — произнес он. — Хорошего дня.

Пожелание хорошего дня не спасло меня от уныния.

Я мысленно возвращалась в тот самый лифт, и отголоски ощущений, что я испытывала, сводили с ума. Я прокручивала в голове наш разговор. Все время, снова и снова. И этот колющий взгляд... клянусь, в нем было нечто неправильное. Я корила себя за то, что смалодушничала, не сказала Кею и половины того, что должна была, не потребовала объяснений его поведения, его претензий ко мне.

Шейла тщетно пыталась поговорить о вчерашнем. Велман наблюдал за мной, хитро прищутив глаза. Казалось, они разбираются в том, что происходит, лучше меня самой.

Я попыталась с головой уйти в работу. Я даже осталась в лаборатории на обед. Но разве все эти ухищрения помогли мне отделаться от навязчивых мыслей о моем руководителе. О молодом, красивом и умном мужчине! Да, именно так. Там в лифте я говорила не с тираничным гением, и даже не с эгоистичным работодателем, я говорила с женщиной, как женщина. И это ставило все с ног на голову!

Мне нужно было обойти два вивария. Окна одного из них заляпаны краской. Это местные защитники животных постарались. Шимпанзе по имени Фоки, уже привыкший к моему постоянному присутствию, оживленно меня приветствовал. Я внимательно изучила его карту. Он бесновался, прыгая на прутья клетки и издавая требовательные крики.

— Лессон! — этот крик, к сожалению, принадлежал не ему.

Неужели Такер не оставит меня в покое даже в обеденное время? Что ему опять от меня нужно?

Я сделала крайне занятой вид.

Кей приближался, небрежно играя брелоком своих ключей. Этот звук чертовски действовал на нервы.

— Почему ты не пошла на обед?

Спрашивает так, будто пропустить обед — это преступление.

— Решила кое-что закончить, — произнесла я, делая пометки в

карточке и вывешивая ее на клетку.

— Тогда заканчивай быстрее, у тебя пять минут. Я буду на парковке.

До меня не сразу дошло, что он имел в виду.

— Мы куда-то поедем?

— Да, поедем, — отозвался доктор, — или у тебя какие-то срочные дела?

Не то чтобы срочные... Просто, прежде чем ехать, я хотела бы знать куда. Об этом и спросила.

— На обед, Лессон, — был ответ.

— С вами?

— Со мной.

Это не похоже на приглашение.

— Даже не думай отказаться, — сказал Такер, понимая, что я возмущена. — Нам нужно поговорить. И желательно не здесь.

Может быть, он задумал очередную провокацию? Хочет снова поставить меня на место, ибо я зарвалась — я и сама понимаю, как сильно.

— Это несколько неожиданно... — протянула я, чувствуя, что вся эта ситуация, все эти подозрения и сомнения буквально уничтожают меня.

Пора бы уже положить этому конец.

Если я действительно нравлюсь Такеру, то какого черта он ведет себя, как настоящий кретин?

— Вы так придираетесь ко мне, потому что я вам небезразлична? — это вылетело из моего рта внезапно для нас обоих.

Брелок в руках мужчины замер. Мне даже показалось, что остановилось время — в помещении воцарилась невыносимая тишина.

Не знаю, удивила я Такера или нет. Сейчас его лицо было непроницаемо, точно каменная маска.

— Долго решалась, чтобы спросить? — лишь вымолвил он.

Я невнятно кивнула.

Мужчина обвел меня взглядом, подмечая, наверно, что я снова дрожу.

— Лессон, ты меня боишься? — вдруг спросил он, облачиваясь на одну из клеток.

— Вас? Нет.

— А кого? — приподнял он брови. — Может быть, Фоки? Ты боишься Фоки? — он постучал костяшками пальцев по решетке, и шимпанзе оживился. — Тебя трясет.

— Здесь сквозняк.

— Здесь тепло, — уверенно заявил он.

— Какая вам разница? — раздраженно и подавленно произнесла я. —

Я волнуюсь. Все-таки от вас зависит моя карьера.

— Нет, не зависит, — ответил Такер. — Ты же давно поняла, что здесь не останешься.

Наверное, я не настолько сообразительная, чтобы понять это давно!

— Лессон, я не смогу с тобой работать. Уж прости.

Я стиснула челюсти, едва сдерживая подступившие слезы.

— И почему же?

Возможно, потому что этот мужчина не любил откровенничать о своих чувствах или вовсе испытывать их. Особенно к такой, как я.

— Потому что мне не хочется думать о работе, когда ты рядом.

Отвратительный ответ. Он вызывает во мне странные двойственные чувства.

— И только поэтому я должна уехать?

— А разве это недостаточно веский повод для увольнения? — усмехнулся Кей.

— Это вам решать, — я с трудом говорила из-за начинающейся истерики.

— Лессон, я не хочу портить тебе жизнь.

— Вам необязательно это делать.

— Ты, наверное, не поняла, — ох, уж и проникновенен был его голос, — я не из тех мужчин, которые заводят серьезные отношения. А ты не из тех девушек, которым нужен просто секс.

Смешно сказать, но еще в Каптике я решила, что умру девственницей.

— Знаете, доктор, — слезы потекли по моим щекам, — я очень сожалею, что не распознала ваших ухаживаний сразу. Наверно, потому, что они больше напоминали издевательство.

— Хотел, чтобы ты держалась от меня подальше, — насмешка слетела с его губ, как только он увидел мои слезы, — Лессон... ты же не станешь плакать?

— Почему нет? Это запрещено? В ваших дурацких правилах об этом ничего нет.

— Ты вынуждаешь меня идти на крайние меры.

— Да? Знаете, доктор, засуньте эти крайние меры себе в... — если бы я успела договорить, то была бы горда собой, честное слово.

Однако я не успела.

До этого момента, что я знала о поцелуях? Наверно, то, что они бывают целомудренные и не очень. Да, я уже имела в этом некоторый опыт. Впрочем, ни один из ныне изобретенных поцелуев не сравнился бы с тем, что сотворил Такер.

Его ладонь скользнула мне на затылок, и он не отпустил, пока не закончил. Я даже не могу назвать это поцелуем! Это совершенно не то, что позволял себе Питт, и даже не то, что могла вообразить себе я в самых смелых фантазиях. Это просто животное, порочное и необузданное прикосновение... проникновение в меня, в мой рот. Я почувствовала вкус и запах Кея Такера, его горячие влажные губы, скользкое касание языка...

Со всей силы я уперлась ладонями ему в грудь. И только сейчас до меня дошло, он давно — давно! — хотел это сделать. И именно так — жадно и грубо, потому что я посмела понравиться ему.

Мне нужно было предпринять что-то в ответ. Ударить его, что ли? Может быть, выпалить ему в лицо, какой он мерзавец? Или заехать ему в пах, на крайний случай. Но... я просто остолбенела. Кровь резко прилила к лицу. Я не могла с уверенностью сказать, что эта грубая ласка мне не понравилась.

— Что... что вы себе позволяя... — это было чересчур наигранно.

Ситайка во мне медленно, но неотступно пробуждалась. Она вытесняла ученого, отличницу, маленькую ханжу и зануду. И секунды, той короткой секунды, когда мужчина оторвался от меня и заглянул в мои глаза, ему было достаточно, чтобы все понять.

— Лesson, ты не убегаешь, — прошептал он, обхватывая ладонями мое лицо. — Не зовешь на помощь, не возмущаешься.

Смотрю на его губы и понимаю предельно ясно: хочу, чтобы он поцеловал снова. Зачем? Просто потому, что это приятно. Смешно сказать, но поцелуй Такера, такой откровенный, зрелый, страстный, — лучшее, что я когда-либо испытывала. Без прикрас, это чертова правда, заставляющая краснеть и желать большего. Осознание нужности этому мужчине сводит с ума. Хочу, чтобы он нуждался во мне, постоянно думал обо мне и желал меня.

Это ужасно? Да. Но теперь все встает на свои места. И сейчас я не хочу ничего менять.

Пусть мне будет стыдно, пусть я даже умру от стыда в следующую секунду, но я покорно раскрываю рот, позволяя себя ласкать. Я ничуть не напугана, наоборот, запрокидываю голову, ощущая легкое одобряющее поглаживание по волосам.

Близость наших тел распаляет до предела.

— Кей! — этот голос возвращает к действительности нас обоих. — Не хочу отвлекать, — в виварий ненавязчиво заглянул Велман, с усмешкой наблюдая за нами: — Приехал Файмс... Я бы не помешал, но ему нужно от тебя что-то срочное. Ты же знаешь, эти парни из ММА очень нетерпеливы

и не любят ждать.

Удостоверившись, что Такер услышал, Велман скрылся.

И вот настает тот самый неловкий момент! Страсть отпускает, оставляя после жгучий стыд и жаркое томление в животе.

Такер приподнимает мой подбородок — мы смотрим друг на друга.

Наверно, можно боготворить человека за один лишь взгляд. В нем все: ум, невозможная харизма, ирония, нежность, страсть. Он словно говорит: «Лимма Лессон, перед тобой сложно устоять».

И, скажу честно, этот взгляд мне безумно нравится.

Глава 20

Я верчу в руках флешку.

За окнами общежития валит снег. Хочется выбежать, бухнуться в сугроб и глядеть в заснеженное небо. Казалось, в Вейсмунде есть только зима. Не представляю, какое здесь лето. Наверно, это так и останется для меня загадкой.

Мой взгляд вновь падает на флешку. Я сжимаю ее в кулаке. Мои исследования и разработки в области репродуктивного клонирования за последние пять лет — все здесь.

Не уверена, что кому-то это нужно.

Я хочу сдатьсь.

Было время, я считала себя гением, а теперь эта уверенность пошатнулась. Я чувствовала себя просто заплутавшей неудачницей. Я опять стояла перед выбором.

Собравшись с духом, раскрыла бумажный пакет, положила внутрь флешку и запечатала. Имя на конверте — это имя доктора Такера. Возможно, что-то из моих трудов ему пригодится, а возможно, он все уничтожит.

Я собрала рюкзак, который теперь стоял у двери.

Вчерашний день обжигал воспоминаниями. И мне не хотелось забывать их. Пальцы прикоснулись к губам, воскрешая в памяти вкус поцелуев. Пару недель назад я думала, что знаю, как это, хотеть мужчину. Но нет! Ни один гормональный шторм не сравнится с тем однозначным и острым желанием, что пробудил во мне поцелуй Такера. Это было что-то взрослое, весомое, неотвратимое... кардинально отличающееся от того, что я испытывала раньше.

Взяв конверт, я вышла из комнаты. Нужно будет сдать ключ... и непременно вернуть долг Велману, когда получу расчет.

Утро в лаборатории начиналось как обычно: Шейла встретила меня в раздевалке, мы болтали ни о чем, она рассказала, что на Единый городской праздник Вейсмунда будет прескверная погода, Дойс поймал нас у входа в бокс и подшутил надо мной, сказав, что начинает привыкать к моему присутствию и женской болтовне, Велман был где-то занят, а Гаред ковырялся в оборудовании. Все было так, как всегда, кроме одного.

Кофе.

Я долго не решалась войти в кабинет Такера.

Чертов кофе успел остыть.

Я, как могла, оттягивала момент встречи с Кеем. С мужчиной, который целовал меня...

Постучала в его кабинет, трепеща от нахлынувших эмоций.

— Я могу войти, доктор? — осведомилась прежде.

Мне в ответ послышалось напряженное: «Да».

Пряча взгляд, протопала к его столу, молча поставила чашку.

— Черный без сахара, доктор Такер, — сказала довольно сухо, хотя мой голос начал дрожать.

— Сколько ты стояла под дверью, Лимма, до того, как войти? — не помню, чтобы Такер говорил со мной так осторожно когда-либо до этого момента.

— Да, я знаю, что ваш кофе остыл... я могу сходить и принести вам другой, если вы...

— К черту кофе, — резко произнес мужчина и поднялся.

Главное, не смотреть на него. И не думать о нем.

Тщетно! Этот человек подошел ко мне, лишая возможности и дальше застенчиво глядеть в пол.

— Лимма, нам нужно поговорить, — его руки коснулись моих плеч... обожгли! О боже...

Сглотнув ком в горле, я протянула Такеру лист бумаги:

— Вот.

Доктор скользнул по нему взглядом, небрежно осведомившись, что я ему подсовываю.

— Заявление, — ответила тихо.

— Заявление?

— Я увольняюсь.

Вместо радостного «Наконец-то» я услышала:

— Посмотри на меня.

— Хочу уехать до Единого праздника. Говорят, потом тяжело купить билет, — спешно заговорила, краснея. — Если можно получить расчет уже сегодня, я была бы очень признательна...

— Лимма, посмотри на меня.

Пришлось подчиниться, ибо тон его голоса стал уж очень строгим. Кроме того, что мешало ему снова приподнять мой подбородок?

— Так вы подпишете? — все, что меня так пугало и притягивало в этом мужчине, я нашла в его глазах. — Я думала, это вас порадует, — вымолвила, не в силах выносить его молчание. — Вы хотели, чтобы я вернулась в Каптику. Даже настаивали на этом.

— Это было «до», — коротко ответил Такер.

— До чего? — и зачем я спрашивала, когда знала ответ.

— До того, как я засунул свой язык тебе в рот. Что за идиотский вопрос, Лимма?

Я опять краснею, не в силах ничего с этим сделать.

— Но это не меняет того, что вы считаете меня хреновым сотрудником, — я бесцеремонно сунула ему конверт. — Это флеш-накопитель. Можете бросить его в урну сразу, если считаете, что ученый из меня полный ноль.

— Ты нарываешься, — мягко проговорил Такер, перекладывая конверт на стол.

— А теперь подпишите мое заявление, и я улечусь из вашей жизни. В прямом смысле.

Доктор вновь смотрел на меня.

— Ты окончательно в этом уверена, Лессон?

— Да.

— Вернешься к Сайверсу? — вдруг спросил он.

Спросил так, будто имеет на меня какие-то права. И будь он неладен, если я этим не воспользуюсь хотя бы разок.

— Может быть.

— Он так хорош?

— Лучше, чем многие другие.

— Скажем, лучше меня? — спросил Такер.

— О, гораздо. Он богаче и моложе, думает о совершенно естественных вещах и вовсе не повернут на биомедицине, как некоторые. А еще он не издевается над женщинами, которые ему нравятся. Не заставляет их приносить ему кофе и изображать из себя бешеную яйцеклетку.

Такер скривился.

— Да я посмотрю, у него полно достоинств. И целуется он неплохо, верно, Лессон?

Чтоб меня, я не смогла соврать.

— В этом вы его обставили.

Если бы я продолжила язвить, дело могло принять другой оборот. А так — я попросту получила по заслугам. Кей склонился ко мне, чтобы еще раз продемонстрировать, насколько хорошо у него выходит проделывать все эти немыслимые штуки своим ртом.

Я увернулась, четко решив, что с меня хватит.

— Подпишите заявление, доктор.

Он усмехнулся. Наверняка ему не очень понравился мой маневр.

— И ты уедешь в Каптику? — поинтересовался, беря в руки бумагу. — Навсегда?

— Наконец, вы сможете вздохнуть с облегчением.

— То есть мы больше не увидимся?

— Это настоящее счастье для нас обоих, — продолжала язвить я. — Теперь готовить вам кофе будет Гаред. Или какая-нибудь лаборантка... Непременно вам нужно принять на работу лаборантку именно для этих целей.

— Я подумаю над этим, Аимма.

— Вам ведь легко будет заменить меня. Любая женщина сгодится для того, чтобы удовлетворять ваши потребности... в кофе.

— Да, я люблю кофе погорячее, — в тон мне отозвался Такер, — особенно такой, какой способна приготовить язвительная ситайская девчонка.

— Увы, этот кофе вам больше не попробовать.

— А мне он очень нравился, жаль.

— В нем вы способны различить только вкус, а ведь там сокрыто многое другое.

— К сожалению, я не гурман. Просто беру то, что мне нужно.

— Тогда вам сгодится любой кофе, доктор.

— Не отрицаю, у каждого из нас есть право выбора. Вопрос лишь в том, что я использую кофе по назначению — пью его. В других целях оно не может мне пригодиться.

— А вот кофе считает по-другому, — процедила я, — и думает, что у него есть не только тесная вагина, но еще и мозги!

Меня переполняли гнев и стыд. И не знаю, чего было больше.

Такер долго глядел на меня, удивленно вскинув брови, затем рассмеялся.

— Мы так можем далеко зайти с этими аллегориями.

— Вы никогда не признаете во мне ученого, я это поняла. Правда, я рассчитывала, что смогу убедить вас в обратном до... до вчерашнего. Теперь я знаю, что убедить вас у меня не получится, и я сдаюсь.

— Сдаешься, значит? — Такер потянулся за ручкой и, не медля, подписал заявление. — Надеюсь, ты найдешь себя, Лессон.

— Я не отступаю от науки, — произнесла я в ответ. — Я просто уезжаю от вас.

И мы попрощались на этом.

Телефон разрывался.

Впервые я спала так крепко, что не сразу услышала. Нащупав трубку, я поднесла ее к уху, и раздался металлический голос: «Соединение с Каптикой». Щелкнув выключателем лампы, я сощурилась от резкого света и запустила пальцы в спутавшуюся челку.

Господи, и кто звонит мне так поздно? Третий час ночи?

— Лимма?

— Ба, — протянула я сокрушенно. — Боже, у нас разница во времени... Ты бы...

— Лимма, твоя мать умерла. Через два дня будут похороны. Если купишь билет сегодня, то успеешь.

В трубке послышались гудки, и я резко села в постели. Сон как рукой сняло.

Еще несколько секунд я сидела, пытаюсь понять, был ли этот разговор наяву или пригрезился мне? Может, это просто ночной кошмар? Могла ли моя бабка быть настолько хладнокровной, чтобы сказать мне все это без эмоций, а затем положить трубку?

Нет, это определенно сон. Ужасный, мрачный и такой реалистичный.

Ба была обижена на меня из-за того, что я уехала, но разве она могла быть так жестока, что даже не захотела поговорить дольше и утешить меня?

Или могла?

Я набрала ее номер, который оказался отключен, затем заказала разговор с Каптикой через станцию, но вновь ничего — дома никто не подходил к телефону.

Меня медленно пожирал страх неопределенности. Я не желала верить, что этот ночной разговор состоялся на самом деле.

Я набрала Ниллу, которая оказалась на лекциях и обещала мне перезвонить, как только прояснит ситуацию. Она успокаивала меня, как могла, но страх неизбежной правды уже зародился в душе.

Два часа ожидания — жуткая пытка.

Знаете, о чем думает человек в ожидании апокалипсиса? Он думает о неиспользованных возможностях и о том, где ошибся. Я бросила семью в погоне за амбициями, которые осыпались, как осколки кривого зеркала. Для чего все это было? И ради кого?

Когда, наконец, зазвонил телефон, мое сердце перестало биться.

— Лимма, я... — подавленный голос Ниллы был ответом на все вопросы. — Мне очень жаль... ты только держись, ладно? Я была у тебя... у Дейны. Твоя мать скончалась утром... Она... она просто не проснулась. Лимма, ты слышишь? Лимма?

И это тоже мне снится. Я застряла в каком-то чудовищном кошмаре.

Я ведь даже не почувствовала ее уход. Все было, как обычно. И я до сих пор не чувствую. Я не могу поверить. Смириться.

Все из-за того, что я уехала. Я посмела поверить, что могу работать с Такером. Но ведь это ложь, и я знала о ней с самого начала.

Все шло кругом.

Я не могла плакать, хотя хотела. Очень хотела...

Меня словно опустили под воду, да так глубоко, что давление грозило разорвать голову.

Я что-то надевала на себя. Зачем? Просто потому, что я должна была выйти из комнаты. Мне нужно было уйти... сейчас же уйти подальше от телефона! Подальше от того места, где мне сообщили о смерти матери.

Снег сверкал в свете фонарей, а воздух обжигал морозом. Небо было темным, сияли звезды. Снежная сказка.

Под ногами хрустит наст.

Дышу раскрытым ртом, а затем падаю на колени в снег, погружаю в него пальцы, сжимаю кулаки. На душе так горько, что хочется выть.

Опустошенность.

Я просто ложусь калачиком и гляжу на искрящийся хрусталь перед собой. И мне не холодно, несмотря на то, что я ситайка, а морозы в Вейсмунде крепкие.

Я знала, что этот день настанет, но все равно оказалась не готова. Впрочем, разве можно подготовиться к подобному?

Мое дыхание становится хриплым, а пальцы на руках красными от стужи. Я продолжаю скрести ими снег, чувствуя тугую боль.

От здания общежития до лаборатории не больше ста метров. Надеюсь, никто из сотрудников не задержался допоздна, и никто из них не увидит меня.

Хочется спать. Внезапно понимаю, что я совершенно забыла о куртке. Впрочем, мне не холодно. Просто закрыть бы глаза... я так устала.

Мама верила в меня. Я не оправдала ее надежд. Глупо было думать, что я могла стать такой же, как она. Гарверд Лессон никогда не сдавалась. Она не сдалась даже болезни. А я сдаюсь постоянно.

Кажется, с неба срываются крошечные снежинки. Ветра нет — они летят плавно, медленно. Я поднимаю взгляд, чтобы насладиться этим зрелищем, а затем закрываю глаза.

«Сладких снов, дорогая мамочка, спи спокойно...»

Глава 21

Тело лихорадочно горит.

Вязкая тяжелая сонливость никак не отпускает.

— Маленькая дуреха, — слышу тревожное бормотание, — решила покончить с собой под моими окнами?

У меня нет сил, чтобы ответить.

— Черт бы тебя побрал, Лессон!

Доктор Такер... почему жизнь постоянно сталкивает меня с ним? Быть может, я должна понять, что биомедицина это не для ситаек?

— Ну же, Лимма, помоги мне, — строго произносит он, приподнимая меня.

Его ладони под моими лопатками.

— Дьявол! — ругается, понимая, что я не желаю даже шевелиться.

Мужчина укутывает меня во что-то, затем берет на руки.

Он быстро несет меня — надо мной мелькает свет. Я приоткрываю глаза и наблюдаю, как замороженная, как светлеет небо, а снег уже валит, как прежде, крупными хлопьями.

Такер сажает меня в машину, включает подогрев, тесно кутает в собственное пальто и растирает мне руки.

— Ты сказала, что собралась в Каптику, а не на тот свет, — отчитывает меня. — Что, если бы я тебя не заметил?

Мне абсолютно все равно, что было бы со мной тогда.

Мужчина садится за руль, и мы едем. Я лениво смотрю в окно. Не могу говорить, у меня дрожит подбородок. Ноги и руки пронзают тысячи раскаленных иголок. Лучше бы я умерла.

Похоже, я задремала, ибо следующее, что вижу — потолок с маленькими лампами, похожими на звезды. Такер внес меня в теплую квартиру — его квартиру. Дверь толкнул ногой. Зажегся свет.

Перво-наперво мы посетили ванную. Мужчина усадил меня на пол, включил воду, стал быстро раздевать. Стянул с меня толстовку, затем джинсы, оставив лишь белье.

Скажу сразу, это не было актом романтики и нежности. Сейчас этого мужчину не волновало мое тело, которое он преспокойно мог лицезреть без одежды. Он просто хотел меня согреть.

Вскоре я оказалась в теплой воде. Дрожа всем телом, сжалась, притянула к груди колени. С моих темных выющихся волос текла вода.

Кей сел на пол, облокотился спиной о стену и не спускал с меня глаз. В его взгляде вспыхнула немая эмоция. Возможно, это сочувствие, принятие ситуации или меня, как личности, возможно, это доказательство того, что мы стали еще ближе. Я не знаю и не хочу гадать.

— Ты что творишь? — наконец, спросил он, видя, что я мало-помалу прихожу в себя.

Каково это показать постороннему человеку, тем более такому, как Такер, свою боль? Предстать перед ним полностью раздавленной, слабой и никчемной? Я не тешила себя надеждой, что он проникнется моим горем, но мне захотелось ему открыться. Мне просто надо было сказать кому-то, озвучить эти страшные слова, чтобы убедиться — они не плод моего воображения. Эти слова:

— Моя мама умерла, — они прозвучали так тихо, но так уверенно, что у меня сжалось сердце. — В моей жизни не осталось ничего... Меня не было рядом, хотя я должна была быть...

— Сожалею, — коротко вымолвил доктор, однако его взгляд остался холодным, будто бы причина, сподвигшая меня к такому поведению, была недостаточно серьезной.

— Как вы можете быть настолько бесчувственным...

— Я врач. Как бы ужасно это ни прозвучало, с ее диагнозом каждый прожитый день — настоящее чудо. Не думаю, что ты должна была сидеть возле нее безотлучно.

Жестко!

Я хотела возмутиться, но вдруг поняла, что Такер слишком прямолинеен, чтобы лгать. Он говорил правду — ту, которая возвращала мне здравый смысл.

— Мама нуждалась во мне...

— Нуждалась? — фыркнул Такер. — Вряд ли. Она была слишком самодостаточной, чтобы нуждаться в ком-либо.

— Вы ее не знали.

— Мы несколько раз пересекались. Признаюсь, я фанател от твоей матери. Она была одним из лучших хирургов. Во всяком случае, лучше меня.

Я с удивлением посмотрела на Такера.

— Вы когда-то встречались с ней?

Кей усмехнулся, запрокидывая голову и касаясь затылком стены.

— Да, представь себе. Когда-то я хотел попасть в команду ее хирургов. Она сказала, что я заносчивый и горделивый ублюдок, и отказала.

— Так и сказала? — изумленно прошептала я.

— Нууу, почти.

— И поэтому вы невзлюбили меня? Поэтому сразу отказали... там, в Каптике? Поэтому, верно?

Такер опустил взгляд, вновь разглядывая мое лицо.

— Нет, не поэтому. Хотя, может, и... Просто ты показалась мне слишком... — он закусил губу, и я уже подумала, что фразу он не закончит, но он сказал: — Слишком моей.

— Что?

— Мой тип женщины.

Я помнила фото его жены — длинноногой и пышнотелой блондинки — отвернулась, опустив подбородок на сцепленные руки.

— Я не о внешности, — добавил Такер.

— Хотите сказать, — вдруг спросила я, — что отказ моей матери вас несколько не обидел?

— Когда я приезжал к ней, я был молодым и, на самом деле, заносчивым...

— Вы почти не изменились.

Он улыбнулся.

— Какая ты наблюдательная, Лессон. Но я действительно мало что представлял из себя. То, что казалось мне значимым и гениальным, теперь-то я понимаю, было совершенно банально. Мне потребовалось много работать, чтобы стать тем, кем я стал. И, знаешь, я даже благодарен твоей матери, что тогда все вышло именно так. Я когда-то грезил быть просто хирургом, сейчас все изменилось.

— Но вы и сейчас оперируете.

— Да. Но эту нишу уже заняла твоя мать. Гарверд Лессон не так просто обойти.

— А вам обязательно быть в чем-то первым?

Такер обратился на меня такой взгляд, что я поняла без слов — да, он хочет во всем быть первым. Лучшим из лучших.

— Тебе стоит повзрослеть, Лимма, — сказал он. — То, что ты считаешь свои исследования прорывом, на деле просто маленький шагок в никуда.

— Но мама в меня верила. Я должна была быть с ней, зря я уехала. Ее смерть...

— Смерть всегда индивидуальна, Лессон. Твоя мать была реалисткой, она знала свой диагноз и знала, как трудно с ним жить не только ей, но и близким.

Каким образом он нашел именно те слова, которые привели меня в

чувство? Что он сделал такого, что я вдруг перестала себя корить?

Мы еще долго сидели молча. Наверно, Такер ждал от меня чего-то.

Наконец, мне захотелось плакать. И я заплакала.

Он не утешал, ничего не говорил. Он просто был рядом, будто давая понять: «все хорошо, Лессон». Я была благодарна ему за те десять минут полного спокойствия, в течение которых я предавалась своему горю.

Мне стало легче.

— Вода уже остыла, — сказал мужчина, протягивая мне полотенце. — Сними с себя все и выходи. Я подожду за дверью.

Раздевшись донага и замотавшись в полотенце, я вышла из ванной.

— Иди в гостиную, Лессон! — донесся с кухни голос Такера.

У него была большая и полупустая квартира. Холостяцкая. Чисто мужской стиль «ничего лишнего».

В гостиной стоял длинный темный раскладной диван, рядом журнальный столик и лампа на длинной ножке. Стены были отделаны кирпичной кладкой и покрашены в белый цвет. Напротив дивана располагался электрический камин.

Я замерла на входе.

Ни одной фотографии, никаких картин или банальных сувениров — ничего. На спинке дивана лежала мужская рубашка — вот и все.

Такер вошел следом, всучил большую чашку с горячим чаем.

— Иди сюда, — указал на диван. — Забирайся с ногами, я принесу одеяло.

Кто бы мог подумать, что этот человек окажется таким заботливым?

Я выполнила все, что он велел.

Такер вновь укутал меня, приказав:

— Пей.

И я послушно приникла к чашке.

— Знаешь, Лессон, ты очень милая, когда не язвишь и делаешь ровно то, что я тебе говорю, — улыбнулся он. — А теперь покажи свои ручки, хочу убедиться, что они еще на месте, — он коснулся моих прохладных, все еще красных пальцев: — Держи кружку обеими руками. Умница. Видишь, делать все правильно не так уж сложно.

— Я должна извиниться перед вами, — вымолвила тихо.

Кей включил камин. Искусственное пламя заплясало перед моими глазами.

— За что? — поинтересовался он.

— За все это.

— За то, что не дал тебе умереть в сугробе?

— За то, что я доставляю вам неприятности. Вам не должно быть дела до моих проблем.

— Ты прощена.

Тепло окутывало меня странной негой. Успокоением.

— Я, наверно, позвоню в такси, — произнесла, спуская на пол ноги. — Я и так доставила вам кучу неудобств.

Такер оторвался от камина, взглянул на меня.

— Ты хоть знаешь, который час?

— Нет.

— Тогда помалкивай.

— Но...

— Останешься, — безапелляционно заявил мужчина. — Я привезу тебе вещи и куртку, а пока ложись спать. Хочешь здесь, а хочешь в спальне.

— Здесь, — машинально ответила я.

— Отлично. А теперь посмотри на меня, — он коснулся моего подбородка. — Голова не болит? Не кружится?

— Нет.

— Озноб?

— Я в порядке.

— Уверена?

Не помню, чтобы хоть кто-то, помимо родных, проявлял обо мне подобное беспокойство.

— Да, спасибо.

— Постарайся уснуть, Лимма.

Я легла, дабы Такер убедился, насколько благодарно я следую его указаниям. Но стоило ему подняться, как я запаниковала.

— Доктор Такер! — я просто позвала его, не придумав ни одной причины, чтобы задержать его дольше.

— Что? Подоткнуть тебе одеяло, Лессон? — он, наверное, не умел разговаривать без этой дурацкой привычки язвить.

— Нет, я... просто...

— Просто так и скажи мне: я хочу, чтобы ты остался и посидел рядом со мной.

Мне казалось, я не имею права утруждать его. Ему, наверно, надоело со мной возиться. Но с другой стороны...

— Да.

— Что «да», Лимма?

— Я хочу, чтобы вы побыли со мной.

Мужчина сел на диван мне в ноги. Больше в этой комнате сидеть было

не на чем.

— У вас нет даже телевизора, — вдруг заметила я.

Кей усмехнулся.

— Я провожу здесь не так много времени, чтобы его смотреть.

— Это в вашем характере.

— Что? — не понял мужчина.

— Полностью отдаваться работе. Вы — сухарь. Вы не хотите чувствовать. Моя мама была такой. Она говорила, что ради цели нужно от многого отказываться. От чувств тоже.

— Иногда от них не так просто отказаться, Лессон, — вымолвил мужчина.

— Но у вас получилось.

— Не уверен.

Я положила ладони под голову, глядя в камин.

— Я бы тоже хотела не чувствовать, — сказала совершенно серьезно.

— А как же Питт? Его это положение вещей сильно расстроит.

— У него есть невеста и план лет на сорок вперед. Кроме того, наши отношения рано или поздно сошли бы на нет. Мы разные, а то, что влекло нас друг к другу, называется гормонами.

— Ты слишком разумная для ситайки, — ответил Такер.

— Это первый комплимент от вас, и он принимается.

— На здоровье, Лессон.

Мы некоторое время молчали, а потом я вдруг спросила:

— Почему вы... такой? Непримируемый? Деспотичный? Что с вами не так, доктор Такер? Почему вы вдруг стали относиться к окружающим вас людям так, будто они хуже вас?

— А разве нет? — улыбнулся мужчина. — Почему я должен относиться к кому-то по-другому?

— Разве люди не заслуживают шанса?

— Чаще всего нет. Вторые шансы — слишком большая роскошь.

— Доктор Такер, я...

— Я знаю, к чему ты ведешь, Лессон. Тебе интересно, почему я такой несправедливый к тебе, правда? Ты, наверно, гадала, нет ли у меня какой-нибудь травмы, не обидела ли в прошлом меня какая-нибудь ситайка? Твоя мать, к примеру? Я угадал?

— Возможно.

— Я просто такой, какой есть. И я не люблю людей, особенно глупых, заносчивых, считающих себя бесценными. Иной раз я вижу таких на операционном столе, выпотрошенных, точно индейка, и, поверь, они

совершенно такие же, как и другие. В мире мало людей, которые чего-то стоят. А насчет вторых шансов, я знаю цену усилиям и кропотливой работе. Я не верю, что возможно чего-то добиться, обладая одним лишь талантом. Я знал много талантливых ученых, которые ломались, Лессон, а затем я забывал о них...

— Ну а я? Разве я не прилагала усилий?

— Дело не в тебе. Ты же большая девочка и все понимаешь, — он вздохнул, поправил мое одеяло: — А теперь тебе стоит отдохнуть. Закрывай глазки и спи.

И тогда он уйдет.

Почему эта мысль кажется мне невыносимой?

— Может быть, вы ляжете спать со мной? — этот вопрос прозвучал чудовищно бесстыдно.

Я услышала, как Такер шумно втянул воздух и, кажется, выругался.

— Лимма, — в его голосе почувствовалась улыбка, — как ты себе это представляешь? Если я и лягу с тобой в одну постель, то точно не для того, чтобы спать.

С удивлением я поняла, что не смущаюсь.

— Пожалуй, мне действительно нужно отдохнуть, — я повернулась на другой бок, зашуршав одеялом, и затихла.

Глава 22

Никогда бы не подумала, что Кей Такер станет тем самым человеком, с которым сложнее всего расстаться, покидая Вейсмунд.

Он привез меня в порт за два часа до отлета, чтобы я успела перекусить.

Представить страшно — он таскал мой рюкзак. Такой элегантный мужчина в безупречном черном пальто с моим рюкзаком, на котором пристегнуты булавки! И он не поехал на работу... Кей Такер был сейчас со мной, и не было в мире лучшего лекарства от хандры, чем он.

Последние несколько минут до того, как я скрылась за дверьми терминала, мы разговаривали. Мне хотелось, чтобы время дало обратный ход. Выкроить бы еще пару мгновений, чтобы побыть рядом.

— Мне нравится, как вы на меня смотрите, — сказала я прежде, чем уйти. — Будто впервые увидели. Меня. Лимму Лессон. Не ситайку, а именно меня. Такую, какая есть, без предрассудков.

— Ты заслужила, Лессон, — улыбнулся он.

— А все-таки вы не такой уж и козел.

Его абсолютно не рассердили мои слова.

— А ты не такая уж наивная ситайская девочка.

— Все-таки чему-то я у вас научилась...

— Кофе носить?

— Быть собой и себя отстаивать.

— И за это пожалуйста.

— Мы ведь больше не увидимся? — я будто признавалась в этом самой себе.

— Я бы не зарекался.

Мне уже пора спешить, но я никак не могу уйти. Кажется, я должна сказать что-то важное, а что — не знаю. А может, и знаю, но разве от этого станет легче?

— Я верю, у вас все получится, доктор Такер. Наверно, я когда-нибудь услышу, что вы добились успеха в репродуктивном клонировании, и этим, безусловно, спасете много жизней. Я думаю, вас ничто не остановит...

— А знаешь, Лессон, — вдруг перебил меня он, — пару недель назад я тоже думал, что меня ничто не остановит и что от жизни я могу взять все сам, потому что достоин. Да, я не скрываю, что считаю себя умнее, талантливее и лучше других. За это меня и ненавидят, но... случилось кое-

что, что пошатнуло мои убеждения. Ты. Я не мог не взять тебя на работу. И не мог сказать тебе: «ты уволена» на протяжении двух недель, хотя это было бы разумнее всего. И сейчас я не хочу, чтобы ты уезжала. Наверно, поэтому ты и должна уехать. Исчезнуть, чтобы я больше никогда о тебе не слышал и никогда тебя не встречал. Потому что это сложно...

Я не могла отвести взгляд от его глаз.

Теперь я понимала — я была его искушением. Он так и воспринимал меня. До сих пор.

— Хорошо, я исчезну, — мне жизненно необходимо смотреть куда угодно, только не на него, — но не обещаю, что вы никогда обо мне не услышите. Я не собираюсь из-за вас оставлять науку, так что все, что скажу — крепитесь и катитесь к черту.

Такер улыбнулся.

— Но раз так, — сказал он, — и мы постараемся больше не пересекаться никогда в жизни, какой бы долгой и нудной она ни была, я не думаю, что случится что-то непоправимое, если напоследок я... — его рука скользнула по моей скуле в волосы.

Он хотел поцеловать меня.

Последний поцелуй — он должен быть особенным. Полагаю, Кей понимал это лучше меня.

Подушечкой пальца он очертил мои губы, отогнул нижнюю.

— Ты не против, Лессон?

Он спрашивает не для того, чтобы я разрешила. Плевать он хотел на мои разрешения. Он хочет знать, желаю ли я этого так же сильно, как он. И он смотрит на мои губы, впитывая каждый вдох, ожидая услышать: «я не против».

— Мой рюкзак... — наши губы так близко, я едва сохраняю трезвость мысли.

— Что?

Я тянусь к его руке, которая напряженно стиснула в кулак ручку моего рюкзака. Мои пальцы легко запорхали по мужскому запястью, от холодных часов по горячей коже к указательному пальцу.

Такер наблюдал за этим с таким видом, будто я проводила перед его носом операцию по пересадке сердца. Его губы сейчас плотно сжаты, ноздри раздуваются, глаза не моргают и прикованы к нашим рукам.

— Отпустите, — я тяну рюкзак на себя, и Такер пробуждается.

Над нами раздается сигнал — знак того, что пора на посадку.

— Всего вам хорошего, доктор, — наконец, багаж у меня, я разворачиваюсь, но Кей хватает меня за рукав куртки — безоговорочно и

твердо.

— По-твоему, это неправильно, Лимма?

— Мне пора, — уверяю его, — забудьте обо всем. Я не держу на вас зла, и вы просто выкиньте меня из головы. Вы правы, так лучше.

Он не отпускает. Я бросаю взгляд на двери терминала.

— Доктор Такер...

— Подожди, — держит так крепко, что побелели костяшки пальцев.

— Отпустите, я опоздаю.

— Пропустишь рейс, — говорит он.

— Вы с ума сошли?

— Да, наверно, да, — бормочет, — отпущу, Лессон, обязательно отпущу, только сначала... поцелуй меня, — судя по его взгляду, он говорит об этом вопреки гордости. — Да, я этого хочу. И прошу тебя об этом.

И ему будет недостаточно того, что я просто прижмусь губами к его губам. Хотя кого я обманываю, мне тоже будет этого мало.

— Просите? Об этом? — не думала, что еще обижена на него, но оказывается, так: — Кто я, по-вашему? Грязная ситайская потаску...

Он затыкает меня единственным действенным способом — тянет на себя, обхватывает за талию и прижимает так сильно, что я забываю дышать. Его губы напористые и жадные. Поцелуй получается глубоким и жарким, хотя я упираюсь в мужские плечи и пытаюсь отстраниться.

— Хочу запомнить тебя... твой вкус. Пусть это будет единственным утешением, Лессон, потому что я уже наказан, — шепчет он мне на ухо, скользит горячими губами по виску и отпускает.

Безумие!

Мужчина бросает последний взгляд, в котором столько невысказанных желаний, что я понимаю — этот поцелуй лишь малая и самая невинная их часть.

Он поставил такую прекрасную точку, что я больше не хочу ничего говорить. Быстро перебрасываю рюкзак через плечо и бегу к терминалу.

Впервые я радуюсь тому, что проведу в полете два дня, ибо мне нужно собраться с мыслями. Моей матери больше нет, Дейна ненавидит меня, иллюзии пали, мечтам не суждено сбыться, и я влюбилась в доктора Такера. Это совсем еще неокрепшая влюбленность, ранимая, нежная, но уже такая явная, что причиняет мне дискомфорт. И боль. И это совсем не то, что связывало меня с Питтом. Дело ведь не только в физическом влечении, все куда сложнее.

Но разве я не справлюсь с этим? В очередной раз?

Разве я не принесу и это к алтарю науки?

Каптика! Она встречала меня ярким солнцем и теплым ветром.

Нилла стояла, облокотившись на капот, и листала журнал. Вся в черном с головы до ног, в грубых ботинках, с тугими косами, которые лежали на ее хрупких плечах. Она ждала меня уже больше часа, но даже бровью не повела, когда увидела.

— На тебе лица нет, — сказала, быстро открывая дверцу машины, — садись скорей, жара страшная.

Подруга могла выглядеть беспристрастной, но голос выдавал ее — она была рада меня видеть и переживала.

— В Вейсмунде, наверно, снег, да? — она села за руль, протянула мне запотевшую бутылку воды. — И разница во времени... Как ты?

Я откинулась на спинку сиденья, прикрыла глаза.

— Оклемаюсь.

Вейсмунд... зима... Кей Такер — это неразрывно, это часть прошлого.

Здесь и сейчас — другой мир. Теплый и знакомый. Дейна, Нилла, память о маме и вкус первых поцелуев, книжные полки, автограф Такера, уязвимая вера в собственные силы, едва зарождающиеся мечты, сорвавшийся секс на пляже... — это все Каптика...

...но почему же тогда мне так хочется вернуться в колючую зиму? Вдруг оказаться перед электрическим камином в комнате, пропахшей сигаретами и мужским парфюмом? Почувствовать тепло, прикосновения, опаляющие поцелуи? Ощутить, как заходится сердце от ласк, как учащается дыхание и по коже пробегает горячая волна.

— Господи, Лимма, — Нилла сворачивает к обочине и останавливает машину, — прошу, не плачь... — она притягивает к груди мою голову, начинает гладить по волосам: — Это сложно, но ты все преодолеешь. Ты — кремень.

— Я не знаю, чего хочу уже, — шепчу, — все сломалось. Мне не на что опереться... все сломалось, Нилла. Я не понимаю...

Она отрывает меня от себя, смотрит в глаза.

— Нет, ты знаешь. Идти вперед — это твоя цель. Не сворачивая, не сомневаясь.

— Стоит ли это того? — спрашиваю хрипло. — Моя цель? Она оправдывает все это? Я запрещаю себе чувствовать, я делаю только то, что должна. Почему же так больно? Почему все оборачивается против меня?

— Потому что ты такая.

В глазах Ниллы такое упрямство и такая доброта, что мне кажется, я разговариваю не с ней, а с бестелесным духом, запертым в ее теле.

— Потому что ты не можешь быть другой и в этом ты настоящая. Одна на миллион, а может быть, и на несколько миллионов. Ты не можешь не быть собой, ты не можешь жить без науки, без стремления улучшить этот мир. И ты не должна пасть духом, даже если останешься совсем одна. Никакие трудности не должны тебя сломать, Лимма. В этом, может, и есть твое предназначение.

Мы обе сейчас понимаем, как нелепо и пафосно все это звучит. Но я испытываю к Нилле такую теплую благодарность и так растрогана, что смеюсь, сквозь слезы. И она начинает смеяться со мной, опять притягивает к себе. Через пару минут я успокаиваюсь.

— Если расскажешь кому-нибудь, как я рыдала у тебя на груди, убью, — пытаюсь пошутить.

Она изобразила, что застегивает рот на замочек и выбрасывает невидимый ключик.

До самого дома она мне что-то рассказывала, явно не претендуя на то, чтобы ее внимательно слушали. Но я слушала — ее рассказы отвлекали меня от тревожных мыслей.

— Ты говорила, что видела Питта, — произнесла я.

Нилла некоторое время молчала, глядя то на меня, то на дорогу.

— Уверена, что хочешь говорить о нем?

— Да, нет проблем.

— У него невеста объявилась.

— Я знаю.

Кажется, Нилла выдохнула.

— Его родичи жутко бесились из-за той истории, — осторожно начала она, — и решили ускорить свадьбу. Короче, весь универ тряндит об этом. Еще бы, такой ловелас и ярмо на шею до скончания веков... — подумав, что сболтнула лишнего, она добавила: — Прости.

— Ничего. Все было и так понятно с самого начала.

Питт покорно следовал составленному для него плану, хотя и ерепенился время от времени. Я не могла осуждать его за то, что он боялся выйти из-под контроля родителей. У него не было собственных целей в этой жизни, и он согласился с тем, что эти цели придумали за него.

Когда мы остановились у моего дома, я напряглась.

Дом был по-прежнему таким, каким я его помнила. Что могло измениться за пару недель? Но... все было уже другим. Розы, посаженные Дейной, выглядели заброшенными, а само строение старым, одиноким и пустым. Мне показалось, что за стеклом кухонного окна качнулась занавеска — это ба приподняла ее, чтобы посмотреть, кто приехал, и тут же

опустила. Я представила, как она тянется к сигаретам, затем сжимает в кулак руку, бурчит под нос что-то типа: «Помоги, Господи» и идет к двери, чтобы встретить меня.

Это видение так явно пронеслось в голове, что на крыльце я помедлила.

Однако меня никто не встречал.

Я застала Дейну на кухне, когда она возилась у плиты, перекинув через плечо полотенце. В своем обычном домашнем темно-красном платье, открывающем лишь руки и мыски тапочек.

— Ты приехала к обеду, — сказала она, когда я вошла.

К обеду?!

К черту обед!

Я замерла в дверях, наблюдая, как ба ставит на стол тарелку, а затем приоткрывает духовку, чтобы проверить, готов ли яблочный пирог, аромат которого разносился по дому.

— Садись, — Дейна не смотрит на меня, — в холодильнике ледяной чай, если хочешь.

Рюкзак выпадает у меня из рук, но я все-таки делаю, как она говорит — сажусь за стол.

— ...отлично, даже не подгорел, — удовлетворенно лепечет ба, вынимая противень.

Наконец, я увидела ее лицо — глаза лихорадочно блестят, щеки бледные и впалые, губы изъедены крупными морщинами. Впервые я вижу ее такой — беспомощной одинокой старой женщиной.

— Ба...

Снова хочется плакать.

— Ты разве не голодна? — спрашивает она буднично.

Я отрицательно качаю головой.

— Когда похороны, ба?

Ее губы дрожат.

— О чем ты, Лимма? — брови сходятся над переносицей, а затем лицо проясняется: — Я, кажется, забыла выключить воду в ванной, — говорит она и улыбается. — Гарверд это не понравится, уж я ее знаю...

Я стискиваю зубы, слушая удаляющиеся шаги моей бабки, смотрю ей вслед и вижу — смерть, идущую по пятам. Ощущение такое же, как в тот день, когда я стояла перед палатой умирающего мальчика. Вот только разница одна: мальчик хотел жить, а Дейна Морис — уже нет.

Глава 23

Можно подумать, похороны — это светское мероприятие.

Сборище малознакомых людей, которые скорбят так картинно, что я едва держу себя в руках.

Мне приходится быть сильной. Я выплакала все слезы еще в Вейсмунде, сидя в ванной доктора Такера. Сейчас мое лицо не выражает ни одной эмоции.

Элентроп, оказывается, не так уж далеко, раз все эти напыщенные люди смогли приехать. И ради чего? Отдать дань памяти? Нет. Они хотели всколыхнуть все то неприятное, что было связано с именем моей матери. Здесь полно завистников, наблюдавших и ее взлет, и падение. Они пришли увидеть финал ее жизни. Очевидно, для них все было справедливо: Гарверд в земле, а они живы и относительно здоровы. Я спиной чувствовала, как они глядят на меня. Их шепот раздается повсюду.

Дейна не плачет. Она принимает соболезнования, мерно ходит по гостиной, заложив за спину руки, поправляет фотографии, изредка кивает кому-то. Я слышу, как некто тихо называет ее сумасшедшей старухой, а меня озлобленной пигалицей. В нашем саду кто-то курит и даже смеется.

Как же мне хочется выставить всех этих людей вон. Но я не нахожу в себе сил. Нилла подбадривает меня легкой улыбкой, мол, держись.

Я вижу профессора Мак-Аарота. Вот единственный человек, который искренне любил мою мать. Я горячо принимаю его объятия и слова утешения. И снова чередую с нескончаемым потоком чужих соболезнований и причитаний.

Профессор уже разговаривает с Дейной, а я чувствую назойливый взгляд — Баргер. Он выглядит так, будто случайно сюда заглянул по дороге из лаборатории, и ярко выделяется в своих джинсах и синей рубашке. Но мне приятно его видеть. Он долго подбирает слова, прежде чем заговорить.

— Хотите чаю? — спокойно спросила я, обрывая его на полуслове.

Игнорируя присутствующих, мы пошли на кухню, я крепко закрыла дверь — посторонние звуки приглушились.

Пока Баргер располагался за столом, я принялась разливать чай. Наверно, со стороны я выглядела вполне спокойно, но признаюсь, внутри у меня все клокотало.

— Я рад видеть тебя, — Баргер всегда скуп на эмоции, но сейчас что-то сподвигло его открыться. — Повод, к сожалению, хреновый.

— Я тоже вам рада. Спасибо, что приехали.

— Ты ненадолго?

Я некоторое время смотрела в его темные глаза, затем молча поставила на стол чашки. Неужели Баргер не знал, чем закончилась история с этой несносной практикой у Такера?

— Что-то не так? — настороженно спросил он.

— Я уволилась.

— Что?

— Уволилась, — повторила и почему-то нервно рассмеялась. — Ничего страшного, от меня не убудет, а ваш брат вообще счастлив. Вам сколько сахара?

— Господи, Лимма, — Баргер смотрел на меня так, как я вчера смотрела на Дейну — будто на чокнутую, — вы с ним не ладили?

Очень даже ладили.

— Это неважно. Я устроюсь в другое место.

— В Элентроп?

— Почему же сразу в Элентроп, — положила ему два кусочка, как и себе, — я еще не решила. Но ближайшее время проведу здесь.

— Здесь? — Баргер нервно потирал переносицу, — не лучшая идея, Лимма. Это не годится.

— Почему?

— Ты знаешь почему.

— Из-за Питта, — усмехнулась и поднесла к губам чашку. — Это в прошлом. Мне сказали, он уже со всем определился — женится. Я тоже все для себя решила.

Баргер нахмурился.

— Ты кое-чего не знаешь, Лимма. Питт ни черта не определился — это факт. Он все это время пытался выяснить, куда ты делась. Он приходил ко мне, запрашивал информацию у Хейвуда, был у твоей матери...

— У мамы?

— Он доставал твою подругу. Она тебе не говорила?

Я отрицательно покачала головой.

— Да, Питт женится, — продолжил Баргер, — но это не значит, что он о тебе забыл.

Мне почему-то стало стыдно. Я отвела взгляд, глянула в окно.

— Я поговорю с Питтом, и все прояснится.

— Его родители этого не допустят. Они очень влиятельные люди и имеют поддержку не только здесь, у них есть связи в ММА, и знаешь, что это может значить для тебя?

— Господи...

— Ты не устроишься не только в Элентропе, но и на самой захудалой планете в самом засранном медпункте. Они превратят твою жизнь в ад.

— Но ведь я им ничего не сделала. Я просто вернулась домой. Здесь моя семья.

— Твоей матери больше нет.

— А Дейна?

— Брось, Лимма, ей почти восемьдесят, она скоро умрет...

У меня из рук падает чашка. Она летит вниз, будто в замедленной съемке, а затем «бах!» и разлетается осколками на кафельном полу.

— Что вы сказали?

— Лимма, это правда жизни. Ты должна подумать о себе. Ты видишь, что творится с твоей бабкой?

Наверное, в тот момент, когда Баргер говорил все это, он не представлял, на грани какой катастрофы находится. Меня вдруг осенила догадка, такая грязная и мерзкая, что меня замутило.

— Вы же пришли сюда не из-за меня, верно? — проговорила. — Вас прислали. Чтобы вы убедили меня уехать.

— Лимма...

Я видела его лицо, и испуг так явно отразился на нем, что я не выдержала.

— Катитесь к черту! Убирайтесь! — закричала. — Вон из моего дома!

Я сорвалась и не владела собой.

Если бы он не ушел добровольно, я бы, наверно, набросилась на него с кулаками.

Я провожала его бранью, а когда дверь за ним захлопнулась, я обернулась — немая сцена, напряженные и растерянные лица присутствующих, полная тишина, за исключением звонка надрывающегося телефона.

— Лимма, — Дейна подходит ко мне, и все слышат ее вопрос: — Ты выключила воду? Я, кажется, забыла выключить воду в ванной. Гарверд этого не любит.

— Да, ба, — шепчу, — я выключила, не беспокойся.

Проглатывая слезы, я быстро прохожу через гостиную, на лестницу, затем в свою комнату. Гребаный телефон звонит, не умолкая. Я хлопаю дверью, сажусь на кровать, опять встаю, начинаю бродить взад-вперед, надсадно дыша. Мне нужно успокоиться. Слезы ничем не помогут. Я должна быть сильной.

Телефон все еще звонит, я смахиваю трубку и цежу раздраженно и зло:

— Что вам надо?

Что-то щелкает на другом конце, а затем я слышу голос:

— Я не вовремя, Лессон?

Господи Боже, все катится в пропасть — в пропасть отчаяния, из которой мне не выбраться.

— Нет-нет! — гневно: — Сейчас самое удачное время, доктор Такер. Сегодня день похорон, в моей гостиной полно лицемерных подонков, и я выгнала к чертовой матери одного из них. Да, вы вовремя, черт вас дери!

— Сядь, Лессон. Там есть на что сесть?

Этот ответ вмиг сгоняет с меня спесь, потому что он странен. В этом весь Такер.

— Что?

— Сядь, я тебе говорю.

Я снова борюсь с желанием заплакать — громко и прямо в трубку, но вместо этого подхожу к кровати и сажусь.

— А теперь послушай меня, Лессон, — в этом голосе нет ни капли жалости, и это то, что нужно: — Тебе все это важно? Все, что происходит вокруг тебя? Подумай, Лессон, зачем ты вернулась в Каптику?

— Я помню зачем.

— Тогда все остальное не имеет значения.

Я молчу, и он молчит. Мне кажется, в этом молчании есть все, что мне необходимо.

— Зачем вы звоните?

— Номером ошибся, — язвит доктор, — мне трубку положить?

Провоцирует.

— Нет.

— Велман тебе привет передает...

Какого черта? Я улыбаюсь.

— И ему тоже передайте.

— И Шейла, и, не поверишь, даже Лойс. Гаред, стыдно говорить, даже слезу пустил, когда узнал о твоём увольнении...

— А вы? — вдруг спрашиваю я. — Скучали по мне? Хотя бы немного?

— Тебя нет всего три дня. Но твоего кофе мне уже не хватает. По утрам он доставлял мне удовольствие.

— Хотите, открою страшную тайну, доктор Такер?

— Разумеется, я хочу.

— Вместо черного я иногда приносила вам эспрессо, а вы не замечали.

— Ты лжешь, — притворно возмущается он.

— Чистая правда. А еще я один раз открутила колпачок у вашей ручки,

и чернила забавно вытекли вам в карман.

— Черт возьми, Лессон, я потрясен.

— Вы здорово меня доставали.

— Это твое оправдание?

Я представляю Кея сидящим за столом. Он непременно курит, положив ноги на столешницу, и глядит в потолок. Сейчас в Вейсмунде глубокая ночь.

— Вы на работе, — констатирую я. — И вы курите...

— Что? — удивляется он так искренне, что я закусываю губу.

— Мне всегда нравилось смотреть, как вы курите... как подносите к губам сигарету... не знаю почему.

Он долго молчит, затем выдыхает мое имя, будто только на это у него и хватило сил.

— Ничего не говорите, — перебиваю его. — Вам лучше больше не звонить мне, доктор Такер. Никогда. Сотрите мой номер.

— Я помню его наизусть.

Я резко откидываюсь назад, на подушки.

— Вы же сами говорили...

— Я помню, что говорил, — перебивает мужчина. — Опережая все твои вопросы, Лессон, — я больше не позвоню.

— Супер, — дурацкое слово, зачем я только произнесла его? Идиотизм.

— Можешь сказать мне напоследок все, что обо мне думаешь.

«Я, кажется, вас люблю».

— Мне нечего сказать, доктор.

— Хорошо, Лессон... тогда — прощай?

— Да.

Мы снова молчим, но никто из нас так и не вешает трубку. Такер вдруг смеется.

— Лессон, тогда я скажу кое-что. Когда выкинешь из головы всю эту дребедень с наукой, возможно, у нас...

Я резко сажусь, прижимаю трубку к уху и чеканю:

— Прощайте, доктор Такер!

В этот момент я понимаю, что мне не нужно его одобрение и уважение, к которым я так стремилась раньше. Мне даже не нужна его вера в мои силы. Прежде всего, я должна уважать саму себя и твердо понимать — ничего уже не сможет меня остановить. Посему это действительно был наш последний разговор.

Я спустилась в гостиную, отыскивала Мак-Аарота. Он был довольно

влиятелен и профессионален, чтобы не зависеть от Сайверсов, поэтому именно его я попросила подыскать мне место. Неважно, что это будет, лишь бы у меня была возможность заниматься исследовательской деятельностью.

Глава 24

Уже несколько недель я не выходила из дома, за исключением редких походов в супермаркет.

Вечерами я смотрела старые мелодрамы — сказки со счастливым концом.

Утром ухаживала за садом, поливала бабушкины розы.

Дни тянулись медленно, столь медленно, что я отчаялась верить, что это можно изменить.

Со дня похорон я ждала звонка от Питта. Мне казалось, он должен был позвонить, но это вряд ли входило в его планы. Приближался день его свадьбы. А свадьба — это хлопотно, ему уж точно не до меня — девушки из его прошлого.

Комната мамы стала для меня своеобразным утешением. В ее шкафу, в коробке из-под туфель она хранила вырезки из журналов и газет, старые записи с ее интервью и разную памятную мелочь. Я перебирала все это с трепетом. Иногда я включала ее автоответчик. Когда она еще могла говорить, записала следующее: «Вы позвонили Гарверд Лессон, к сожалению, я не могу подойти к телефону...» Я прокручивала эту запись снова и снова.

Я сидела на полу, скрестив ноги, и пила горячий шоколад. На улице было ветрено — собирался дождь. В доме стояла удручающая тишина, и только время от времени раздавалось: «Вы позвонили Гарверд Лессон, к сожалению...» Я нажимала на повтор почти не глядя, едва только мне хотелось снова услышать мамин голос.

«Список входящих голосовых сообщений».

Я оторвалась от чашки, взглянула на телефон. Ошиблась кнопкой. На экране мигал значок: «Получено одно голосовое сообщение».

Моя рука сама собой потянулась, раздался щелчок, а затем металлический голос произнес: «Соединение с Вейсмундом установлено». Запись оборвалась...

Я снова нажала на кнопку, и телефон выдал то же самое: «Соединение с Вейсмундом установлено». Записано за несколько дней до маминой смерти.

Любопытство заставило меня пролистать список входящих и исходящих звонков. Гарверд не любила говорить через синтезатор. Список исходящих звонков был пуст, а во входящих мигала цифра «три». Кто мог

ей звонить? Три раза с интервалом в день?

Я шелохнулась от странной мысли, будто от удара.

«...Мы несколько раз пересекались. Признаюсь, я фанател от твоей матери. Она была одним из лучших хирургов...» — это прозвучало в голове так ясно, что меня передернуло.

Такер — брат Баргера и тоже зависим от Сайверсов.

Черт бы побрал эту семейку!

Я не могу отделаться от мысли, что Такер мог разговаривать с моей матерью. О чем? Обо мне? Что она сказала ему?

Я спустилась на кухню, набрала номер через станцию. Если я позвоню Такеру, это будет выглядеть, как паранойя. В Вейсмунде ночь... я разбужу его среди ночи, чтобы спросить, не звонил ли он моей матери? Это нелепо. Вполне возможно, у нее были знакомые на Тардисе, разве я могу утверждать, что — нет?

Я хожу по кухне не меньше часа, ровно до тех пор, пока в стекло не начинают бить крупные капли дождя. Запах грозы проникает в дом, и мне даже кажется, что грозовая туча образовывается прямоком над моей головой.

Я судорожно наливаю воды, выпиваю залпом и снова набираю номер доктора Такера.

Гудки длятся так долго, что я готова бросить трубку, но затем раздается женский голос:

— Да?

У меня замирает сердце и сохнет во рту. Первым порывом было оборвать звонок.

— Я могу услышать доктора Такера? — беру себя в руки.

— Кея? — насмешливо спрашивает незнакомка. — Он что, доктор?

— Да, — господа, как неловко, — мне нужно с ним поговорить. Это важно.

— Он в душе, — развязно сообщает женщина, — а ты кто такая вообще? Сейчас далеко за полночь...

— Мне просто... это важно.

Я слышу, как она вздыхает. Затем скрипит постель, незнакомка поднимается с кровати — с кровати Такера! — и, кажется, идет куда-то. После чего эта женщина весело кричит: «Кей, тебя тут требуют к телефону... какая-то из твоих подружек». Через секунду сквозь шум воды доносится его ответ: «Иди в постель, детка, и скажи, что я умер».

— Прости, он занят, — лениво сообщает незнакомка.

— Скажи, что звонит Лимма Лессон из Каптики.

— Послушай...

— Скажи это, черт побери!

Наверно, я перегибаю палку, но это срабатывает. Незнакомка снова кричит:

— Кей, поговори с ней сам, может, она залетела от тебя, раз ей так нужно. Это какая-то Лимма Лессон из Каптики.

Шум воды вдруг стихает. Я знаю, что сейчас услышу голос Такера. Он там с другой женщиной и давно не думает обо мне. А у меня не хватает смелости признать, что это меня жутко злит. И я ревную!

— Да, — такое твердое многообещающее «да». Его голос предельно строг.

— Я обещала вас не беспокоить, доктор Такер. Прошу, не бросайте трубку. Мне нужно кое-что узнать. Просто ответьте на один вопрос.

Его молчание я воспринимаю за согласие.

— Скажите, вы звонили моей матери за несколько дней до ее смерти?

Пару секунд ожидания, затем мужчина отвечает:

— Нет.

— Простите, мне не следовало вас беспокоить.

Я сбрасываю звонок и некоторое время сижу за кухонным столом и жду, что Такер перезвонит, но он не делает этого. Что ж, он умеет держать слово. В отличие от меня.

Раскаяние приходит в следующее мгновение — и зачем я позвонила? Он сейчас с женщиной. Он назвал ее «деткой». Несколько минут назад, вероятно, они занимались сексом.

Я отшвыриваю трубку, поднимаюсь и сталкиваюсь с Дейной, которая стоит, прижавшись плечом к дверному косяку.

— В последние дни здесь было много звонков, — вдруг говорит она, подтверждая тот факт, что слышала мой разговор с Такером, — еще приходил твой приятель, Питт, помнишь?

— Да.

Дейна выглядит вполне нормальной. Так, будто действительность, наконец, разбила ее панцирь.

— Он обрывал наш телефон несколько дней подряд, хотел знать, где ты. Потом приехал, и они с Гарверд разговаривали с глазу на глаз около часа. Я несколько раз пыталась войти в ее комнату, но она хотела поговорить с ним наедине.

О чем они могли говорить целый час?

— Ты знаешь, кто звонил маме с Вейсмунда?

Ба отрицательно качает головой.

— Лимма, это уже не имеет значения. Ее уже нет. Моей дочери больше нет рядом со мной.

Дейна смотрит куда-то сквозь меня, затем уходит в свою комнату. У меня нет сил, чтобы остановить ее и попытаться поговорить. А ведь со дня похорон мы почти не разговаривали. Винит ли она меня в том, что я уехала? Определенно, да.

Наверно, мне стоит выкинуть из головы мысли о таинственном звонке. Стоит признать, что звонить могли по любому поводу.

Жизнь в Каптике может быть сносной, даже если ты заперта в четырех стенах. Может быть, эти стены — не клетка, а защита. И возможно, поэтому моя мама смирилась с пребыванием здесь?

Одинокими вечерами я сводила себя с ума, думая, что появление Питта, ненависть его семьи ко мне, звонок из Вейсмунда могли подорвать хрупкое здоровье матери. Я чувствовала себя виновницей ее смерти. Я — причина всему. Мне нужно понять, так ли это.

Мне казалось, что с нашей последней встречи прошло не пару месяцев, а несколько десятилетий.

Питт отлично играл в футбол. Его тело было создано для этого: упругие мышцы перекачивались под футболкой, движения были резкие и сильные, взгляд сосредоточенным.

Я сидела на трибуне, пока он меня не заметил.

Мы не сделали ни одной попытки, чтобы подойти друг к другу до завершения тренировки.

Когда игроки покидали поле, я подошла к краю, неловко заложив руки в карманы джинсов, и перекачивалась с мысков на пятки, наблюдая, как Питт нехотя идет ко мне.

— Привет, — сказала ему. Что еще тут скажешь?

Он не был настроен разговаривать, мазнул хмурым взглядом и хотел было пройти мимо, но я встала у него на пути.

— Питт, нам нужно поговорить.

— Seriously? — усмехнулся он. — Ты не думаешь, что уже поздно?

— Я просто хочу знать, о чем ты говорил с моей матерью.

Питт напрягся. Даже не знаю, что могло заставить его так нервничать.

— Ни о чем, — ответил он, — я хотел узнать, куда ты уехала. Она не сказала. Вот и все.

— Вы говорили около часа.

— Послушай, Лимма, — вдруг процедил парень, — я не хочу знать ни тебя, ни твою семейку. Оставь меня в покое.

Он толкнул меня плечом, заставив отодвинуться, и я с ужасом поняла, что такого Питта я не знаю.

Глава 25

Сложность разговора с Дейной состояла в том, что она не хотела слушать.

Даже ее вид — скрещенные на груди руки, хмурый недоверчивый взгляд, сжатые губы — свидетельствует об этом.

Мы сидим в гостиной. Выключенный телевизор, задернутые шторы говорят о том, что нас вообще ничего не интересует, кроме жаркого спора. И спорим мы уже довольно долго.

— Ты должна поехать со мной, — говорю я в сотый раз.

Выражение ее лица не меняется, будто мои слова проносятся мимо. Скепсис во всем.

— Ба, это же Элентроп. Тебе там нравилось!

Дейна молчит, пожевывая нижнюю губу.

Я точно знаю, что она рвалась прочь из Элентропа только потому, что мама там всегда была занята работой.

— Я не хочу упускать этот шанс, — твержу снова, — меня пригласили на кафедру патофизиологии. Начну писать кандидатскую... Профессор Мак-Аарот...

— Я, — четко и медленно выговаривает Дейна, — никуда не поеду. Если ты хочешь, можешь отправляться в Элентроп хоть завтра. Я тебя не держу!

Я возвела глаза к потолку и откинулась на спинку дивана.

— В Каптике мне не устроиться, — пытаюсь вразумить ее.

— Здесь мой дом, Лимма, — твердо заявляет бабушка, — здесь мой муж и моя дочь. Когда я умру, меня похоронят рядом с ними.

В этом ее не переспорить. Не могу же я увезти ее силой?

— Ты же понимаешь, что без тебя я никуда не поеду?

— Один раз ты уже уехала, что мешает тебе уехать опять? Я еще не настолько дряхлая, чтобы за меня переживать.

Иногда с ней невозможно разговаривать. Она пьет чай, гордо приподняв подбородок — старается показать, что ни в ком не нуждается. Однако я знаю, что в фарфоровой чашке не чай, а бренди. И она пьет его каждый день после смерти Гарверд.

— Пообещай хотя бы подумать, — прошу у нее.

— Тут не о чем думать.

Денег, что лежат на счету, нам вполне хватит, даже если я не буду

работать. Но что, если я не могу без работы? Бесцельно прожитые дни убивают. Если бы я вдруг умерла, никто бы не запомнил Лимму Лессон, никто бы не узнал, каким хорошим специалистом она была и как много хотела сделать.

Мне придется сообщить Мак-Аароту, что я повременю с переездом. Надеюсь, это не сильно его обидит.

Я приготовила ужин, рассчитывая, что ба вспомнит о существовании своих неписанных правил — ужин ровно в восемь. Дом наполнил запах запеченного мяса. Диву даюсь, как мне удалось его не испортить. Все-таки кулинар из меня хреновый. Но Дейна не спустилась к ужину. Она ответила мне из комнаты, что слишком устала и не голодна.

— Может, мы поговорим? — я села у двери, облокотилась спиной о гладкую поверхность. — Уже столько времени прошло... — моя бабка была упрямая, как черт, — слушай, я спасла твои розы. Ты давно не выходила в сад... Может, мы с тобой погуляем? Как-нибудь вечером?

Я знала Дейну. Она была вредная и злопамятная. Но, буду верить, она до сих пор любит меня.

— У тебя скоро день рождения, ба. Помнишь, в том году мы пекли твой любимый пирог?

Уверена, она внимательно слушает.

— Мама тогда еще могла говорить... она заказала для тебя свитер через интернет-магазин, а он пришел не того размера. А я купила тебе носки из шерсти, ты сказала, что всегда хотела такие, но ни разу их не надела.

Эти воспоминания приносили с собой радость со странным привкусом горечи.

— Ба, ты говорила, что всегда хотела получить в подарок что-то теплое. То, что согрело бы тебя. Мне кажется, я знаю, что это может быть. Ты меня слышишь?

Там, за дверью, раздались шаги.

— Бутылка бренди отлично меня согреет, — раздался ее голос.

Я тихо рассмеялась.

— Может, ты откроешь дверь?

— Я хочу спать, Лимма. Я уже легла.

Дейна лжет — она стоит у двери. Она взрослая женщина, но порой ведет себя, как ребенок.

— Хорошо. Тогда поговорим утром, — я поднялась, коснулась дверного полотна рукой, будто желая Дейне спокойной ночи.

Этой ночью мне было не так легко уснуть. Дом был пустой и тихий.

Тишина сводила с ума. Я включила радио, легла в постель поверх одеяла. Я думала о том, что в Вейсмунде раннее утро, Такер уже в своем кабинете, Лойс подтрунивает над Гаредом, Шейла называет их придурками, а Велман тихо смеется над ними. Я вспоминаю историю с поролоновым костюмом, и мне становится смешно. А еще тот случай с шампанским — ну и натерпелась же я...

Вдруг с первого этажа доносится звон посуды. Я выключаю радио, прислушиваюсь. Затем поднимаюсь с кровати, открываю дверь и кричу: «Ба? У тебя все в порядке?»

Никакого ответа.

Я спускаюсь по лестнице, иду на кухню. Там горит свет.

Дейна стоит спиной ко мне, склонившись над столом, и перебирает лекарства, которые лежат перед ней кучей.

— Ба, что-то случилось? Что ты делаешь?

От неожиданности она замирает, потом резко сгребает лекарства в лоток, говорит: «Ничего, я просто... живот скрутило».

— Давай я тебе помогу, — я обхожу стол.

— Нет-нет, Лимма. Иди спать. Я сама...

Я поднимаю взгляд, смотрю в лицо Дейны, и мне становится нехорошо: ее подбородок дрожит, на лбу выступили крупные капли пота, кожа вокруг рта синяя.

— Что с тобой?

— Все в порядке, — говорит она с упрямством. — Иди спать, Лимма.

Она хочет уйти и поспешно разворачивается, однако ее колени подгибаются, и она падает без сознания. Падает!

Глухой удар... Время словно остановилось. У меня такое ощущение, будто рядом стою не я, лучше думать, что меня и вовсе здесь нет. Я просто уснула, и мне приснился очередной кошмар.

У меня внутри такой страх, что я не понимаю, как быть. Когда было плохо маме, я всегда знала, что делать, теперь же я беспомощна, как новорожденный ребенок. Образ Дейны — такой непоколебимый, сильный и незыблемый — пошатнулся.

Я вызываю службу спасения. Не сразу вспоминаю свой адрес. Впрочем, я все помню урывками: вот я хватаю трубку телефона; вот слышится вой сирен.

Больше всего на свете я боюсь подойти к Дейне и проверить ее пульс. Мне кажется, она умерла.

Я приподнимаю ее ноги на подушку, расстегиваю верхние пуговицы ночной рубашки, поворачиваю ее голову набок. С облегчением понимаю,

что она дышит. Через пару минут она приходит в себя и даже возмущается из-за того, что я вызвала помощь.

— Съела что-то не то, — так она объясняет свое недомогание и мне и сотрудникам «Скорой помощи». — Я не поеду ни в какую больницу! — наотрез отказывается, когда ей предлагают госпитализацию.

Если бы не второй приступ, нам бы так и не удалось заставить ее сесть в машину.

— У меня нет никаких проблем, — сообщает она всем вокруг, — я замечательно себя чувствую!

Даже пищевое отравление в ее возрасте может быть опасным.

Я устала растолковывать ей это, когда она всерьез хотела вернуться домой.

Дейна ненавидела больницы и весь медперсонал, кто бы ни стоял перед ней — именитый профессор или робкий интерн. Все манипуляции, что проводили с ней, она язвительно комментировала. Подумать только, а ведь ее дочь была хирургом!

— Все? Вы взяли все анализы? Я могу ехать домой?

Мне пришлось краснеть перед ее врачом, что ничуть не умерило пыл моей бабки.

Из приемного ее перевели в палату, а я осталась ждать результатов. Я почти задремала в кресле, когда вернулся врач. Ночная смена, а также новоиспеченная пациентка неслабо вымотали ему нервы, поэтому он говорил монотонно и даже холодно.

Прежде мы сели друг напротив друга, мужчина по — ложил на столик историю болезни, потер переносицу.

— Дело вот в чем, — сказал он, — у госпожи Морис рак.

Я по-идиотски усмехнулась.

Да этого не может быть! Она здорова! Вы ее видели? Она любому даст фору!

— Рак желудка четвертой степени, — снова заговорил врач, — пару месяцев назад она отказалась от химиотерапии...

— Что? — этот вопрос я задала на автомате, ибо расслышала все от первого до последнего слова, просто информация странным образом не хотела усваиваться в моем воспаленном мозгу.

— Она прошла обследование два месяца назад, потом несколько сеансов химиотерапии, после чего отказалась продолжать лечение. Разумеется, картина усугубилась.

Я молчала довольно долго. Казалось, что врач меня с кем-то спутал. Здесь, наверно, чудовищная ошибка!

— Это она вам рассказала? — когда это мой голос успел так охрипнуть?

— Да.

Мне стоит тысячу раз повторить это проклятое «да», чтобы поверить.

— Я могу ее увидеть? — все внутри клокотало от злости и отчаяния.

Пока мы шли до ее палаты, меня штормило. В ушах звенело, голова пульсировала болью.

Перед дверью я запаниковала. Войти туда означало узнать правду. Страшную, отвратительную и такую болезненную правду. Мне предстояло увидеть Дейну на больничной койке, с катетером, торчащим из вены, с биркой на запястье — вот оно, свидетельство правды.

Врач благоразумно оставил нас одних.

Я очень долго боролась со слезами. Самое неуместное, что сейчас могло со мной произойти, — это истерика. Уж лучше злость.

— Когда ты собиралась мне сказать? — спросила я, стоя у койки Дейны.

Она сидела, положив руки на одеяло. Ее взгляд был таким умиротворенным и спокойным, что я взбесилась:

— Ты знала об этом давно! Почему... почему ты не сказала?

Я задыхалась от злости, а ба лишь пожала плечами:

— Я не хочу быть обузой, Лимма. Да и вообще... я надеялась умереть раньше Гарверд. Слишком больно переживать своих детей.

Отшатнувшись, я врезалась в стул. Мне потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя.

Все-таки я была значительно слабее и ничтожнее духом, чем Дейна. Ума не приложу, как она могла так легко говорить о собственной смерти. Будто это что-то обычное, что и значения не стоит придавать.

— Ты отказалась от химиотерапии.

— После нее я была вялая, мучилась бессонницей и головной болью. А мне нужно было ухаживать за дочерью.

Только теперь я осознала всю силу привязанности Дейны к моей матери.

— Но ведь теперь уже не нужно. Ты должна пройти курс лечения.

— Лимма.

— Пообещай мне, — прошептала я. — Ты должна!

— Лимма, хватит, — мягко проговорила она. — Я слишком стара для всего этого, мне семьдесят восемь. На сколько все это продлит мою жизнь?

— Не смей сдаваться.

— Я не сдаюсь. Я ухожу. Жизнь конечна. Я бы не хотела ничего в ней

менять. Я была счастлива. Кому нужно жить вечно? Мечтателям, вроде тебя? — она улыбнулась. — Людям не нужны вторые шансы, они должны понимать, что жить надо здесь и сейчас. В конкретную секунду.

— О чем ты говоришь? — застонала я.

— В моем возрасте нужно быть готовой к смерти. Нужно признать, Лимма, что жизнь имеет смысл только тогда, когда в ней ставят точку.

— Тебе еще рано ставить точку.

— Лимма, я так злилась на тебя... Но...

— Пожалуйста, согласишься пройти лечение. Ради меня. Я обязательно что-нибудь придумаю. Хорошо, ба?

Я боялась услышать «нет», поэтому крепко прижалась губами к ее горячему лбу. Сейчас, как никогда, я понимала, как сильно, горячо и нежно люблю ее.

Глава 26

Сев в кресло, я взглянула в иллюминатор.

Профессор Мак-Аарот пообещал, что отправит человека встретить меня в Элентропе. Уверена, эта поездка будет не такой, каким было мое путешествие в Вейсмунд. Еще до вылета я присмотрела квартиру в дуплексе в фешенебельном районе Элентропа. Я позволила себе эту роскошь, наплевав на все сомнения. Черт побери, мы живем один раз!

Длительные перелеты располагают к размышлению.

Я откинулась на спинку сиденья, прикрыла веки, мысленно возвращаясь в прошлое, в мой маленький каптийский дом.

— Послушай, Лимма, — Дейну слегка потряхивало после химии, — я хочу, чтобы ты поехала в Элентроп. Я много думала над этим...

Мы сидели на заднем дворе, на террасе. Погода была слишком жаркой и солнечной для ранней осени. Тучи клубились только у горизонта, а над нами сияла бесконечная теплая лазурь.

— Ты хочешь, чтобы я уехала? — переспросила я, щуря один глаз от солнца.

— Я много думала, Лимма. Я скажу тебе одну вещь, — ее голос был тихим и неторопливым, — обещай, что выслушаешь.

— Хорошо, — я отвлеклась от шахмат, в которые мы играли. — О чем разговор?

— Когда твоя мама заболела... — Дейна стиснула зубы, обратив взгляд на верхушки деревьев, — ...это был самый страшный день в моей жизни. Все эти доктора, ее коллеги, говорили одно: у нее нет шансов. Они не могли ей помочь. Эти важные люди в белых халатах, которые спасали других, просто не могли ничего сделать. — Дейна замолчала, а когда снова заговорила, ее взгляд упал на мое лицо: — И тогда я смирилась, а затем я почувствовала облегчение... потому что, — ее голос задрожал от волнения, — потому что Гарверд, наконец, была со мной. Я радовалась этому, Лимма... — теперь я слышала лишь сдавленный, полный горечи шепот: — Где-то в глубине души, я, наверно... была рада этой болезни. Тогда, когда ты нашла письма, ты... сказала об этом мне в лицо, и... я вдруг поняла. Я поняла, что всегда была слишком слабой, чтобы остаться одной. Я боялась.

Чувство вины не давало ей покоя очень долго.

— Ба...

— Нет-нет, ты послушай, Лимма, — торопливо заговорила она, — я знала, что она могла преподавать, но я не хотела отпускать ее. Из-за собственного страха.

Я закусила губу, чувствуя, как начинают щипать глаза.

— И я не хотела отпускать тебя, — вымолвила Дейна, — я думала, что смогу привязать тебя к дому... но это неправильно, Лимма. Я злилась на тебя. На твою мать. Я даже злилась на нее за то, что она ушла раньше меня. И я опять была одна... Но теперь я понимаю кое-что, Лимма: ты не должна страдать из-за этого.

Порывисто я коснулась ее руки, сжала ее прохладные пальцы в ладони.

— Послушай, ба, — заявила твердо, — тебе незачем говорить об этом. Я не уеду. Я останусь с тобой. Мы пройдем через все вместе. Слышишь?

— Лимма, я же не беспомощная...

— Теперь дело во мне.

— И ты не осуждаешь меня?

— Нет, — уверила ее, — мы все любим по-разному, жертвенно, эгоистично, собственнически. Но мне плевать, если я знаю, что любовь эта настоящая.

Ее губы задрожали, складываясь в улыбку.

— Мне стало так легко, — произнесла она, — так спокойно... хорошо, что мы поговорили.

Казалось, Дейна совсем обессилела.

Завтра ей должно исполниться семьдесят восемь. Сейчас ее возраст хорошо проглядывается во внешности, но это из-за болезни и химиотерапии. Уверена, скоро начнется период ремиссии, и ба вновь окрепнет.

— Хочешь, завтра мы вместе испечем пирог? — спросила я. — И позовем кого-нибудь? Может быть, нашу соседку?

Дейна хрипло дышала, глядя на меня сквозь полуприкрытые веки.

— Давай сначала доиграем партию, — вымолвила она.

Я передвинула фигурку на шахматной доске. Последнее время мы могли играть и говорить часами.

— В этот раз я тебя обыграю, — зашептала я, потирая руки.

По губам Дейны скользнула слабая умильная улыбка. Она никогда не поддавалась, и сейчас не собиралась.

— Шах, — ба медленно склонилась, переставила фигуру и вновь спрятала руку под плед.

— Да не может быть... — я уставилась на доску, покусывая губу. — ...

Ну, уж нет, так просто я не сдамся, — я напряженно ломала голову над следующим ходом, — торопиться здесь не стоит. Даже из этой западни есть выход. Дай мне только еще минуту, — Дейна не торопила, впрочем, она и так выигрывает подчистую. — Может, вничью, а? — я еще долго корпела над головоломкой, а затем подняла взгляд.

Никогда не забуду этот момент: Дейна все так же сидит в глубоком кресле, ее голова безвольно опущена на грудь. Она не двигается, лишь только ветерок качает край пледа, упавший с ее руки.

— Ба? — тихо, едва слышно позвала я. — Только не сейчас, ба... — мое горло свело судорогой, — только не сейчас...

Я осторожно поправляю плед, кутаю ее...

Моя родная, моя упрямая, любимая бабушка.

Я долго смотрю на нее и шепчу, как сумасшедшая:

— Ты снова выиграла, ба... как всегда...

Воспоминания отступили — самолет тряхнуло.

— Ненавижу летать, — испуганно проговорил мужчина, сидящий рядом со мной.

— Потерпите, — доброжелательно улыбнулась я. — Эти трудности временные.

Мне казалось, впереди меня должно ждать что-то хорошее. Я устала страдать. Я хотела взять от жизни то, что мне полагалось.

Я, наверно, еще долго буду думать над тем, что мы с Дейной говорили друг другу. И до конца дней вспоминать ее, питать к ней глубокую благодарность и уважение.

В Элентропе меня, действительно, встречали — научный сотрудник с кафедры, которого звали Каселл. Молчаливый и вежливый. По дороге он не сказал мне и пары слов, но не потому, что презирал всю ситайскую братию, а потому, что был смущен.

Со времени моего обучения Элентроп ничуть не изменился. Все такой же открытый, большой и суматошный город. Здесь зарождались мои самые смелые мечты, здесь я когда-то грезилась работать с таким человеком, как Кей Такер.

Дуплекс оказался потрясающим не только на рекламных картинках. Поначалу в моем распоряжении был только матрас, стол и пара стульев, но меня это ничуть не огорчало. Видела бы Нилла вид, который открывался из окон в гостиной! Вечером можно было сесть с чашкой горячего чая прямо на пол и смотреть, как за крышами домов тонет солнце.

Пришлось отдельно обговаривать с хозяйкой присутствие в доме животного, потому что я привезла с собой маленького котенка —

египетскую мау. Я купила его еще в Каптике, чтобы подарить Дейне. Да, он и был тем самым теплым подарком, которым я хотела порадовать близкого человека. Не успела, к сожалению.

Я встретила с профессором Мак-Ааротом лишь спустя неделю после приезда. Мы обговорили все условия, и вскоре я вышла на работу. Мне доверили первокурсников — лишь пару часов в неделю. Признаюсь, выступать в роли преподавателя было неловко. Еще бы! Парни тщетно пытались строить мне глазки. Не скажу, чтобы мне нравилось работать на кафедре, но я не могла жаловаться — Мак-Аарот договорился о том, чтобы мне были предоставлены время и допуск в лабораторию. Кандидатская давалась мне легко, и я была относительно счастлива. Время уже не имело для меня никакого значения.

Я окунулась в работу с головой.

Я больше не интересовалась клонированием. Да, у меня — представьте себе — начали формироваться совсем иные убеждения. Наверно, стоило пройти весь мой путь, похоронить мать, а через несколько недель бабушку, чтобы понять — жизнь штука тяжелая, но прожить ее можно всего один раз. У нас нет права даровать ее, но у нас есть обязанность ее беречь. Все свои силы я бросила на регенеративную медицину, махом перечеркнув все то, над чем работала ранее.

И знаете, в моей жизни больше не было сомнений.

Иногда я была благодарна Такеру за время, проведенное в Вейсмунде. За то, что он ставил под сомнение мои способности, за то, что я почти отреклась от них, а затем поверила. Наверное, он не знал и даже не догадывался, какой урок я вынесу из всего этого.

А еще я благодарила Дейну за слова, сказанные в больнице. За то, что я перестала эгоистично гнаться за признанием, поняв, что я должна спасать не все человечество, а каждого человека.

Вечная жизнь пусть будет головной болью Такера. Он идеалист. Для него женщина — это женщина, утеха, удовольствие, не более. Для него либо жизнь, либо смерть. А я учусь отличать полутона. Я больше не отличница. Я — Лимма Лессон, способная спотыкаться, ошибаться и идти дальше.

В непрестанной работе есть свои преимущества. Нет времени на личную жизнь.

Я, разумеется, работаю с мужчинами. Некоторые из них — вполне ничего. Они бросают на меня заинтересованные взгляды, но уже через пару месяцев я, наверно, стану для них «своим парнем», потому что меня не тянет на романтику. От слова «совсем». Некоторые из моих коллег всерьез

подумывают, что я лесбиянка. Все признаки налицо — живу в огромной квартире с кошкой. Так еще хожу с ними в бар и слушаю их нытье про баб.

Да, ученый, как по мне, половых признаков иметь не должен. Не это ли залог успеха?

Впрочем, я не забывала о том, что женщина. На кафедре и в лаборатории было плевать, ходишь ты на шпильках или нет, и какова длина твоей юбки. С Такером мне было запрещено даже выбирать — запрет был вполне однозначным. Здесь же я вкусила всю прелесть свободы. Если я хотела, то могла надеть платье, распустить волосы и, того хуже, накрасить губы. Но, признаюсь, чаще я не хотела. Но и тогда меня никто не обвинял в отсутствии вкуса.

Преимущества работы в Элентропе были так очевидны, что я долгое время не могла поверить своему счастью. Мне не говорили на каждом шагу об уровне моего айкью, не потешались над тем, что я экстерном окончила университет и вылетела от Такера. Ко мне здесь вообще относились с уважением. И меня слушали! Что еще нужно для Лиммы Лессон?

Первые полгода я работала как проклятая. И это дало результат — меня назначили старшим сотрудником. Приятно, не находите? И снова адская машина набирает обороты — успех подхлестывал меня трудиться больше.

— Лимма, тебе нужно передохнуть, — сказал мне как-то доктор Пиер. — Ты угробишь не только себя... твои лаборанты уже ноют!

Доктор Пиер! Тот самый, с которым я познакомилась на открытии корпуса в Вейсмунде. Я по праву могла считать его своим другом. В его светлых глазах всегда искрилось тепло. Если вы хотите увидеть человека, который всегда везде успевает, то это Пиер. Он был счастливо женат, у него было двое детей и собака — просто идиллия. Ко всему прочему, он был повернут на работе. И ему блестяще удавалось совмещать все это.

— Давай просто выпьем в баре? Возьмем с собой Каселла? А? — он медленно надел пиджак, рассчитывая, что я оторвусь от микроскопа. — Сегодня же суббота...

Да, и я планировала задержаться.

— Поговорим по душам? — вскинул бровь Пиер.

Я все-таки взглянула на него. Мужчина широко улыбнулся и развел руки.

— Тебе пора проветрить голову, Лимма. Прими мой искренний совет: выпей пару бокалов вина и обрати, наконец, внимание на Каселла.

— А что с ним?

— Он одинок, молод и... в общем, он неплохой парень.

Я поднялась, устало потянулась, скрывая улыбку. Уже несколько месяцев Пиер подбирает для меня пару. Это очень мило.

— Ну? — поторопил он.

Суббота... почему бы не согласиться? Я уже давно не давала себе поблажек. А ведь мне еще только двадцать.

— Уговорил.

— И никаких разговоров о работе, — ударил он кулаком одной руки в ладонь другой.

О, я буду стараться.

Бар на окраине Элентропа будто намекал на то, что здесь можно забыть о проблемах. Ритмичная музыка, длинная барная стойка, за которой с трудом можно отыскать местечко, не говоря уж о столиках. Красивые женщины, предприимчивые мужчины. По будням здесь было довольно уютно, но только не в субботний вечер. Заинтересованные мужские взгляды заскользили по мне, едва я вошла следом за Пиером, опустив голову и спрятав руки в карманы джинсов.

Каселл уже ждал нас. Увидев меня, смущенно заулыбался.

— Итак, мы должны отметить новое назначение Лиммы, — сказал Пиер, усаживаясь за стойку.

— Хорошо выглядишь, — шепнул мне Каселл.

Пиер сделал заказ бармену, а затем повернулся ко мне:

— На самом-то деле я ненадолго. А вы с Каселлом посидите...

О, какой коварный план, сплошь шитый белыми нитками. Кому-то вздумалось устроить мою личную жизнь?

— И никакой работы, Лимма, ты обещала, — предостерег меня Пиер.

— Само собой, — даже разозлиться на него не могу. Все настолько нелепо, что мне остается лишь улыбаться.

Разумеется, когда Пиер ушел, между мной и Каселлом повисло гробовое молчание. Я уставилась в экран телевизора, висящего в углу, а Каселл принялся складывать салфетку.

— Прости, что не позвал тебя сам, — вдруг сказал он, — просто... ты такая недостижимая. Думал, сразу откажешь.

Все, что я почувствовала к этому довольно привлекательному молодому мужчине, — это сочувствие.

Я смотрела на него пристально, чувствуя, что воспоминания о Вейсмунде вновь закрадываются в сознание. Хотя, зачем я лгу? Я думала не о Вейсмунде, а о Такере. За те полгода, что я не видела его, мои мысли возвращались к нему преступно часто. Я отдавала себе отчет в том, что думаю о нем, как о мужчине — красивом, сильном, страстном. Я пыталась

сохранить память о его поцелуях. О вкусе его губ. О запахе его сигарет, смешанном с парфюмом.

— Я не хочу отношений, — выдала с ходу и совершенно категорично.

Каселл подтянул к себе бокал, обхватил его обеими руками.

— У тебя кто-то есть? — надломился его голос.

Я отрицательно покачала головой. Фраза «Давай будем друзьями?» срывается с моих губ сама собой, и Каселл болезненно морщится.

Разговор у нас не клеится. Я обещала, что не буду говорить о работе, а раз так, то говорить нам не о чем.

Мы еще некоторое время пытаемся наладить диалог, но все попытки с треском проваливаются, и, наконец, я решаюсь:

— Мне нужно домой. Хочу немного отдохнуть.

Когда я попрощалась с Каселлом и приехала домой, то почувствовала облегчение. Все-таки я не готова к новым чувствам. Может, должно пройти время? Еще лет сто, к примеру?!

Я медленно поднялась по ступеням, открыла дверь и едва не врезалась в соседку.

— О, Лимма, — сказала она. — К тебе приходил мужчина... пару минут назад.

Я уже ухватила за перила и занесла ногу над ступенькой, как внутри меня, в самой груди разлился живой, трепещущий огонь.

— Мужчина? — я обернулась.

— Темноволосый, молодой, — сообщила соседка, — симпатичный такой... Представился...

Сердце надрывно забило.

— ... представился... кажется, Баргером.

Мне вдруг стало холодно. Слабость, безразличие, раздражение внезапно захлестнули меня, заставив хмуриться.

— Давно он ушел?

— Пару минут назад, я же сказала, — ответила она.

Всевышний! Зачем он пришел? Что еще он не успел мне сказать в последнюю нашу встречу?

Я вышла на улицу, ведомая банальным любопытством. Наверно, мне нужно проветрить голову. На долю секунды я предположила, что вместо Баргера мог оказаться Такер. Нужно быть последней лгуньей, чтобы не признаться хотя бы самой себе, что Кей — единственный мужчина, которого я хотела бы видеть рядом. Только он.

Зажглись фонари. По дорожке вдоль парка шла милая парочка влюбленных. На улице слишком хорошо, чтобы хандрить. Бывают такие

минуты, когда сходится все: лиричная тихая погода, заставляющая ностальгировать, прохладный невесомый воздух, мысли, которые кружат голову. Хочется размышлять обо всем на свете, допустим, о предназначении в мире или о любви, которая больше никогда не повторится...

Воздух жег мне легкие. В голове нарастал туман и непонятный приглушенный гул.

Я схожу с ума? Ну, и ладно...

Я внезапно остановилась, увидев Баргера. Он шел по тротуару, мерно удаляясь. И я вдруг почувствовала, что подвела себя к дилемме: окликнуть его или дать уйти? Признаться, за эти полгода я ни разу не вспомнила о Баргере. Я уже давно не злилась на него, в моей душе остался лишь неизгладимый неприятный осадок, который въелся точно ржавчина. Некогда мне хотелось видеть в нем друга, теперь он вызывал безразличие. Но что-то все равно подтолкнуло меня остановить его.

Выглядел он отвратительно. И дело не в одежде, за которой он не особенно следил, просто в глазах этого человека было едва уловимое сожаление, жалость к себе самому.

Мужчина остановился, обернулся. На его губах возникло подобие улыбки.

Он сам подошел ко мне, и только после я смогла произнести упавшим, бесцветным голосом:

— Доктор Баргер? Что вы здесь делаете?

— Лимма, — мягко проговорил он, — я был в Элентропе и решил увидеть тебя. В лаборатории мне сказали твой адрес.

Я шумно вздохнула.

Наверно, я все еще была слишком правильной, чтобы отнять у него возможность высказаться, хотя, признаюсь, это желание у меня было.

— Мне нужно извиниться, Лимма...

— Все в прошлом, — ответила коротко.

— Может, перекусим где-нибудь?

— Нет.

Он не ожидал, что я окажусь настолько категоричной.

— Лимма, — выдохнул он. — Жаль, что все так вышло. Я не должен был вести себя так с тобой. Сейчас Сайверсы переживают не лучшие времена. Несколько их компаний признали себя банкротом... Они прекратили финансирование моей лаборатории.

Интересно ли мне было? Нисколько.

Заметив скупающее выражение моего лица, Бартер произнес:

— Просто меня не покидало ощущение, что я должен извиниться.

— Надеюсь, после этого вам полегчало. Рада, что вы заскочили, — почти механически говорила я. — Берегите себя, и прощайте.

Не став слушать его ответную речь, я развернулась и зашагала к крыльцу. Баргер и не думал меня останавливать.

Дела у Сайверсов идут хреново — мне бы радоваться. Но почему стало так паршиво на душе?

Глава 27

Будильник!

Я оторвала голову от подушки, спихнула с груди спящую кошку. Сегодня прилетает Фармел — директор лаборатории. Пару дней назад прошел слух, что он пролоббировал новый проект. Еще ничего толком не известно, но меня уже захлестывает мандраж.

Полтора года в Элентропе пролетели, как один миг. В моей жизни не было замечено особенных изменений, и это неплохо — стабильность, одним словом.

За это время я значительно выросла, как ученый. Но финальным рывком в моей карьере должен был стать проект Фармела. Где-то на подсознании я чувствовала, что очень близка к открытию.

Сегодня все располагало к хорошему настроению: за порогом ждал довольно солнечный день, в «Бург-мастер», где я покупала кофе в бумажном стаканчике и омлет с ветчиной, мне улыбнулся продавец, а газетчица пожелала мне: «Удачного дня!». Я надела свое любимое синее платье чуть выше колена (по моим меркам, это почти бесстыдство!), бежевое тонкое пальто и туфли на каблуке — о, этот день обещал быть запоминающимся!

Все складывалось отлично.

Полгода назад я купила автомобиль. Тот самый автомобиль старого образца, которые водились разве что на Земле, а в Элентропе их считали раритетом или редкостным хламом. Черный, требующий бензин зверь вызывал у моих знакомых больше ироничных улыбок, чем понимания, однако вскоре к моему легкому увлечению ретро привыкли.

Сегодня совершенно не было пробок, что тоже было знаком хорошим.

В лаборатории я не могла думать ни о чем, кроме неуловимого времени... О, да, я просто сходила с ума. Круглые настенные часы с серебряным ободком, длинной черной минутной стрелкой отсчитывали время. Я поднимала взгляд и отмечала с волнением: «Прошла всего минута!» Фармел уже должен приехать. А что, если в этот самый момент он поднимается по ступеням, идет по длинному коридору к двери из матового стекла, тянется к ручке?.. А затем меня посещает другое видение — Фармел, нервный и раздраженный, сообщает жене, которой он звонит в обеденное время, что он чертовски устал от снобов, что сидят в ММА и решают, какому проекту дать жизнь, а какому — нет.

Мне вдруг вспомнилось, как я проходила в Элентропе «испытание новичка». Нечто подобное происходило с каждым, кто попадал в лабораторию Фармела. Невинная забава. Допустим, Каселл в свое время проходил через это. Его испытанием было прикинуться на денек глухим, и на все требования начальства отвечать: «Повторите, я не расслышал». Когда на работу пришел Пиер, его испытание было ужасное — он должен был чесать задницу всякий раз, как кто-нибудь произносил его имя.

Не поверите, но так развлекались ученые с мировым именем!

Как в старших классах, черт!

Моим показателем профпригодности стало покашливание на слове «эмбрион». Так вот, когда я проходила это испытание, мне было так стыдно, что не передать словами. Но сейчас я бы прошла даже по раскаленным углям, вынесла бы все, что угодно, лишь бы получить место в новом проекте.

В этот момент работа в лаборатории останавливается — входит директор. По выражению его лица ни черта не понять — Фармел всегда предельно собран. Он быстро идет к кабинету, не обращая на нас — полных надежд и чаяний — своего драгоценного внимания.

Распахнув дверь кабинета, он вдруг обернулся:

— Пиер и Каселл... — и кивком пригласил их к себе.

И теперь всем понятно — что-то грядет.

— ...и Лимма, зайдите, пожалуйста...

Дорогу до его кабинета я не помню, а вдруг оказываюсь внутри, будто меня забросил сюда волшебный смерч.

— Присядьте, Лимма, — с этого начал Фармел. — Вы работаете у нас уже полтора года.

Удивляюсь только — как быстро летит время.

— Меня очень интересует результат вашей деятельности. Я каждую неделю получаю отчет и вижу, насколько вы продвинулись в своей работе. Если честно, я потрясен. Я поговорил с вашими коллегами, профессором Пиером и доктором Каселлом, и понимаю, что ваша работа имеет огромное значение для медицины. Поэтому, — Фармел испытующе на меня смотрел, — я рискнул и отправил в ММА запрос на новое направление исследований в группе под вашим руководством. Вы получите финансирование и положительное решение этического комитета, и сможете приступить к следующему этапу — проведению исследований на человеке.

Я шла к этому очень долго и просто неспособна поверить.

— Под моим руководством, — потрясенно повторила я. — Но, господин Фармел...

— Это целиком ваша заслуга, — с нажимом произнес он. — Теперь, когда все сделано, я хочу услышать от вас решение. Вы готовы возглавить группу?

Если бы только не прослезиться!

— Да, готова.

— Вы можете сформировать ее по своему усмотрению. Набор специалистов я оставляю вам, но выражу свое мнение — хотелось бы видеть здесь наших сотрудников.

— Разумеется.

— Через несколько дней я планирую собрать пресс-конференцию. Это заинтересует прессу, конечно, но, возможно, привлечет новых инвесторов.

Это ли не мечта всей моей жизни?

Я сохраняла презентабельный вид, хотя внутри ликовала от счастья, словно девчонка.

Да, гордыню стоило бы унять, но, черт возьми, все, что происходит, — заслуженно.

Рабочий день пролетел, как мгновение. Под странной эйфорией, словно под наркотическим кайфом, я впервые была неспособна сосредоточиться на работе. Правда, этого от меня никто не требовал. Все, что я делала в этот день, — получала поздравления.

Вечером, после работы, я вернулась домой уставшая, расслабленная и довольная. Сбросила туфли, закружила по гостиной. Кошка терлась у моих ног. Сегодня можно было открыть бутылочку вина, которая припасена для особо торжественных случаев.

Кошка получила порцию корма, себе я налила тягучее ароматное вино.

За окном весна, вечер, одинокие прохожие спешат по дорожкам вдоль парка. Давно мне не было так хорошо. Все-таки я эгоистка — наслаждаюсь собственной победой, пью вино, и плевать на все.

Раздается звонок. Ого, уже звонит первая жертва! Сейчас я расскажу ей во всех подробностях, какая я умница.

Снимаю трубку, полностью уверенная в том, что сейчас услышу голос Ниллы, но вместо этого раздается: «Соединение с Вейсмундом установлено».

Бокал выскальзывает из моей руки.

«Соединение с Вейсмундом установлено», — звоночек из прошлого.

Что за голос я сейчас услышу? Кей Такер? Он звонит, поздравить меня с успехом?

Сердце учащает ритм.

Только бы это был его голос. Да, я вдруг понимаю, насколько сильно

хочу его услышать. И пусть он будет издевательски тверд или же безразличен, пусть он будет исходить ядом — я готова слушать.

— Лимма Лессон? — раздается в динамике, и меня захлестывает горькое разочарование.

Я с трудом вынырываю из мира грез.

— Да. Слушаю вас.

— Госпожа Лессон, вас беспокоит Файмс Сайверс. Вы помните меня?

Черт побери. Я смотрю на осколки бокала. Теперь в комплекте не будет хватать одного.

— Да, я вас помню.

Надо еще постараться, чтобы забыть имя председателя совета ММА, а также фамилию Сайверс, которая преследует меня, словно проклятие.

— Хочу поздравить вас, госпожа Лессон.

Вашими же стараниями...

— Благодарю. Одобрение, полагаю, проходило через совет.

— Мы были впечатлены.

Я молчу. Собственно, мне нечего сказать этому человеку, кроме как: «Какого черта вы мне звоните?»

— Госпожа Лессон, у меня к вам дельное предложение.

Мне бы не хотелось никаких предложений от этого семейства. Но говорю я другое:

— Чем могу помочь?

— Я бы хотел, чтобы вы занялись еще одним проектом. Лично для меня.

— Простите, господин Сайверс...

— Вы не дослушали, — перебивает он жестче, — ваши исследования я могу прекратить в любой момент, вы же понимаете?

Я стискиваю зубы. Однако я уже не так импульсивна, как раньше — терплю.

— Я понимаю.

— Хорошо, госпожа Лессон. Я получаю много информации о ходе ваших экспериментов. И я думаю, вы слишком перспективный и многообещающий ученый, чтобы продолжать работу при университете. Я готов предложить вам масштабные проекты в моем центре. В Вейсмунде.

— Я переступила этот этап, господин Сайверс.

— Лессон, я буду откровенен. Я богатый человек, но я болен. Вы слышали о лейкозе? Полагаю, да. Так вот, никакие деньги не могут вернуть мне здоровье. А я не хочу умирать...

Так вот над каким проектом работает Такер. Гаред говорил, что один

из членов ММА финансирует его из собственных средств.

— ...Я уверен в вашем успехе. Вы очень похожи на мать. Я знал ее, — снова заговорил Файмс, — она была упорной и целеустремленной...

— Вы знали мою мать, — вся эта история меня мало волнует, но последние слова Сайверса меня заинтересовали, — откуда вы ее знали?

— Она была выдающимся хирургом...

Звонок с Вейсмунда... тот самый звонок. Может ли быть, что перед своей смертью моя мать говорила с Файмсом? Но зачем... кто он ей?

Я уже не слушаю. Мои пальцы сжимаются вокруг трубки — я вдруг все понимаю. Понимаю, почему мать Питта так боялась его связи со мной, понимаю, почему Питт, влюбленный в меня до одури, так резко остыл...

— Господи, — шепчу я в трубку. — Вы что, мой отец?

Конечно, я не уверена в том, что говорю. Это просто догадка, но она так потрясает, что я спрашиваю вслух.

Что-то щелкает — это связь, многие миллионы световых лет, отделяющие нас. Файмс не сразу находит, что сказать.

— Давайте не будем ворошить прошлое.

Этот ответ не был исчерпывающим, поэтому я спрашиваю:

— Вы с моей матерью были близки?

— Послушайте, госпожа Лессон, это не имеет никакого значения. Важно лишь то, что я уже вам сказал.

Я настолько ошарашена и мне так мерзко, что я вешаю трубку, затем отключаю телефон ко всем чертям.

Глава 28

Прошлое не всегда остается в прошлом. Забавный каламбур, правда?

Файмс Сайверс умел держать интригу. После нашего разговора, он не позвонил ни разу, но что-то подсказывало мне — этот человек хранит молчание не напрасно.

Мои выводы относительно его отцовства теперь казались бредом, но реакция этого человека на мои слова заставила меня задуматься.

— Госпожа Лессон, вы готовы?

Я вскинула отсутствующий взгляд. В конференц-зале уже собрались гости — до меня доносится приглушенный говор.

— Да, конечно, — нервно одергиваю жакет.

Мне вспомнилось выступление Такера, когда я приехала на собеседование в «Шерли». Этот человек был настолько уверен в себе, что плевать он хотел на окружающих. Смогла бы я быть такой? Абстрагироваться от всего, что причиняет мне боль?

Я сделала несколько глубоких вдохов, прежде чем выйти за трибуну.

Несколько секунд мой взгляд искал среди присутствующих доктора Такера. Да, я надеялась, что он придет. И костюм, который я надела, тоже для него. Но этот мужчина верно следует своему слову — мы больше не встретимся, никогда.

Файмса тоже нет. Впрочем, он настолько влиятелен, что может приказать мне явиться в Вейсмунд, чтобы устроить презентацию лично для него. Возможности председателя совета ММА были почти безграничными, посему Файмс мог дотянуться до меня даже здесь, в Элентропе.

Я излагаю материал четко и предельно ясно. Чувствую себя неудобно, потому что собравшиеся настроены скептически. Им не верится, что я добьюсь регенерации человеческого тела на клеточном уровне, как, допустим, у саламандры. Вам оттяпают руку, а она отрастет? Да не смешите меня!

Впрочем, мне нет дела, насколько я убедительна. За моими словами кроется труд самоотверженного и немного чокнутого ученого. А это гораздо важнее слов.

Мою речь разбавляют «эм...» и «э...», что забавляет профессоров и докторов наук, вынужденных слушать юную женщину. Но от этого факты, которые я привожу, не теряют значимость.

Под конец выступления я даже расслабляюсь, а когда спускаюсь в зал,

мои коллеги из университета аплодируют.

— Поедешь в «Девон»? — Каселл ловко лавирует среди гостей, чтобы не отстать от меня.

Этот человек продолжает оказывать мне знаки внимания. Ненавязчиво, очень тактично и почти с благоговением. Каселл хороший парень, но... не для меня.

— Лимма, расслабься хоть на секунду, — улыбается он. — Если тебе не понравится, я сразу отвезу тебя домой.

За те полтора года, что я работаю в Элентропе, было всего два важных приема в гостиничном комплексе «Девон». Там, в неформальной обстановке можно было обсудить вопросы прошедшей конференции. Впрочем, ехали туда не только за этим. Бокал вина, легкая музыка и сплетни — все это превращало занудного ученого в обычного человека. Хотя бы на один вечер.

— Так что, Лимма? — мы выходим в холл, Каселл помогает мне надеть пальто.

Отчего-то мне хочется согласиться. Эйфория от собственного выступления слегка пьянит.

— Только ненадолго, — говорю и вижу, как на губах мужчины расцветает улыбка.

Коктейльное платье я с собой не брала, но не было ничего проще, чем вытащить из пучка шпильки и подкрасить губы. Эти нехитрые приготовления отлично работали на образ сексуальной ситайки, чего в иных ситуациях я старалась избегать.

Разумеется, я была готова к тому, что меня будут сравнивать с матерью, что будут задавать неудобные вопросы, возможно, язвить. Скорее всего, я захочу поскорее убраться оттуда.

Однако когда я вошла в банкетный зал, все мои страхи отступили. Живая музыка, тихий рокот голосов, звон бокалов и сладковатый запах игристого вина — все это мне нравилось. Возможно, тем, что в отличие от того банкета в «Шерли» этот был в мою честь.

В зале уже сформировались кучки по интересам, которые мило жужжали. Дискутировать пришлось и мне. Сначала было неловко, как если бы мне пришлось изъясняться на малознакомом языке, но скоро это сменилось увлеченностью, даже страстностью. Меня слушали! Это приятно, черт возьми!

Доктор Мак-Аарот представил меня коллегам из Твиртона как крайне талантливого и перспективного специалиста. Я встретила своего научного руководителя, доктора Морган, которая сказала, что свято верит в мой

успех. Директор Фармел одарил меня премилым комплиментом. «Эта женщина — не просто ученый, она — самозабвенный талант и дар. Я счастлив, что она работает с нами», — сказал он.

После этого трудно не возгордиться, правда?

Каселл все это время был моей тенью. Незаметной и незаменимой. И его ничуть не утруждало выполнять мои просьбы.

— Еще шампанского? — спросил он, когда я отошла в сторонку, устав от чрезмерного внимания. Заметив мою улыбку, мужчина произнес: — Будет исполнено!

Я сняла жакет, бросила его на спинку стула, откинула за плечи волосы. Хотелось размять шею, а еще снять каблуки. Я была умиротворена и спокойна, до тех пор, пока мужская рука, держащая бокал шампанского, не возникла у меня перед глазами.

Тонкий изящный бокал с искрящимся содержимым... широкая мужская ладонь... крепкие длинные пальцы. Совсем как у... Такера!

По части фееричных появлений я могу поставить этому мужчине пять баллов.

Я медленно поднимаю голову.

Сумасшедшие ощущения! Подобно прыжку с тарзанки — сердце заходится, слегка кружится голова, тело напряжено. Я ощущаю запах мужского парфюма... один лишь запах сводит с ума.

Доктор Такер все такой же циник и безбожник. У него по-прежнему проницательный, властный и насмешливый взгляд. И этот взгляд скользит по мне так нарочито открыто, что по любым законам цивилизованного общества это бы считалось неприличным.

— С кем надо было переспать, Лессон, чтобы стать руководителем проекта в двадцать один год?

Доктор Такер превосходно смотрится в смокинге. А еще ему идет легкая небрежность в причёске.

— Вы удивитесь, — мой ответ прост: — Ни с кем.

Я беру бокал и делаю несколько глотков. Вкус шампанского отчего-то кажется мне другим — соблазнительным, сладким.

— Как вас сюда занесло, доктор? — пора бы и мне съязвить.

— Хотел посмотреть, как кучка дегенератов восхваляет мою стажерку, и узнать, какого, собственно, черта. Ты что, научилась готовить новый вид кофе, Лессон?

— Этот кофе называется «Катись к черту». Я полтора года билась над ним специально для вас.

— Я бы его попробовал, Лессон, но, к сожалению, опоздал. Но,

говорят, у этого кофе странное послевкусие.

— Да. Называется «триумф». Это послевкусие заставляет долго вспоминать сам кофе и жалеть, что он теперь недоступен.

— Лессон, это не триумф, это гордыня. Прекрасно выветривается, когда замахиваешься на недостижимое и падаешь вниз.

— Вам ли не знать об этом, правда? — вопросительно выгибаю бровь. — Или ваша гордыня еще на месте?

В этот момент к нам подходят посторонние, чтобы поприветствовать Такера, но он так увлечен мной, что лишь бросает: «Позже, я занят».

— Так о чем мы говорили, Лессон? — его взгляд прикован к моему лицу.

— О том, что вы так и не научились признавать очевидное.

— Например?

— Например, то, что маленькая ситайская девочка... кажется, так вы меня называли?.. оказалась хорошим специалистом.

— Вот когда у кого-нибудь из твоих пациентов отрастет новая голова, я признаю это, стоя на коленях.

— Думаю, мне понравится видеть вас в таком положении. Ради этого я не заставлю вас долго ждать, — как же мне сложно держать планку на уровне и не позволять пальцам предательски дрожать.

Такер хочет что-то ответить, но в этот момент возвращается Каселл. В его руках бокал и моя сумочка. Мой коллега произносит лишь: «Ты забыла ее в машине», а лицо Такера становится хмурым, раздраженным, желваки на щеках ритмично движутся.

— Это доктор Каселл, талантливый ученый и мой коллега, — я взяла Каселла под локоть, отмечая, что Такеру это не нравится.

Разумеется, Кея представлять нет необходимости, мой сопровождающий узнал его, потянулся для рукопожатия с добродушной улыбкой. С таким заблуждением можно совать руку в клетку хищника, не догадываясь, что в следующую секунду ее откусят по самый локоть.

— Я очень рад, доктор Такер... Лимма рассказывала о вас...

— Да? — в голосе Кея яда столько, что хватило бы умертвить всех присутствующих. — Обо мне? И что именно?

Каселл не чувствует подвоха, а я напряженно смотрю на Такера и делаю крошечный глоток шампанского.

— Много хорошего.

— Восхитительно, — произносит Кей. — А теперь, Каселл, отойдите на два шага, нам с Лессон нужно поговорить.

— Простите?

— Катись к черту отсюда!

Признаюсь, даже я, зная характер Такера, не ожидала ничего подобного.

Мне пришлось заверить Каселла, что Кей имел в виду совершенно другое и никого не хотел обидеть, и что я уделю ему всего пару минут. Каселл согласился подождать, но не ушел, наблюдая за нами на расстоянии.

— Ради него ты вырядилась и накрасила губы, Лессон? — раздраженно осведомился Такер.

— Позвольте заметить, — заявила я с язвительной официальностью, — вы ведете себя, как полный идиот. Каселл — мой коллега.

— Мы тоже были коллегами.

— У вас нет никакого права на ревность.

— Согласен, — усмехнулся Такер, — права нет, а ревность есть.

— Послушайте...

— Лессон, — мужчина делает ко мне уверенное движение, — давай я отвезу тебя домой, мы поговорим... не здесь.

— Меня отвезет мой друг.

— Так друг или коллега? — пытливо спрашивает Такер. — Хотя какое мне дело, правда? Никуда он тебя не повезет.

— И что ему помешает? — теперь мой черед усмехаться.

Кей бросает быстрый взгляд на моего сопровождающего, затем опять смотрит на меня. Его рука касается моего подбородка, большой палец смазывает с губ помаду, а затем Такер подносит руку к своему рту. Это движение было бы невинно, если бы он потянулся за тортом, измазался в креме и слизнул его с кончика пальца. Но он сделал это с моими губами! Он будто попробовал их, а затем произнес: «Ммм, все так же вкусно».

Этот маневр не укрылся от Каселла, который, уяснив для себя суть моих отношений с Такером, предпочел молча удалиться.

— Ну что, Лессон? — Кей улыбался. Ему было забавно. — Я решил твою проблему?

Сумасшедший, несносный человек! Кем он себя возомнил?

— Моя проблема — это вы, доктор Такер.

— Уверен, твой друг, — с весомым нажимом на «твой друг», — тебя простит завтра. А сегодня удели внимание своему руководителю из Вейсмунда.

— Бывшему руководителю, — поправляю его.

— У меня рейс только через два часа, — сообщает Такер, — мне ведь нужно чем-то заполнить это время. Сделай одолжение, Лессон, просвети

меня относительно регенеративной медицины.

Глава 29

Мы бесцельно кружили по вечерним улицам Элентропа и до тех пор, пока я не потребовала привезти меня домой. Но прежде мы говорили, говорили и говорили.

Наверно, я в жизни своей столько не разговаривала.

— Так почему вы опоздали на конференцию?

— Задержали рейс. Но я правда хотел успеть, веришь?

— И зачем?

— Чтобы завалить тебя неудобными вопросами, разумеется. Зачем же еще мне ехать больше суток в такую дыру и видеть постные лица твоих коллег?

Раньше я, наверное, жутко бы обозлилась на него, быть может, даже вспылила, а теперь — не узнаю себя! — мне смешно. Он язвит, сыплет колкостями, но... как-то не по-настоящему.

— Возможно, вы хотели увидеть меня? — спрашиваю, аккуратно выводя кончиками пальцев узоры на своих коленях.

— Я хотел с тобой поговорить. Не по телефону, — ответил Такер. — И хочу, чтобы ты была предельно откровенна со мной, потому что я не люблю, когда мне лгут.

Вот оно как!

И почему мне кажется, что это как-то связано с Файмсом?

— Так, и в чем суть разговора?

— Начну с того, что я здесь только потому, что меня очень настойчиво попросили.

Черт... это разом уничтожило всю ту романтическую ерунду, которая кружила мне голову.

— Файмс Сайверс, — произнесла я, ощутив на себе испепеляющий взгляд Такера, — у него есть рычажки давления на всех, или мне только кажется?

— Думаешь, меня можно заставить делать что-то против воли? — вдруг усмехнулся Кей. — Да, он попросил поговорить с тобой, потому что его чертовски волнует его жизнь, а у меня до сих пор нет приличного техника. Но я не собираюсь уговаривать тебя вернуться... просто я хочу понять, каким образом тебе все это удалось? Ты отправляла Файмсу резюме, обивала его пороги, штурмовала его электронку?

— Вы бываете просто непрошибаемым, доктор, — выговорила я.

— Так что?

— Вы будете удивлены, но я не делала ровным счетом ничего, чтобы этот... человек обратил на меня внимание. Он, знаете ли, подумал, что я буду рада его предложению. Черта с два. Я не вернусь в Вейсмунд, даже если он, как и обещал, перекроет мой проект. Я лучше...

Вдруг на меня страшным образом накатила такая обида... такое чувство омерзения и отчаяния, что мой голос дрогнул. Все то время, что прошло с разговора до конференции, я старалась не думать о Файмсе, о том, что этот человек имел наглость шантажировать меня, что-то требовать...

— ...я лучше дождусь, когда эта скотина сдохнет, чем... — не знаю, откуда во мне столько злости.

Зачем я говорю все это? Особенно Такеру...

Я вдруг замолчала, закусил губу.

Кей резко нажал на тормоз — посреди чертовой дороги! — и повернулся ко мне.

— Все настолько плохо? — его голос был серьезен. Никакой иронии!

— Вся эта конференция, эти люди, эти аплодисменты... — произнесла я, — все это — ничего не значит, потому что есть человек, который с легкостью меня уничтожит. Кто я буду тогда?

— Эй, Лессон, — Такер приподнял мой подбородок, — он тебе ничего не сделает.

— Кто может быть влиятельнее, чем председатель совета ММА?

— Я, кто же еще...

Я усмехнулась.

— Да?

— Да. Если я скажу, чтобы этот... человек забыл о твоём существовании, он забудет. И знаешь почему?

Кончики мужских пальцев скользнули по скуле, невесомо коснулись прядей моих волос.

Я молча ждала ответ, и Кей усмехнулся:

— Потому что он нуждается во мне больше, чем я в нем. Без меня Файмс Сайверс обречен.

— И что все это значит?

— Это значит, что он тебя больше не потревожит. Хочешь почувствовать себя руководителем проекта — потешься, Лессон, я разрешаю.

— Вы еще хуже, чем Сайверс... — ошарашенно произнесла я.

— Какой из них? Хотя — да... ничего с этим поделать уже нельзя.

Такер завел машину, а я все смотрела на него, не понимая — он сейчас что, помог мне? И снова я почувствовала, как после его слов ко мне вернулись силы, будто мне только и нужно вечно получать от него «затычки».

Полтора года прошло, а кажется, будто мы не виделись пару недель. Я чувствую все то же самое, что чувствовала, уезжая от него.

— Значит, ты решила поломать ДНК, Лессон... — заговорил Кей.

С ним мне не хочется говорить о работе. Странно, верно? И я решаюсь на провокацию:

— Вы можете кое-что прояснить, доктор?

— Надеюсь, это не касается механизма программирования клеток?

— Это касается вас.

— Меня?

— Лично вас.

Это совершенно не к месту, но Такер не удивился, лишь бросил на меня быстрый взгляд через зеркало.

— Хочешь поговорить обо мне? — будто не веря, снова спросил он.

— Да.

— Не лучшая тема для разговора.

— Возможно, но вы пропустили поворот, поэтому у нас есть время, пока вы будете делать круг.

— Отлично, — усмехнулся он. — И? Что тебя интересует?

— Почему вы развелись?

И снова он не был удивлен, по его лицу скользнула тень напряжения и тотчас исчезла.

— Из меня вышел плохой муж, — ответил Такер, — семья, пусть даже она и состоит из двоих, отнимала слишком много времени.

— Это ложь, — изрекла я после минутной паузы. — Вы развелись не из-за этого.

— Да ну? — а вот теперь Кей удивился.

— Вы просто слишком высокого мнения о себе, а в таком случае даже очень красивая женщина не будет для вас идеалом. Помимо внешности у нее должно быть что-то еще...

— Скажи, где повернуть, Лимма... — уклонился от ответа Кей, — я плохо знаю город.

— Дуплекс, Лессон? — Такер оглядел дом через лобовое стекло машины. — Вижу, в университете тебе платят больше, чем платил тебе я.

— Меня там и ценят больше.

Я смотрю на крыльцо своего дома, на смешные разноцветные ленточки, навешанные на кованых перилах. У моих соседей две дочери, которые на прошлой неделе в честь городского праздника разукрасили дом. А еще они принесли мне пирог, зная, что я живу одна и целыми днями пропадаю на работе. Черт побери, как же я прикипела к своему новому жилищу за эти полтора года! И не только к нему, но и к виду из окна, к парку, к маленькому ресторанчику неподалеку... ко всему Элентропу.

— Ну что ж, Лессон... — Кей разблокировал двери, повернулся ко мне.

Он собирался попрощаться.

Он — мой бывший руководитель, который доводил меня до иступления, тиран и мой личный гений... Он — мужчина, которому я не хочу говорить «прощай».

— Хотите зайти?

— Хочешь, чтобы... — недоверчиво произносит доктор. — Приглашаешь меня на чай?

Женщина приглашает мужчину на чашку чая неспроста. Всем известно: чай здесь ни при чем.

Разумеется, Такер не может поверить. Я ведь не та девушка, которой нужен только секс, верно? Или та? Растерянность в его глазах так очевидна, что я решаю окончательно его запутать:

— На кофе. Черный. Без сахара.

Мне в новинку видеть этого человека в смятении. Он бросает взгляд на наручные часы и отвечает:

— Мне улетать через час.

— Тогда удачи, доктор Такер, — я толкаю дверцу, выхожу из машины.

Вечерний воздух колол, я поеживаюсь, бегу к крыльцу. В этом году весна в Элентропе выдалась холодная, не в пример теплему каптийскому климату и жгучему морозу Вейсмунда. Это была золотая середина. Как по мне — идеальная.

— Лессон!

По моей спине пробегает электрический импульс. Внутри все сжимается в комок, а на губах появляется торжествующая улыбка.

— Перед твоим кофе сложно устоять.

И не только перед ним, уж поверьте, доктор!

Моя квартира на втором этаже. Мы поднимаемся молча. У меня такое чувство, будто Такер впервые абсолютно не уверен в том, что делает.

Я могу смело гордиться своим домом: у меня идеальный порядок, в гостиной «живой» камин с лепниной, на мраморной каминной доске две

фотографии в рамочке — здесь мама, Дейна и я — перед камином большое глубокое кресло с темно-зеленым пледом, рядом диван, у стены полка с книгами, а на полу ворсистый белый ковер. В углу домик для моей кошки, она вылезает оттуда, неспешно потягиваясь.

— Неплохо, — Такер с интересом озирается по сторонам, разглядывает фотографии, берет их в руки, касается пальцами мраморной доски, подходит к дивану и снова касается, а затем резко поворачивается и так же тщательно разглядывает меня. — Живешь здесь одна?

Никогда не видела Кея таким задумчивым, напряженным и строгим. Интересно, что он имеет в виду? Нет ли у меня любовника?

— Нет, — отвечаю.

— Нет? — Кей бросает на меня быстрый взгляд.

— Со мной живет Кассиопея, — я беру в руки кошку, — сокращенно — Кесс.

— Твоя Кесс не против гостей? — улыбается Такер, подходит к книжной полке, бегло оглядывает корешки книг, замечая, наверное, свою собственную, которую я грозила сжечь.

— Она дружелюбная.

Доказывая это, кошка спрыгивает с рук, бежит к Такеру и трется об его ноги. Пока он осторожно берет животное под передние лапки и заглядывает Кесс в глаза, я снимаю туфли, становясь сразу на несколько сантиметров ниже.

— Так что насчет кофе, Лессон? — спрашивает Такер. — Где у тебя кухня?

Этот вопрос застает меня за расстегиванием пуговиц пальто. Я медленно поднимаю голову.

До сих пор я даже не смела представить себя и этого мужчину занимающимися любовью. От одних лишь мыслей об этом я теряла осознание действительности.

— Предпочитаете секс на кухне, доктор Такер?

Мне сложно вынести взгляд, которым одарил меня Кей. Это не взгляд, это орудие пыток. Я не хочу краснеть, но чувствую, что краснею. Да чего уж там, сгораю со стыда.

Эффект от моих слов тот, что надо — Такер медленно отпускает Кесс на пол и подходит ко мне. Его шаги такие оглушительные, весомые, твердые!

— Мне это снится... — произносит он едва слышно.

Мужчина притягивает меня за талию, а затем касается моего приоткрытого рта указательным пальцем, окончательно смазывая помаду.

Ему нравится наблюдать, как подрагивают мои губы, как учащенно я дышу, как трепещет жилка на моей шее.

Кей Такер совершенно не романтичный и не трепетный любовник, в чем я убеждаюсь очень скоро, потому что он заставляет меня пятиться до тех пор, пока я не упираюсь спиной в подоконник. Мы все еще в гостиной, за окном чудесный прохладный вечер, а Кей склоняется ко мне, чтобы поцеловать. Нет, не так. Поцеловать — слишком невинное слово! Он оттягивает мой подбородок вниз, заставляя губы распахнуться, а затем глубоко и беспощадно проникает в мой рот языком.

Его пальцы скользят по моей щеке, в волосы и сжимаются в кулак — он держит крепко, и вряд ли даст мне право передумать.

Он посасывает мою губу, а затем ласкает языком... очень горячо! Я задыхаюсь от удовольствия, стыда, предвкушения. Как бы грубо и физиологично ни прозвучало, но я промокла. Хочу ощутить касание там...

Мужская ладонь скользит по моему бедру лишь затем, чтобы задрать юбку. Одновременно Такер прижимает меня к себе, и я ощущаю его эрекцию. Не успеваю даже всхлипнуть, рывком он приподнимает меня за ягодицы и сажает на подоконник, на самый край, устраиваясь между моих ног. Никакой нежности!

Он сделает это прямо сейчас!

— Доктор Такер...

Он тянет меня за волосы, а когда я запрокидываю голову, влажно и горячо целует в шею.

— Что, Лессон? — шепчет мне на ухо.

Какой же сладкий, соблазнительный шепот.

— Я должна кое-что вам сказать...

Мужчина не снимает с меня блузку, а лишь запускает под нее руки и добирается до лифчика, стягивает вниз, чтобы коснуться груди.

— У тебя нет презерватива, Лимма? — тихо смеется.

Настойчивое поглаживание приводит к ужасному — я возбуждена до предела.

— Я — девушка.

Такер отстраняется, чтобы посмотреть на меня, и я вынуждена признать, что боюсь его реакции. Он и подумать не мог о том, что у меня никого не было. И до этого момента он вел себя соответствующе: несдержанно, нетерпеливо, резко. Он смотрит на меня удивленно, ласково проводит по щеке, и я подаюсь вперед, чтобы поцеловать его, нарочито нежно и медленно.

— Хорошо, Лимма, — шепчет Кей мне в губы, — в твоём доме есть

кровать?

Он позволяет мне спуститься с подоконника. Я беру мужчину за руку и веду в спальню. Разумеется, я делаю вид, что спокойна, хотя к черту спокойствие, у меня трясутся руки.

Вряд ли Такер способен восторгаться интерьером, его волнует исключительно постель.

— Вы сами разденете меня? — мой невинный вопрос заставляет его напрячься.

Еще никогда мне не было так приятно видеть лицо этого человека. Невозмутимый, решительный и ироничный, ага! Сейчас он едва ли сохранял способность держать себя в руках.

— Лимма, прошу, не задавай никаких вопросов, — его шепот такой горячий и даже злой.

Думаю, он заведен до предела. Его утешает только одна мысль — я не передумала, не шарахаюсь от него, и совсем скоро он окажется внутри меня.

Да. Он предпочел раздеть меня сам.

Сначала мы расстаемся с юбкой и блузкой, а затем широкие ладони скользят мне за спину, чтобы избавить меня от лифчика.

Взгляд Такера такой острый, что я не могу смотреть в его глаза. Тянусь за очередным поцелуем, покорно и безропотно приоткрываю рот, чтобы ощутить прикосновение его языка.

Очень приятно. Но пульсация внизу живота и вполтину не сравнится с той эйфорией, которая кружит голову, потому что я хочу Кея не только телом, как было с Питтом. И хочу с такой же сумасшедшей страстью и нетерпением, с какой он снимает с меня последний предмет одежды.

Я сажусь на край постели, тянусь к ремню Такера, а он с удивлением и каким-то звериным удовольствием наблюдает за тем, как я, абсолютно нагая, расстегиваю его брюки. Его рука касается моих волос — он гладит меня, поощряет.

— На кровать, Лимма... — выдыхает мужчина.

Я забираюсь на постель, ложусь на спину. Гладкая простыня приятно холодит кожу.

Наверно, я сошла с ума — закидываю вверх руки, касаясь пальцами прохладной спинки кровати, и широко развожу бедра. В таком положении я встречаю своего мужчину.

Но прежде он смотрит на меня, стоя у постели. А ему открывается довольно бесстыдный вид.

Такер раздевается, а меня переполняют эмоции — я не могу смотреть.

Мой новенький матрас скрипит — на нем никогда не было никого тяжелее меня. Кей оказывается надо мной, склоняется к груди, захватывает сосок губами. Не могу совладать с собой — дышу часто, хрипло и прикрываю веки.

Наконец, чувствую, как мужчина опускается на меня. Сдерживаю стон, закусив губу, но Такер отчитывает горячим шепотом: «Нет, крошка, не надо...» Он хочет услышать.

И снова целует дико и горячо. Сейчас это уместно, это кружит голову, заставляя волны удовольствия прокатываться по телу.

Его рука настойчиво скользит по моему животу вниз, между ног, а затем он погружает в меня палец, понимая, что мне не нужно никакой подготовки. Я не свожу ноги, напротив. Задерживаю дыхание — его плоть медленно входит в меня. Знаю, что почувствую боль, но разве это сопоставимо с полученным удовольствием?

Такер не пытается отвлечь меня поцелуем, его ладонь опускается мне на шею, указательный и большой пальцы касаются подбородка. Он хочет смотреть на меня и не хочет, чтобы я отворачивалась. Ему нужно видеть что-то в моих глазах именно в тот самый момент.

Короткий поцелуй.

Я знаю, что он сделает это сейчас, и кусаю губы, на что опять слышу: «Нет».

Мужчина толкается, довольно резко. Смотрит на меня — боже мой, как же он смотрит!

Я не сдерживаю стон, лишь слегка морщусь от боли. Такер поощряет — целует очень ласково, медленно. А затем снова входит в меня. И больше он не дает мне ни секунды перерыва. Его рука перемещается мне на затылок, приподнимает голову, дабы наши губы соприкасались. Но теперь он не останавливается, он движется во мне резко, толчок за толчком.

Уже не слышу себя, забываю обо всем. Касаюсь ладонями его груди, ощущаю под пальцами влажную горячую кожу, веду к плечам. Как же мне нравится его тело, напряженное, сильное, горячее и покрытое испариной.

Ситайки, говорят, испытывают оргазм чаще и сильнее, чем человеческие женщины, и доставляют мужчине больше удовольствия за счет внутреннего строения тела. Хотя природа создала нас так, что мы отлично сочетаемся и вполне можем создавать семьи. Я пример тому, ведь моим отцом был человек.

Хотя сейчас мне глубоко плевать, что говорят. Я прижимаюсь к губам Такера, потому что с ним хорошо, потому что наслаждение уже захлестывает меня. Все, что он делает со мной, так стыдно, но — небо! —

так восхитительно.

Я запрокидываю голову, запуская пальцы в челку, и, наконец, ощущаю чистейшее, сильное и неконтролируемое удовольствие, которое накрывает, словно волна.

Думаю, Кей ждал этого, потому что с его губ срывается хриплый мужской стон. Я ощущаю его сперму на животе. А затем получаю очередной вкусный и ласковый поцелуй, свидетельствующий о том, насколько доволен мой мужчина.

Я много слышала о том, что после секса люди вместе засыпают. Но, черт возьми, разве после этого можно спать? Меня переполняют сумасшедшие эмоции. Разве может быть так бесконечно хорошо?

Такер один из тех, кто курит в постели. А еще он смотрит на меня таким собственническим и удовлетворенным взглядом, что я готова провалиться сквозь землю.

— Может, вы все-таки хотите кофе? — мой голос охрип.

Кей отвечает не сразу. Мне кажется, он еще не до конца верит, что все это произошло на самом деле.

— Хочу.

Я лениво поднимаюсь с постели, набрасываю халат, а Такеру показываю полотенце.

— Тогда вам придется пойти на кухню, со мной. В этом.

— В розовом полотенце?

Мужчина поднимается. У меня есть прекрасная возможность окинуть его взглядом — всего. Несмотря на его безупречный вкус, без одежды он просто невероятен. Он повязывает полотенце вокруг бедер, подмечая, что я не отрываюсь от созерцания его тела. Интересно, что он думает сейчас? Обо мне, после того, что случилось?

— Ну, теперь мы оба выглядим прилично, — говорю я.

Он обхватывает ладонью мой затылок и целует в губы. Ох, неужели он умеет целоваться вот так — с благодарностью, медленно, нежно и почти невинно?

Моя кухня — это оплот одиночества. Я бываю здесь редко, в основном чтобы взять корм для Кесс.

— Есть только растворимый...

Такер на удивление молчалив. Он расположился за столом и не спускал с меня глаз.

Не хочу, чтобы он теперь думал, что обязан мне по гроб жизни за этот секс. Жениться я его не заставляю и ни в чем упрекать не намерена. Я просто безумно хотела провести с ним эту ночь, пусть даже наутро он

уедет. Я к этому готова.

— Можете расслабиться, — я ставлю перед ним чашку, а мужчина закуривает очередную сигарету. — Хотите что-нибудь сладкое?

Этот вопрос звучит двусмысленно, и Такер вскидывает глаза.

— У меня есть чудесные пирожные, доктор, — пожимаю плечами.

— Лимма, ты можешь обращаться ко мне на «ты» и по имени? — наконец, спрашивает он. — А то это все напоминает мне ролевые игры «доктор и его стажерка».

Я невозмутимо достаю из холодильника пирожные, ставлю на стол, молчаливо распаковываю, окунаю палец в крем и пробую на вкус.

— Часто приходится играть? — усмехаюсь, а затем смотрю на часы: — Кажется, вы опоздали на свой рейс... на полчаса.

— Упрекаешь меня в том, что я сделал все очень быстро? — к нему возвращается прежняя язвительность.

Я склоняюсь над столом и целую Такера в губы, а затем шепчу:

— Я ни в чем вас не упрекаю... и я знаю, что произошедшее никак не повлияет на ваше отношение ко мне. Просто... я этого очень хотела.

Он не дает мне вернуться на место, схватив за подбородок:

— Тогда, может, повторим все это, Лимма?

Глава 30

— Ген p21 блокирует процессы восстановления. Эксперименты с этим геном уже проводили, но это влекло повреждение ДНК и прогрессию клеточного цикла, а значит, и риск возникновения раковых опухолей.

Пресса, студенты, зеваки — аудитория вместила всех желающих.

Мой голос не дрожал, он был тверд. Я перестала робеть перед публикой.

Каселл стоял рядом и держал на поводке Лаффи, которая активно крутилась возле мужских ног и нетерпеливо тявкала. Ее взгляд был заискивающим и просящим — просто Лаффи не догадывалась, насколько она важна. У нее короткая жесткая шерсть молочно-белого цвета, длинные лапы и острые уши — во всем беспородная, но есть то, что делает ее особенной. Лаффи — собака, которая еще пару месяцев назад не имела задних конечностей.

— Нам было нужно понять, сохранилась ли на генетическом уровне память о механизмах регенерации, которые были утрачены нами в ходе эволюции, — я подошла к доске, на которой написала маркером «иммунная система». — Сейчас именно иммунная система отвечает за наше здоровье, но в то же время она подавляет процессы регенерации, не дает клеткам внутри организма бесконечно делиться. Поэтому изъять из организма ген p21 без последствий невозможно. На этом можно было поставить точку, если бы не одно «но», — я вывела на доске слово «время». — Иногда время может сыграть с нами злую шутку, но иногда оно — наш верный помощник. Я допустила, что смогу «отключить» p21 на определенный период, необходимый для восстановления тканей, и ускорю процесс регенерации от нескольких месяцев до нескольких часов. Нам удалось получить на поврежденных участках бластему, из которой и сформировалась поврежденная или утраченная ткань. Мы пока не добились того, чтобы процесс регенерации происходил автоматически, «включая» и «выключая» необходимый ген, а пошли по пути введения лекарств локально. И посмотрите на Даффи. У нее четыре лапы вместо двух.

На это превращение ушло три месяца — ничтожный срок для науки.

— На данный момент наша технология позволяет провести испытание на людях, и мы уже заручились одобрением этического комитета.

Я кивнула Каселлу, и тот осведомился: «Еще вопросы, господа?»

Ничто не может выбить меня из колеи.

Бесконечные провокационные интервью, которые в последнее время сыпались на меня, как из рога изобилия, только оттачивали умение держаться на публике. Поэтому я с охотой отвечала на любые вопросы. До поры до времени, да.

— Кей Такер работает над проектом схожей направленности. Какова вероятность, что он опередит вас?

Кей Такер.

Кей.

Хорошо, что я не вижу собственного лица. Хотя чувствую, как пылают щеки.

— Работа доктора Такера... более масштабна. Некорректно говорить о сроках ее исполнения, не зная определенных тонкостей, — и куда же подевалась вся уверенность?

— И все же вас постоянно сравнивают.

Потому что мы оба хотим того, что раньше считалось фантастикой.

— Не думаю, что это... — господи, как же сложно подбирать нужные слова, — правильно. Доктор Такер...

— Он был вашим руководителем, верно? Какие между вами сейчас отношения?

Мои пальцы сжимаются.

Впервые за несколько месяцев мне снова неловко. Хочется выбежать из аудитории, спрятаться в кабинете и зажать уши руками.

Отношения? Хм...

Мы не виделись три месяца.

После той ночи он улетел в Вейсмунд, на этом все.

Да, я всем своим видом показала ему, что ничего от него не требую, что произошедшее — лишь блажь, попавшая мне в голову, или всплеск гормонов, или... Все это неважно! Не женится же он на мне, в самом деле, так зачем все усложнять обязательствами, на которые он не готов?

В последнее время я слишком часто вспоминаю ту ночь. Я не могу не думать о ней, стоя в душе и чувствуя, как горячие струи воды бегут по телу, не могу не думать о ней на кухне, касаясь ладонью прохладной поверхности стола, и, наконец, я не могу забыть о ней, заходя в спальню и засыпая в холодной постели. Та ночь стала для меня чертовым откровением. В моей квартире не было комнаты, где бы мы не занимались любовью. И не потому, что мы хотели разнообразия, просто страсть застигла нас врасплох, где бы мы ни находились.

Каселл тактично покашлял, выводя меня из задумчивости.

— Думаю, на сегодня хватит вопросов, — вымолвила я.

Воспоминания сводят с ума.

Каселл остался и позирует с Лаффи, которой тоже нравится внимание, а я выхожу из аудитории.

Я юркнула на улицу, чтобы, преодолев внутреннюю площадку, оказаться в лаборатории. Мне нужно заняться делом, это всегда помогало. Работа — это то, что надо.

— Лимма!

Я уже прикоснулась к дверной ручке, как меня обездвижил этот весьма знакомый голос. Я бросила взгляд через плечо и закатила глаза — этого еще не хватало!

Питт!

Вернее, господин Сайверс, женатый мужчина, начальник какого-то департамента в семейном бизнесе Сайверсов и мой возможный родственник. Не скажу, что встреча приятная.

Наверно, это так явно читалось в моем взгляде, что Питт некоторое время молчал.

— Я слышал твою речь про реинкарнацию, — наконец, вымолвил Сайверс, подходя ближе.

— Регенерацию, — спокойно поправляю.

Я окинула его взглядом: солнцезащитные очки на воротах серой футболки, узкие джинсы, неизменно одна рука в кармане.

— Мне бы с тобой поговорить, Лимма, — решается он на правду, — наедине, если можно.

Мне вспомнился случай на поле, когда я пришла к Питту, чтобы поговорить. Он толкнул меня плечом и прошел мимо. Но вот незадача — я совершенно не сердилась на него. В свое время я бежала от него в Вейсмунд, думая, что он — любовь всей моей жизни. Теперь я живу не просто в другом городе, но точно в другой реальности.

Итак, мы расположились в моем кабинете: я — за своим рабочим столом, мужчина — передо мной. Он совершенно не такой, каким был в моих романтических грезах. Я вдруг с недоумением поняла, что никогда не любила его по-настоящему. Ни его фальшивый взгляд, ни приторный голос, ни уложенную насмерть прическу.

Сайверс тоже внимательно рассматривал меня.

— Хорошо выглядишь, — оценил он.

Блузка, юбка, каблуки и минимум макияжа — да брось!

Дело было не в моем облике. Рядом с Питтом я ощущала себя зрелой женщиной, прошедшей испытания болью, отрицанием, горем.

— Что-то случилось, Питт?

— Ты добила́сь того, чего хотела, — произнес он, озираясь по сторонам. — А вот у меня не сложилось... я женат на самой последней дряни и...

— Что-то случилось, — с нажимом, — Питт? Я чем-то могу тебе помочь?

— Да, — его взгляд, наконец, сфокусировался на моем лице. — Лимма, бизнес нашей семьи тесно связан с научной деятельностью. Мой дядя возглавляет совет ММА. Ты знаешь, о ком речь. Вы знакомы. У него тяжелое заболевание. Он умирает.

— Что он хочет от меня, Питт? — перебила я. — К сожалению, я бессильна против лейкоза.

— Файмс хочет решить все мирным путем. Он не хочет лишать тебя работы и передавать начатый тобой проект другому лицу. Но ты вынуждаешь его сделать это.

— Моя вакцина не спасет его от рака крови. Если я уеду в Вейсмунд, то потеряю время и не помогу тем, кому могу помочь.

— Ты не знаешь влияние семьи Сайверс, Лимма, — произнес Питт. — Если ты откажешься, это будет концом твоей карьеры. Мне очень сложно говорить тебе об этом, но это правда.

— А если у меня не получится, — усмехнулась я, — он об этом не думает?

Некоторое время Питт молчал, постукивая пальцами по подлокотнику.

— Знаешь, Лимма... никто тебя не осудит, если у тебя не получится, — его взгляд столкнулся с моим взглядом. — Понимаешь?

Я молчала, а Питт вдруг подался вперед.

— Ты не можешь быть всемогущей...

Кажется, я начинаю понимать вещи, которые казались мне невероятно сложными еще некоторое время назад. Господин Файмс одинокий вдовец, в случае смерти его единственным наследником будет его брат.

Мать Питта ненавидела меня не потому, что я завела роман с ее сыном, а потому, что я могла претендовать на наследство.

Посему никого не волнует жизнь Файмса так, как волнует его смерть.

— Я, кажется, поняла тебя, — произнесла я.

— Если ты поняла все правильно, то моя семья выплатит тебе определенное вознаграждение, и ты, как и раньше, будешь заниматься наукой.

— Тогда передай господину Файмсу, что я принимаю его предложение, но у меня будут определенные условия.

— Условия?

— Размер моей заработной платы, к примеру. Условия проживания... Перелет тоже будет оплачен им.

Мои слова достигли цели — Питт был полностью удовлетворен видимостью моего согласия.

— Хорошо, что ты согласилась, — улыбнулся он.

Черт бы его побрал, а ведь он не знает, что я в курсе той ужасающей правды, которую все скрывают и о которой он говорил с моей матерью накануне ее смерти.

Я тоже выдавила из себя улыбку. Не ровен час, Питт, все изменится!

Глава 31

Хочется верить, что я все еще такая, как прежде.

Объемный пуховик, вязаная шапка и грубые ботинки — это воскрешало во мне Лимму-вечную-стажерку. В чем-то подобном я приехала в Вейсмунд в прошлый раз. Самое главное, это спасало от холода, жгучего ветра и крупного пушистого снега, который шел уже третий день кряду.

С собой у меня ничего. Багаж остался в отеле, в номере, который оплачен из кармана Файмса Сайверса. От него не убудет, считаю.

Пока иду пешком, продумываю, что буду говорить. Может, мне стоит начать с простого: «Привет!» или «Как дела, док, давно не виделись?», а может: «Заехала сказать тебе спасибо за тот незабываемый секс, когда мы не могли оторваться друг от друга ни на секунду, даже в душе...» Боже, и о чем я думаю?

В Вейсмунде я не только чувствую себя прежней ситайской девочкой, но и думаю, как она. И эмоции переполняют меня через край, как и раньше. Я снова боюсь Такера. Если я увижу пренебрежение в его глазах, то умру на месте. Он просто подумает: «И что нужно этой никчемной девчонке, раз она притащилась сюда из Элентропа?»

Я здорово искусала себе всю губу, мои щеки горели от мороза и стыда, глаза лихорадочно блестели. Когда я вошла в Центр и пожелала увидеть Кея, я, наверно, выглядела не лучшим образом.

Лифт, коридор, лестница... я несколько раз замедляла шаг. Беги отсюда, беги, Лессон! Разве ты мало страдала? Кей Такер — очередное искушение, которое не дает тебе покоя три проклятых месяца.

С другой стороны, может, эта встреча пойдет мне на пользу? Я, наконец, смогу убедиться, что ничего не значу для этого человека.

Впрочем, зачем я терзаю себя? Я ведь приехала по делу. Ага, убеждай себя в этом, Лессон!

И с каких пор я разговариваю сама с собой? Это чертова паранойя...

— Лимма! Подруга!

Я вздрагиваю так, будто за спиной взорвалась бомба. Хотя утверждать обратное тоже не могу, радость Шейлы — еще та термоядерная смесь.

— Какими судьбами? Да ты теперь у нас знаменитость!

Удивленная, я безропотно принимаю ее приветствия, а затем и объятия. И это приятно. Даже очень.

— Как твои дела, подруга?

Шейла спрашивает абсолютно искренне, и мне остается только смущенно улыбнуться и пожать плечами. Дело в том, что с некоторых пор я сама не знаю, как обстоят мои дела. С одной стороны, я даю по десять интервью в неделю, и моя физиономия украшает обложки нескольких весомых изданий, с другой стороны — я на грани катастрофы и полного забвения.

— Отлично, — тем не менее, лгу. — Хотела повидать Такера.

— Такера? — как-то неуверенно протянула Шейла.

— Да. Он у себя?

На самом деле, у меня не хватило духу ему позвонить, поэтому я решила сделать ему сюрприз. Такой очень странный сюрприз.

— Лимма, здесь кое-что... эм... пойдём.

Я, конечно, встретила Лойса и Гаред, которые приветствовали меня хлопками и дружным смехом. Провалиться бы сквозь землю, но это было очень мило и здорово выбило меня из колеи.

— Ладно-ладно, — вдруг произнес Лойс, — я давно хотел сказать, что всегда завидовал тебе, Лимма. У тебя не только соблазнительные ножки...

Шейла пихнула его локтем.

— Не слушай этого идиота. Лучше расскажи, как там Элентроп? Уже присмотрела себе жениха?

— О, опять этот женский треп, — закатил глаза Лойс и усмехнулся: — Да не смотрите на меня так, я даже успел по нему соскучиться.

— Твой приезд нужно отметить, — сказал Гаред.

— Отличная идея, — просияла Шейла, — мы давно не собирались. Последнее время работали как проклятые, а сейчас... Как ты смотришь на то, чтобы отметить в пабе?

— Возможно, чуть позже. У меня есть некоторые дела.

— Я читала о тебе в сети... прям истерия какая-то в научных кругах... — засмеялась Шейла. Ее смех был очень заразителен.

— Она недоговаривает, — доверительно сообщил мне Лойс. — Она включает все твои интервью и заставляет нас смотреть!

— Гаред, поддержи-ка этого кретина, я выбью из него все дерьмо...

Напрасно Шейла просила об этом Гаред, тот уже давился от смеха.

— Мы сейчас меньше всего напоминаем взрослых разумных людей, — сказал он.

Пока они обменивались репликами и откровенно подтрунивали друг над другом, а я отвечала на это улыбкой, мой взгляд был прикован к двери в кабинет Такера.

Расстояние до кабинета оставалось ничтожным, и в то же время громадным, как пропасть.

— Лимма, так ты выпьешь с нами кофе?

— А? Да... хорошая идея, — бросила я на автомате. — Сначала только зайду к Такеру.

— Лимма, дело в том... — ответила на это Шейла. — Эм... Кей сломался.

Лойс и Гаред вдруг замолчали, а я перевела на Шейлу недоуменный взгляд.

— Прости? — странно слышать слово «сломался» в сочетании с именем Такера. Даже бредово.

— Теперь это кабинет Велмана, но ненадолго, — сказал Гаред. — Должны прислать сюда какую-то шишку из Элентропа.

— Постой, — до сих пор не могу поверить, — вы о чем?

— Такер был сам не свой последнее время, — произнес Лойс, — послал к черту совет, уничтожил результаты своих исследований и пустился во все тяжкие и, кажется, плевать он хотел на науку и на нас всех, вместе взятых. Велман говорил с ним несколько раз, но все без толку.

Да бросьте! Такер не из тех, кто сдается или с бухты-барахты кардинально меняет свою жизнь. Хотя в том, что происходит, прослеживается логическая цепочка. Такер послал все к черту, а ко мне нагрянул Питт с настойчивым предложением от Файмса.

Я нетерпеливо вошла в кабинет, застав за рабочим столом Велмана. В кабинете больше не пахло сигаретами, парфюмом и крепким кофе. Здесь все изменилось...

Проклятье! Все, что мне сказали, — правда.

И очень скоро я осознала, насколько эта правда страшна.

Велман встретил меня тепло, и некоторое время мы беседовали ни о чем, хотя он наверняка знал, что меня интересовала только одна тема.

— Уверен, тебе уже все рассказали, — произнес мужчина, не поднимая взгляд.

— Почему он ушел?

— Я знаю Кея десять лет. Он одержим наукой. Но сейчас что-то в нем надломилось... Ему нужно время. Хотя... — Велман устало отер лицо, взглянул на меня доверительно: — Я не понимаю, почему сейчас. Он... черт, я до сих пор не могу поверить в это.

Если сказать, что я была ошарашена, это ничего не сказать. Мне казалось, что мир катится под откос. Знать бы почему.

— Он уволился из университета?

— Подал документы еще месяц назад, — вымолвил мужчина. — Но в больнице еще оперирует, — Велман вздохнул и взглянул на меня: — А ты? Какими судьбами в Вейсмунде?

— Нужно уладить кое-какие дела с родней, — отозвалась я.

— Лимма... — Велман закусил губу, глядя мне в глаза странным долгим взглядом. — Все изменилось после его поездки в Элентроп... во всяком случае, начало меняться. Вы с ним виделись, верно?

— Он ничего не говорил о своих планах...

Мужчина подался вперед, наклонился над столом и прошептал доверительно:

— Я должен кое-что сказать, Лимма, но... желательно не здесь.

Странное, неприятное чувство кольнуло в самое сердце. Велман заговорил:

— Нам сказали, что приедет специалист из Элентропа, чтобы возглавить проект для Файмса, и я полагаю, этот специалист — ты.

Я кивнула.

— Где ты остановилась?

— В отеле неподалеку.

— Я отвезу тебя, и мы поговорим. Хорошо?

Отрицательно качнув головой, я пояснила:

— Не в отель. Мне придется кое-куда заехать. Я скажу адрес.

— Отлично.

Когда говорят, что любопытство сводит с ума — это не просто слова. Я сидела в транспортнике доктора Велмана, наблюдая, как тают снежинки на моих перчатках. Сейчас у меня было странное ощущение, будто я никогда и не уезжала из Вейсмунда, будто не было тех полутора лет адской работы, успеха, признания. Мне казалось, я шагнула назад, в густую метель вейсмундовской ночи, потерялась, шла на ощупь... и мне хотелось нащупать в пурге руку, которая всегда была тверже камня, которая могла вести, которая принадлежала человеку, коим я восхищалась. И вдруг эта рука ускользнула, и я снова заплутала. Странно, какое влияние был способен оказать на меня Кей Такер одним лишь фактом своего существования, своего безустанного движения вперед.

— Я рад, что ты приехала, — улыбнулся Велман. — С тобой нам будет приятно работать.

Под мерную качку езды я засыпала. Наверно, я слишком сильно устала.

— Черт, Лимма, — вдруг усмехнулся мужчина, бросая на меня взгляд, — Такер убьет меня, если я тебе все расскажу.

— Расскажите что?

Велман некоторое время молчал, пожевывая губу, затем произнес:

— Об этом никто не знает, кроме меня и него. И он будет не в восторге, если узнаешь ты, но я не могу держать это в себе. Понимаешь, Лимма, я так же, как и он, шел к этому десять лет, и просто забыть теперь... в один миг? Нет, я не смогу.

От напряжения у меня запульсировало в висках — еще никогда я не пыталась сложить «логический пазл» в таком темпе. Слишком мало информации, чтобы сделать вывод, что случилось в голове Такера, раз он решил все бросить.

— В общем, — пару секунд Велман смотрел на меня, собираясь с духом: — Такер не просто ушел. Он... он сделал это. Сделал, понимаешь?

Я отрицательно мотнула головой.

— Его капсула работает, Лимма.

— Что значит — работает?

— Это значит, что она способна вырастить из одной-единственной клетки организм с набором генотипа донора и с его сознанием.

Я шумно сглотнула.

— Но Такер запретил обнародовать результаты. Я даже отчеты в ММА подавал липовые последние несколько месяцев... А потом он просто все уничтожил.

Мы с Велманом некоторое время молчали, размышляя.

— В это сложно поверить, — наконец, вымолвила я.

— Да уж... — усмехнулся Велман.

Мне нужно срочно увидеть Такера. Теперь я хочу этого еще сильнее, чем раньше.

Но прежде, чем встретиться со своим бывшим руководителем, мне придется навестить Файмса, ибо этот человек уже заждался.

Велман, разумеется, сразу понял, куда привез меня. Но, к счастью, он не стал задавать лишних вопросов.

Сначала я увидела лишь ворота. Меня встретил поверенный Файмса, приказал следовать за ним. Скажу откровенно, давно я не видела такой роскоши. Огромный величественный особняк, шикарный зимний сад, везде пункты охраны, у дверей стоит женщина в строгом деловом костюме — все так, словно меня ведут к персоне галактического масштаба.

— Господин Сайверс нездоров, — с ходу сообщила женщина, распахивая передо мной дверь, — прошу, не нагружайте его лишней информацией, если что-то пойдет не так, в кабинете есть кнопка вызова.

Чем ближе мы подходили к кабинету Файмса, тем тяжелее

становилось у меня на душе.

— Ему незачем нервничать, — холодно предостерегла женщина, оказавшаяся его лечащим врачом. — Время вашего свидания будет ограничено, вы же понимаете, в его состоянии ему показан полный покой.

Кабинет Файмса Сайверса потрясал. Но по сравнению с кабинетом сам Файмс выглядел не так презентабельно.

Он встретил меня, сидя за рабочим столом. Худой, бледный и изнеможенный, он не был похож на того человека, которого я видела на приеме почти два года назад. Теперь это была живая мумия, одетая в дорогой костюм. Цепкий взгляд приклеился к моему лицу, как только я вошла в комнату.

— Рад, что вы приняли мое предложение, госпожа Лессон.

Каких же трудов мне стоило абстрагироваться от мысли о его возможном отцовстве.

— У меня не осталось выхода, если честно, — вымолвила я, подходя ближе и присаживаясь напротив него. — Но хочу, чтобы вы уяснили сразу: я не занимаюсь лечением лейкоза.

В большой светлой комнате — холодной и пустой, словно в больничной палате, — я чувствовала себя неуютно. Сцепила под столом пальцы.

— Я исчерпал все возможные варианты, и теперь у меня тоже нет выхода. И времени.

Я видела — он устал, он чертовски устал. На секунду мне стало жаль его. Судьба дала ему столько шансов быть счастливым, но он решил закончить вот так, и теперь ему приходится обращаться за помощью ко мне. Это, наверно, здорово его уязвляет. А может, ему совершенно плевать.

— Вы хотите заменить мною доктора Такера? — спросила я напрямую.

— Он просил не тревожить вас, Лимма... Я же могу обращаться к вам по имени? — дождавшись моего кивка, Файмс продолжил: — Но теперь все наши договоренности не имеют силы. Такер оставил проект, признав свою несостоятельность...

Я едва удержалась от дурацкого: «Что вы сказали?» Такер признал свою несостоятельность? Это что-то новенькое.

— ...это было честно с его стороны, — продолжил Файмс, — иначе он и дальше мог морочить мне голову. Теперь я хочу, чтобы вы продолжили то, что он начал.

— Вы хоть понимаете, насколько это сложно? — раздраженно осведомилась я. — Не уверена, что смогу сделать что-то большее, чем

сделал он.

Возможно, наследник состояния Файмса, Эттон Сайверс, купил Такера? Кому больше всего выгодна смерть Файмса, тот и заказывает музыку, верно?

И теперь все зависит от меня. Я могу рассказать Файмсу всю правду, а могу смолчать и протянуть время.

— Давайте обсудим условия нашего сотрудничества, — сказал мужчина, — я приглашу своего юриста...

— Подождите.

Рука Файмса замерла над кнопкой связи.

— Я помогу вам, — сказала я после секундного молчания, — но взамен вы сделаете кое-что, — я взглянула на него прямо, уверенно, пристально, — вы расскажете мне всю правду. С самого начала.

Он понял. Сразу.

В его взгляде промелькнуло сожаление.

— Госпожа Лессон, это все ваши условия?

— Все, — отозвалась я.

Его рука опустилась на столешницу.

Думаю, он не сомневался относительно ответа. Его молчание было, скорее, вызвано внутренней нерешительностью. А может, он просто собирался с мыслями.

— Хотите услышать правду касательно меня и вашей матери?

— Да.

Он поморщился.

— Вы имеете на это право, Лимма. Но мне бы не хотелось... — он осекся, видя, как я хмурюсь. — Ну, хорошо. Если вы настаиваете. Но история будет длинной.

— Я не тороплюсь.

— Ну, тогда слушайте, — откинулся он на спинку кресла и сложил на животе руки. — Все началось, когда я приехал в Каптику для заключения крупного контракта с фармацевтической компанией. Я уже был женат на нелюбимой женщине, которая знала обо всех моих изменах. К слову, она тоже не была святой. Этот брак трещал по швам, но держался только благодаря тому, что ее отец считал нашу семью идеальной. А ее отец был очень влиятельным и состоятельным человеком. Его не стоило огорчать, и мы старались поддерживать видимость семейной идиллии. Ваша мать по вечерам работала санитаркой в местной больнице. В шестнадцать лет она уже хотела быть независимой. За год до этого мы жертвовали этой больнице оборудование, и я решил нанести визит. Не знаю, как все это

закрутилось. Слишком быстро, наверное. Я провел в Каптике два месяца вместо недели, как планировал. И все это время мы встречались. А потом я уехал.

Файмс замолчал.

— И? — поторопила я.

— А потом она позвонила мне и призналась, что беременна.

— А вы?

— Хотел, чтобы она прервала беременность, — сказал Файмс, глядя мне в глаза, — я был женатым мужчиной. Надеюсь, вы понимаете, что я не мог поступить по-другому?

— Вы звонили моей матери накануне ее смерти?

— Да, — горькая улыбка тронула его губы. — Возникла щекотливая ситуация с моим племянником, которому она все рассказала. Этот мальчишка стал выпытывать все у своей матери, и она позвонила мне с просьбой поговорить с Гарверд. Ваша мать уверила меня, что вы ничего не знаете, и на этом наш разговор был окончен. Хотя, знаете, Лимма, Гарверд словно в дерьмо меня окунула.

Очень на это надеюсь.

— Почему она не сказала мне правду?

— Она вычеркнула меня из своей жизни и, наверное, из вашей тоже. Кроме того, когда завязались ваши отношения с Питтом, она не знала, кто он. А когда узнала, вы уже приняли решение в пользу науки.

Я некоторое время смотрела на этого человека пристально. Мой отец. Прямо передо мной. И хоть он редкостный козел, он не дурак.

— Вы понимаете, что ваш брат претендует на ваше наследство?

Этот вопрос не был для Файмса неожиданным.

— Понимаю, — ответил он. — И даже знаю, что вам предлагались деньги, чтобы моя смерть так и осталась для меня неизбежностью. Но я могу заплатить вам...

— Мне не нужны ваши деньги, — оборвала его. — И деньги вашего брата.

— А что вам нужно? Вы действительно поможете мне просто так?

— По-моему, мы уже определились, господин Сайверс. У меня ведь нет выбора. Скажу вам только одно. Моя бабка, Дейна Морис, когда умирала, сказала мне, что ни о чем не жалеет и что ей не нужен второй шанс. Моей матери он тоже был не нужен, она не боялась смерти. А вы, господин Сайверс, боитесь. Вы прожили эту жизнь чертовски неправильно, и теперь вам страшно умирать. И мне жаль, что вы не находите в себе сил признать это, стоя на пороге смерти.

Файмс молчал. Не потому, что ему вдруг стало стыдно передо мной. Просто он вынужден терпеть меня.

— Пожалуй, я пойду. Пришлите договор мне на почту.

— Лимма, — вдруг раздался его голос, — если вы думали, что я буду оправдываться перед вами, вы ошиблись. И я не знаю ни одного человека, который не хотел бы жить вечно.

Я усмехнулась и бросила через плечо:

— А я знаю, господин Сайверс, — и напоследок: — Всего хорошего.

Странно, но я не чувствовала ненависти.

Он — мой отец. Ну и что?

Я постараюсь не думать об этом, только и всего.

Когда я уезжала, то чувствовала себя так, будто меня покинули последние силы. Нужно собраться с духом, ибо мне предстояло самое сложное — разговор с Кеем. Правда, сначала его нужно найти.

Такер не ночевал дома. Я ждала его, сидя в машине и включив на полную печку.

Вейсмунд — чертов морозильник.

Я зла, до чертиков зла.

Уверена, Такер развлекается, пока я сижу и жду его. Проводит время с очередной «деткой». А ведь он обещал оградить меня от Файмса. Лжец! Лицемер!

Возможно, он уже тратит деньги, которые ему заплатила семейка Эттона.

Уже ночь, дальнейшее ожидание бессмысленно.

У меня был отвратительный день, так еще и это!

Я ударила по рулю ладонями, выругалась. И что меня так бесит, собственно? Разве Такер заставлял меня тянуть его в койку?

Нужно вернуться в отель. У меня так много работы в Элентропе, а я прохлаждаюсь здесь. Фармел едва отпустил, хотя и ему некуда было деваться, ибо перечить Файмсу он не мог. Уверена, моя почта ломится от писем. Каселл звонил несколько раз, но я не могла сосредоточиться на простом — выслушивании его проблем. Я постоянно думала о Такере, и это доставляло лишь неприятности.

Я опустила голову на руки, лежащие на руле. И в этот момент кто-то постучал в стекло. Вскинув голову, я тихо выругалась, приоткрыла окошко.

— Парковка здесь запрещена... — донесся до меня голос сотрудника правопорядка.

Вид у этого человека был уставший и безразличный ко всему на свете. Случись в этот момент апокалипсис, он не повел бы даже бровью. Кончик

покрасневшего носа торчал из поднятого вверх мехового ворота куртки.

— Я уже уезжаю, — заверила его.

— Осторожнее на дороге... было предупреждение о надвигающемся буране.

Отлично, да! Только это мне и нужно для полного счастья.

Нужно было взять в прокате вездеход вместо этой колымаги, которая буксовала на ровном месте.

Снег накрывает бесконечной пеленой, ветер усиливается.

Я выжимаю педаль газа, и в этот момент звонит телефон. Дотягиваюсь, включаю громкую связь, чтобы освободить руки.

— Привет, Лимма. Как добралась?

Несмотря на все неприятности, постигшие меня в этот день, я искренне рада слышать Ниллу.

— Все отлично, — отвечаю, пытаюсь придать голосу бодрости. — Еду в отель.

— Слушай, Лимма, — шепчет подруга весело, — я тут парня встретила... Он офигенный и... Ты там слушаешь?

— Да, — улыбаюсь, — рассказывай.

Едва я говорю все это, свет фар выхватывает летящий навстречу транспортник. Я резко поворачиваю руль, и в следующую секунду раздается невообразимый грохот.

Все.

Космос.

Мне кажется, я плыву в невесомости, черной, тягучей, тихой. Покачиваюсь, словно на волнах. Меня ничего не беспокоит, я просто наслаждаюсь спокойствием и чувством полной защищенности. Бесконечно долго. Слабым проблеском время от времени слышится, будто меня кто-то зовет, и мне кажется, я вижу того человека с поднятым воротом. Он говорит, чтобы я не шевелилась. Трещит рация. А еще мне кажется, будто я вижу звезды, подернутые легкой белесой дымкой. Вспоминаю, как лежала в снегу под звездным небом в ночь, когда узнала о смерти мамы. Тогда мне было холодно, сейчас нет. Но что-то общее было в этих двух случаях: мне вовсе не хотелось сопротивляться. Жить — это ведь больно. А тонуть во мраке спокойствия — так соблазнительно. Я сделала для науки то, что должна. Мне всего двадцать один, но я чувствую, словно прожила всю жизнь. Я успела полюбить... отдаться мужчине. Об этом я не жалела ни секунды. Я вдруг поняла Дейну и маму — я больше не боялась смерти. Жизнь должна быть конечна, и она этим так восхитительно прекрасна, ярка и бесценна. Я медленно растворяюсь во мраке — больше не слышу

голосов, не вижу неба. Я и есть небо...

— Общий анализ крови... Звоните в операционную... Перекладываем на счет... Раз-два...

Топот. Голоса вокруг. Резкий свет.

Я с трудом приоткрываю глаза.

Не чувствую боли, в голове шум, все точно во сне.

— Кардиограмму... Вызовите ортопеда...

Этот голос... я знаю этот голос. Эти низкие нотки, легкую хрипотцу. Этот голос так уверенно раздает команды, что я могу не беспокоиться — все будет хорошо.

— Лимма, ты меня слышишь? Крошка, посмотри на меня.

У меня едва хватает сил, чтобы произнести его имя.

— Вот отлично, — напряженно говорит он мне, а затем кому-то: — Операционная готова?

Вся эта суета... все так неважно. Знали бы они все, как ничтожна эта суета.

— Я нашла тебя, — произношу на выдохе.

Наверно, Такер считает, что я сошла с ума. Хотя нет, мои травмы оправдывают всю ту ерунду, которую я несу на полном серьезе.

— Я... нашла... тебя...

— Да, ты меня нашла, — говорит Кей. — Теперь все будет хорошо. Потерпи.

«Операционная готова, доктор!» — доносится сквозь шум.

И снова надо мной мелькает свет. Я начинаю чувствовать прикосновения... а затем меня оглушает боль. Она будто включается по щелчку пальцев.

— Сейчас ты уснешь, Лимма, — снова слышу этот голос, и это приносит мимолетное облегчение.

Я не сопротивлялась густому, тягучему сну. Мои глаза закрылись сами собой, и сознание затуманилось. А в следующую секунду я услышала:

— Лимма, открой глазки. Просыпайся, крошка.

Его голос снова вел меня. Я зашевелилась, чувствуя притупленную, но все еще сильную боль. В ноздри ударил резкий запах лекарств.

Сначала мне сложно понять, где я и что происходит. Но затем я вспоминаю, и сердце начинает тяжело колотиться.

— Все болит...

Мужчина гладит меня по волосам.

— Ты помнишь, что произошло?

Как же сложно сфокусировать взгляд на мужском лице, пусть и таком безупречно красивом.

— Я плохо вожу...

Губы Такера складываются в ласковую улыбку.

— Это поправимо, Лессон.

— У меня черепно-мозговая, да? Ребра... Нога, да? Что еще?..

Чувствую невесомый поцелуй в уголок губ.

— Ты должна отдохнуть, крошка. Я буду рядом, хорошо?

— Кей... сколько... сколько времени я здесь пробуду? — перевожу дыхание. — Мне нельзя задерживаться.

Он не отвечает.

— Кей? Ты ушел из проекта...

— Хорошо, что, наконец, мы на «ты».

— Почему ты это сделал?

— Удивляюсь, какие вещи тебя волнуют, Лессон.

— Ты сделал это из-за денег? Эттон Сайверс заплатил тебе?

Мужчина касается моей щеки, гладит, и я слышу его шепот:

— Лессон, меня нельзя купить. Просто пришло время кое-что переосмыслить. Такое случается. Со мной, правда, впервые.

— Кей...

Он целует меня и внезапно уходит.

Я еще долго лежу, пытаюсь бороться со сном, но затем уступаю. Наверно, мне стоит отдохнуть. Теперь боль — это то, что будет преследовать меня очень долго. Я прекрасно знаю, что авария вроде моей не пройдет бесследно. Поэтому мне нужны силы.

Глава 32

С моим комплектом диагнозов — хоть стой, хоть падай.

В двадцать один год быть полной развалюхой не то, о чем я мечтала.

Нилла превратилась в мою сиделку и утверждает, что ей ни капельки не сложно. Черта с два! Со мной не может быть легко.

Я не то что не могу передвигаться самостоятельно, путь до туалета — это гребаная «зеленая миля» для меня. Могу и не вернуться.

Месяц прошел, а я все еще похожа на невесту Франкенштейна, собранную по кусочкам.

Реабилитацию полностью оплачивает университет. Как и однокомнатную квартиру рядом с больницей. Неделю назад меня посетил нотариус Сайверсов. В их семье все стало очень непросто после смерти Файмса. Он умер за завтраком, сидя на стуле в своем одиноком большом доме сразу через несколько дней после аварии. Мне не довелось побывать на похоронах, но я слышала, что последняя воля умершего, изложенная в завещании, повергла всех в шок. Впрочем, официально завещание еще не было зачитано, а меня уже начали одолевать со всех сторон, ибо где-то просочилась новость, что все его имущество скоро станет моим.

Каселл педантично шлет мне отчеты о ходе исследований, а я угрожаю ему тем, что стану первым подопытным, ибо кого ж еще лечить, если не меня?

Да, у меня запланирована целая череда бесконечных процедур. И я приняла решение провести их в Элентропе. Умеренный климат сделает свое дело — я скоро буду бегать, как и прежде.

Билеты уже куплены, остается только дожждаться.

Я уже скучаю по Кесс, которая на время была вверена заботам доктора Фармела. А из него не ахти какой кошатник.

— Лимма, ты спустишься сама? — Нилла собирала сумку, сидя на кровати.

Вечно ее сборы. Все по списку. Экая педантичность.

— Нет проблем!

У меня ноги точно деревянные. На таких по сугробам не попрыгаешь. К счастью, сегодня совсем нет снега.

Я вышла на улицу, поправляя шарф и втягивая голову в плечи. Наверное, надо было подождать Ниллу. Такси еще нет, а вещей в квартире полно.

Ледяной ветерок зажуужал в волосах, а легкие обжег мороз и запах сигарет. Я резко повернулась и замерла. Замерло и мое сердце. Да чего уж там, все вокруг остановилось, потому что в метре от меня стоял Такер. На щеках щетина, ворот пальто небрежно расстегнут — последнее время Кей буквально жил в операционной.

Я, наверное, могла бы грохнуться в обморок от неожиданности. Или умереть на месте. Но сперва я хотела знать, зачем он пришел.

— Вы вовремя, — сказала, пересиливая волнение.

— ...ты отказалась от лечения.

Разумеется, он следил, насколько тщательно я выполняю все его рекомендации. Как-никак, он мой врач.

— Я пройду реабилитацию в Элентропе. Кстати, — нужно нарушить повисшее молчание, — я так и не сказала вам спасибо. Вы спасли мне жизнь.

— Не за что, — отмахнулся он. — Почему ты не предупредила меня?

— Последнее время вы были очень заняты, я не хотела вас беспокоить из-за такой ерунды. Последние недели после аварии я вам только досаждала и...

— Что? — перебил он меня.

— Я же знаю, вы нарасхват. А мне уже лучше, я не хочу вас утруждать только потому... потому, что мы с вами... были знакомы.

— Нужно проверить тебе голову, Лессон. Я серьезно.

— Не будьте таким снобом, — улыбнулась я. — Со мной все хорошо, это ваша заслуга. Вы потратили на меня и так уйму времени. Видите, я стою на своих двоих, вам больше незачем обо мне беспокоиться.

— Ты издеваешься?

— Нисколько.

— Значит, снова уезжаешь? — игнорирует мои слова.

— Да, вроде того. Теперь навсегда. Больше мне в Вейсмунде делать нечего.

Ох, только не надо так на меня смотреть, доктор Такер! Этот взгляд лишает меня уверенности в своих словах.

— Хорошо, Лимма... но позволь, я кое-что скажу тебе.

Кто ж ему запретит?

Я, наверное, никогда и ничего не слушала так внимательно, как следующие его слова:

— Я идиот, Лимма. Да, черт побери, я признаю это. Кей Такер — полный кретин!

— Не буду с этим спорить, доктор...

Он вскинул взгляд и вдруг напустился на меня:

— Знаешь, Лессон, в чем твоя проблема? Ты слишком хороша. Ты — чертово исключение из всех правил.

Я пожала плечами.

— Ты добилась своего. Доказала всем, какой охрененный ты специалист. Готов признать... Да, я готов признать это. Ты заслуживаешь... черт бы тебя побрал... уважения. Проклятье! Да, и не просто уважения. Это сложно сказать, Лессон, но... ты заставляешь... восхищаться... именно так... восхищаться тобой!

Я считала, что ничего в этой жизни не сможет удивить меня.

Я ошибалась.

Вид Кея Такера, признающего свои ошибки, просто изумителен!

— ...Можешь собой гордиться, — произнес мужчина, — ты лучше... лучше меня.

Я действительно это слышу?

— ...я вряд ли бы сделал что-то без тебя. Я десять лет бился над... впрочем, какое это имеет значение, верно? Это важно лишь для меня... чтобы чувствовать себя просто дерьмово, — рассмеялся. — Знаешь, Лимма, я могу клонировать любого человека на любом этапе его жизни хоть завтра, я могу воспроизвести его сознание, включая все воспоминания. Я могу это сделать. И я мог бы обнародовать эти результаты. А знаешь, почему я не делаю все это? — он запустил руку в карман пальто и достал некий предмет. — Из-за этого.

Я подалась вперед, чтобы разглядеть то, что он демонстрировал на ладони, и вздрогнула. Это была моя флешка. Та самая!

— Я посмотрел ее, Лессон, — произнес Такер. — Почти сразу.

Я потрясена. Не могу сказать ни слова.

— И да, она мне очень пригодилась, как видишь, — снова горький смехок. — А теперь смело можешь считать меня ничтожеством... я присвоил то, что принадлежит тебе. Мне никогда не быть номер один. И, наверно, это апогей моей карьеры. Единственное, на что я способен, — это хирургия. На весьма посредственном уровне. А все остальное твое. И проект Файмса должен быть твоим...

— Поэтому вы ушли, — догадалась я.

— Потому, что не заслуживаю... черт побери. Это неважно, Лессон. Хотя погоди, я скажу еще кое-что...

Я не верила себе — своим ушам, своему разуму.

— Ты просто сводишь меня с ума... — вдруг произнес Такер, — ...эта авария... Я думал, что привык ко всему, но видеть тебя там, это было выше

моих сил. Я не хочу даже вспоминать об этом, понимаешь? Допустить мысль о том, что ты можешь пострадать, — это просто самоубийство.

Пожалуй, я сейчас дышала через раз.

— И еще кое-что напоследок, — он пристально и жадно смотрел мне в глаза, — та ночь, Лессон... это был лучший секс в моей жизни.

Амбиции и пустая гордость — все это потеряло смысл. Только я и он — мужчина и женщина — только мы имели значение.

— Ну, теперь все, — усмехнулся Кей. — Давай! Пошли меня к черту!

И с чего он решил, что я сделаю это?

Кей Такер все такой же непрошибаемый!

Я медленно подхожу к нему — ковыляю, как могу, — и цепляюсь за его пальто обеими руками. Запах сигарет и парфюма. Люблю...

— Это было самое оригинальное признание в любви, какое я только слышала, — я не могу унять дрожь, — но вы кое-что упустили, доктор.

Такер смотрит на меня с сомнением — не верит в происходящее. Разумеется, он думал, я буду торжествовать и втаптывать его в грязь, упиваясь собственной гордыней. Он морально подготовился, а тут — Лимма Лессон прижимается и ластится.

— Упустил? — его пальцы осторожно и трепетно касаются моего подбородка.

— Ты так и не понял, — приподнимаюсь на цыпочки и шепчу ему в губы: — Что я втрескалась в тебя по самые уши. И плевать я хотела на все, когда ты рядом.

Он наклоняется, чтобы поцеловать. Знаю, он хочет этого очень сильно.

И я хочу.

Эпилог

Этот перелет был последним.

Тардис — тысячи парсеков — конечная точка, Элентроп. Или наоборот. Зачастую бывало наоборот. И, наверно, с меня хватит.

Я должна все изменить.

Наверно, я заблуждалась, думая, что потяну. Это ведь сложно... Я знала это всегда: до, во время, после...

Он может быть смыслом моей жизни, он может не выходить у меня из головы годами, может быть моим всем, но я не должна заикливаться лишь на нем. Есть много вещей, которым стоит уделить время и о которых я почти забыла. Вывод таков: я должна... его бросить.

Усталая, я сажусь за руль.

И как доказательство всему: Кей не встретил меня. Я понимаю, он занят, но, черт возьми, все вокруг рушится, разве он не видит?

Да, я последнее время была слишком занята мыслями о нем и совершенно потеряла форму. Мне нужно срочно наверстывать упущенное.

Мне уже двадцать пять, может, стоит задуматься о детях? Черт... с ним это невозможно. Я должна увидеть Кея, поговорить.

Дорога занимает меня. Водитель из меня никудышный, поэтому мои мысли должны быть заняты исключительно поездкой. Однако я не могу не думать о свадьбе Ниллы и о примерке платья подружки невесты — платья цвета увядающей розы. Удивляюсь, почему не черное. Хотя нет, черное будет украшать невесту. Черное на свадьбу, представить страшно!

Может быть, меня просто грызет зависть? Четыре года мы с Такером вместе, но я все еще не замужем. Да к черту! Я приняла решение — я должна бросить. Отрезать. Забыть. Так будет лучше. Возможно, первое время мне будет тяжело, но потом я пойму, что это решение было верным.

Телефон сел еще утром, что испортило мое настроение окончательно. Я не могу перезвонить Каселлу, он просил об этом. Пожалуй, Каселл должен одним из первых узнать, что я, наконец, решила изменить распорядок вещей. Я, безусловно, вернусь к нему. Он доказал, что достоин этого. Мне стоило понять это раньше.

Я въехала во двор, припарковала машину.

На улице было тепло. Постоянные перелеты, смена климата, часовых поясов — убийственный коктейль. К счастью, Элентроп всегда был моей тихой безмятежной гаванью. Хорошо, что я снова здесь. Теперь это

надолго.

После того, как все будет кончено, я, пожалуй, навещу Каптику. Иногда меня туда тянет — там похоронены мои родные. Наверно, я сделаю это сразу после свадьбы Ниллы. А затем, наконец, начнется моя спокойная жизнь.

— Доктор Лессон! — встретили меня в госпитале. — Вы так внезапно... это большая честь для нас, принимать члена совета ММА... но это так... неожиданно.

Сама от себя не ожидала, правда. Вместо того, чтобы уткнуться лицом в подушку и витать в мире грез, я приехала за Кеем, потому что у меня жуть как свербило рассказать ему все.

— Доктор Такер уже уехал, — в итоге сказали мне. — У него была длительная операция...

Он уехал, это ж надо! Эгоист, черт бы его побрал.

Я приехала за ним, хотя едва держусь на ногах от усталости. Неужели он действительно забыл, что я должна приехать? Куда он делся, я не пойму?!

Обратный путь до дома я преодолела, забыв об осторожности. Слишком велико напряжение. У меня судьба ломается, а Такер где-то пропадает, будто его это абсолютно не касается!

Да, я только утверждаюсь в мысли, что пора все менять. Я хочу нормальную семью! С ним у меня никогда ничего не получится. Все верно — я вычеркну его из своей жизни!

Мне хочется быстрее оказаться в квартире.

Я распахиваю дверь, меня встречает Кассиопея, трется об ноги, урчит. Щелкаю выключателем — загорается свет. Взгляд натывается на красную розу и бутылку игристого вина в ведерке со льдом — все это располагается на тумбочке передо мной. Стебель у розы тонкий, длинный, покрытый шипами. Бутоны тугие, бархатные, кроваво-алые. Представляю, какой дивный запах у этого цветка. Взгляд перемещается на бутылку вина — толстое стекло бутылки запотело, по нему скользит холодная капля.

Я медленно скидываю обувь, а затем подхожу к тумбочке и замечаю еще один предмет — записку. Она лежит, придавленная ведерком. Подношу к глазам, читаю, и сердце вдруг замирает, а затем тарбанит во всю мощь.

— Привет, — в тот же миг раздается за спиной.

Сердце не унимается, стучит надрывно, громко, часто. Чувствую легкое головокружение, в животе все сжимается.

— Привет... я... о боже...

Стоило только повернуться, как я забываю о вине, цветке и записке.

Кей стоит в дверях, облачиваясь руками о косяк. Рубашка на нем расстегнута, обнажая грудь и живот, посадка джинсов очень низкая — мой взгляд невольно скользит в район ширинки.

Проклятье! А ведь я хотела поговорить серьезно...

— Прости, что не встретил. Привезли тяжелого... что у тебя с телефоном? Весь день не мог до тебя дозвониться.

— Разрядился, наверно. Все в порядке, — и зачем я лгу? — Кей... нам нужно поговорить. Это важно.

На мужских губах расцветает улыбка — хитрая, понимающая и ироничная. Кей очень быстро включается в беседу, тон которой задала именно я.

— Отлично, — он идет на кухню, давая понять, что разговор состоится именно там. — Крошка,хвати вино.

Он очень редко называет меня так. А если и называет, это говорит о том, что у него хорошее настроение. Что ж, оно к лучшему.

Когда я вхожу на кухню следом за ним, он жестом указывает мне на стул с высокой металлической спинкой. Берет из моих рук вино, открывает, разливает по бокалам, а затем протягивает один мне.

Он не просто заподозрил, он, я думаю, обо всем уже догадался!

— Я, кажется, знаю, почему тебе так не терпится, Лимма, — произносит, разглядывая меня. Хочешь, угадаю, о чем пойдет речь?

Я делаю несколько больших глотков вина. Вкусное. Мое любимое. Допиваю все до капли и ставлю пустой бокал на стол.

— Угадывай, — пожимаю плечами.

Ох, уж эта улыбка... Она читается даже во взгляде.

Такер облачивается ладонями на столешницу, слегка склоняется ко мне. Вид у него такой, будто он видит меня насквозь. Хотя так и есть. Я уже давно убедилась в этом.

— Ты, наверное, думаешь: зачем он мне, я трачу на него слишком много времени. И, наверно, он этого не стоит. Верно?

В самую точку! Кей всегда все знает, особенно если это касается нас.

Молча киваю, подтверждая каждое слово.

— Ты уверена, Лимма?

Ох, я ждала этого вопроса.

— Кей...

— Ты уверена, что так будет лучше? Что не пожалеешь? Пути назад не будет, крошка, ты понимаешь?

— Да.

— Ты принимаешь все условия?

— Что?

— Помнишь, мы говорили об этом? У меня были некоторые условия, если ты вдруг решишь от всего отказаться. Помнишь, Лимма?

— Да.

— Отлично, — на губах Кея вновь появляется самодовольная улыбка. — Тогда одно из этих условий ты выполнишь прямо сейчас. Ты понимаешь, о чем я?

Мужчина делает глоток вина, а я слежу за его губами.

— Погоди, — несмело говорю я, — сейчас? То есть прямо вот так сразу?

— Прямо вот так... — шепчет Кей, кивая. — Я и так ждал слишком долго.

— Но... — мой голос обрывается, стоит Кею поставить бокал на стол. Его взгляд скользит по моему телу, по этой дурацкой, слегка смявшейся после перелета одежде. Толстовка и джинсы — не очень романтично, правда?

— Может, нам нужно подготовиться? — я тоже отставляю бокал, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

— Ага, — улыбка Такера выглядит довольно соблазнительно, — примем вместе душ.

— Кей, я серьезно! Это ведь... черт... ты же знаешь, что я... — я замолкаю, когда одним движением он скидывает рубашку, а затем молча расстегивает ремень. — Ты... — в кухне стало невыносимо жарко, — Кей...

— Тебе понравилась записка, Лессон? — он сохранил дурацкую привычку звать меня по фамилии.

— Ты сумасшедший... — я сжимаюсь на стуле, когда он подходит, склоняется и упирается ладонями в подлокотники.

— Я знал, что рано или поздно ты все бросишь.

— Ты... — хочу подобрать какое-нибудь ругательство. Моя уязвленная гордость не позволит мне просто молчать, но в этот момент Такер приподнимает мой подбородок, поглаживает щеку, а затем целует. Я же могу только тихо стонать от удовольствия.

— Можешь выбрать, где это случится, — шепчет он, поглаживая мои губы.

Пожалуй, мне уже все равно. Привстаю на цыпочки, чтобы дотянуться до его рта, и слышу польщенный смех.

— Отлично... мы сделаем это прямо здесь.

Я закрываю глаза, а в следующую секунду раздается телефонный

звонок. Мы оба, я и Такер, видим на экране телефона, что звонит Каселл.

— Твой приятель очень вовремя, — горячие губы прижимаются к моей шее.

— Нужно ответить.

— Давай, я не против. Он уже знает о твоём решении, Лимма?

Как же сложно разговаривать хладнокровно, когда мужские руки скользят по телу, проникая под толстовку и ремень джинсов.

— Лимма! — раздается в динамике голос Каселла. — Весь день тебе звоню... Утром ты меня заинтриговала...

— У меня не так много времени, поэтому скажу кратко, — начала я, чувствуя, что Кей возится с замком на моей толстовке. — Я решила все бросить! Это долго объяснять. Просто я поняла, насколько он мне не подходит и...

— Не подходит? — доносится изумленное. — Ты о чем?

— Он отнимает у меня все время, а я не хочу... ммм, — бью Кея по рукам, — не хочу растрачивать себя...

— Я не понимаю...

— Надеюсь, твое приглашение еще в силе?

Кей отчего-то смеется у меня за спиной. Я пытаюсь отстраниться, но он шепчет: «Так отлично», поглаживает меня по спине.

— Да... но я не пойму никак... — озадаченно бурчит мой коллега.

— Я потом объясню. Просто я устала от него и...

— Да о чем речь, Лимма? — не выдерживает Каселл.

Приходится объяснить.

— Я о своем проекте в Вейсмунде. Он мешает... в том числе моей личной жизни, я постоянно думаю только о нем... да еще эти перелеты. А я... мы... мы решили...

Жениться и завести ребенка...

Кей шепчет: «Как раз в этот самый момент...»

— Я хочу нормальную семью, — говорю Каселлу, — поэтому я возвращаюсь к тебе, в лабораторию. Примешь?

— О... — удивленно тянет Каселл.

Такер вдруг забирает у меня телефон, обрывает звонок и говорит вкрадчиво:

— Пожалуй, ты и так сказала ему слишком много. А мне еще не сказала ничего вразумительного. Ты помнишь, что за вопрос был в записке на тумбочке, мм?

Я поворачиваюсь, оказываясь в крепких, теплых объятиях.

— Но это не романтично, Кей, — упрекаю мягко.

— А я не романтик, — отвечает он. — Тем более я столько раз слышал «нет» в ответ на этот вопрос... Ты же сперва хотела разобраться с работой, и я был очень терпеливым, правда? Мне разве не положено вознаграждение?

Да, ему положено.

— Мой ответ — да, доволен? Я выйду за тебя.

— Упрямая маленькая ситайка... — усмехается Кей. — Стоило всего-то подождать четыре года. Но теперь будем играть по моим правилам.

Как будто раньше было иначе!

— Согласна на все! — смеюсь, встаю на цыпочки, чтобы получить в качестве поощрения очередной поцелуй.